

ISSN 1684-1581 (online)
ISSN 1562-2495 (print)

Социологический журнал

2025
Том 31
4

**Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL
2025 Том 31 № 4
Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным
Выходит четыре раза в год
Москва

Журнал издается при поддержке
Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козырева Полина Михайловна
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Козлова Лариса Алексеевна
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор, Университет штата Пенсильвания, США
Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет,
ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской
Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный
энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, Всероссийский центр изучения
общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения
(ВЦИОМ), Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-
исследовательский социологический центр РАН, Россия

EDITORIAL BOARD

<p>P.M. Kozyreva <i>Editor in Chief,</i> Doctor of Sociological Sciences</p> <p>L.A. Kozlova <i>Deputy Editor in Chief,</i> Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor</p>	<p>Institute of Sociology of FCTAS RAS; NRU “Higher School of Economics”, Russian Federation</p> <p>Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation</p>
--	---

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University, USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State University; Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS), University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostelecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation “Public Opinion” (FOM), Russian Federation

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Инициируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка **ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES** и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с.37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. Николаев В.Г. «Золотой век» Чикагской школы социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.
Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISISS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. – 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2025. ТОМ 31. № 4

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4

EDN: ZHPVRA

9–11

Михаил Константинович Горшков
(29.12.1950 – 24.11.2025)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

A.B. Резаев, А.М. Степанов, Н.Д. Трегубова

- 12–30 Между позитивизмом и релятивизмом:
место сравнительно-исторической социологии
в структуре социального знания

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Щербак

- 31–49 «Локальная» или «глобальная»? Тестирование детерминант
экологической культуры в России

С.В. Коржук

- 50–68 Трудовая и профессиональная реализация
людей с инвалидностью: институциональные ограничения
и индивидуальные решения

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

С.В. Рыжова

- 69–86 И российская, и этническая: консолидирующий потенциал
сдвоенной идентичности

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

И.Г. Дежина

- 87–110 «Академические переселенцы»:
российские ученые в США после 2022 года

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Е.А. Колосова, С.Д. Лебедев, С.Н. Майорова-Щеглова

- 111–127** Событийный аспект религиозной социализации детей в современной России

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А.Н. Малинкин

- 128–145** Социально-антропологический аспект «логической социологии» А.А. Зиновьева: реконструкция и анализ

Л.А. Козлова

- 146–174** Задачи социального познания во второй половине XIX в.: «программа» К.Д. Кавелина

ЭССЕ

В.В. Зябrikov, И.Б. Микиртумов

- 175–191** Соревновательная креативность на месте установок индивидуализма и коллективизма

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

В.И. Ильин

- 192–200** Малая родина как социологическая категория.
Размышления над книгой: Боронеев А.О., Тхакаков В.Х.,
Миронов Д.В. Феномен малой родины
и проблемы конструирования гражданской идентичности.
СПб.: Астерион, 2024

Д.Б. Литвинцев

- 201–207** От жилищной стратификации к классовой эксплуатации:
книга R. Tranjan “The Tenant Class”
в свете теории жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, 208–211 ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2025 ГОДУ

- 212–215** Апрельская международная научная конференция имени Е.Г. Ясина
НИУ «Высшая школа экономики» (14–17 апреля 2026 года)

- 216** Коррективы авторов к статье,
опубликованной в номере 3 за 2024 год

CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL
2025. TOM 31. № 4
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4**

9–11

**MIKHAIL KONSTANTINOVICH GORSHKOV
(29.12.1950 – 24.11.2025)**

THEORY AND METHODOLOGY

Rezaev, A.V., Stepanov, A.M., Tregubova, N.D.

- 12–30 Between Positivism and Relativism:
Comparative Historical Sociology in the Structure
of Current Social Sciences

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Shcherbak, A.N.

- 31–49 “Local” or “Global”? Testing the determinants
of environmental culture in Russia

Korzhuk, S.V.

- 50–68 Labor and professional integration of people
with disabilities: institutional constraints
and individual solutions

ETHNOSOCIOLOGY

Ryzhova, S.V.

- 69–86 All-Russian and Ethnic Identities:
the Consolidation Potential of a Dual Identity

SOCIOLOGY OF SCIENCE

Dezhina, I.G.

- 87–110 “Academic Emigrants”:
Russian Scientists in the US after 2022

SOCIOLOGY OF RELIGION

Kolosova, E.A., Lebedev, S.D., Mayorova-Shcheglova, S.N.

- 111–127** The Event Aspect of Religious Socialization
of Children in Modern Russia

HISTORY OF SOCIOLOGY

Malinkin, A.N.

- 128–145** The Social-anthropological Aspect
of “Logical Sociology” by A.A. Zinoviev: Reconstruction and Analysis

Kozlova, L.A.

- 146–174** The Objectives of Social Cognition
in the Second Half of the 19th Century: K.D. Kavelin’s “Program”

ESSEY

- 175–191** *Zyabrikov, V.V., Mikirtumov, I.B.*

Competitive Creativity Instead of Individualism and Collectivism

REVIEWS, SUMMARIES

Ilyin, V.I.

- 192–200** The Small Motherland as a Sociological Category:
Reflections on the Book — Boronoev A.O., Tkhakakov V.Kh.,
Mironov D.V. The Phenomenon of a Small Homeland
and the Problems of Constructing a Civic Identity. St Petersburg:
Asterion publ., 2024

Litvintsev, D.B.

- 201–207** From Housing Stratification to Class Exploitation:
Ricardo Tranjan’s “The Tenant Class”
in Light of the Housing Class Theory of J. Rex and R. Moore

208–211 INDEX, 2025

- 212–215** **XXVI April International Academic Conference named after Evgeny Yasin
at HSE University, April 14–17, 2026**

- 216** Authors’ corrections to the article published
in Vol. 30, No. 3, 2024

Михаил Константинович Горшков (29.12.1950 – 24.11.2025)

Отечественная социологическая наука понесла горькую и невосполнимую утрату. 24 ноября 2025 года на 75-м году скончался выдающийся российский ученый-обществовед, социолог с мировым именем, доктор философских наук, академик Российской академии наук, член президиума РАН, основатель и многолетний руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), директор Института социологии ФНИСЦ РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, член редколлегии «Социологического журнала» Михаил Константинович Горшков.

По окончании в 1973 году Московского медицинского стоматологического института имени Н.А. Семашко Михаил Константинович посвятил себя научной работе, пройдя достойный и требующий самоотверженности, стойкости и веры в силу разума путь от младшего научного сотрудника Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС до руководителя академической исследовательской институции федерального уровня. Его профессиональная деятельность, да и жизнь в целом были связаны с социологической наукой, в развитие которой он внес неоценимый вклад, создав новое научное направление — социологию массового сознания. Он разработал динамическую концепцию формирования и функционирования общественного мнения, позже обосновав научную школу социологической диагностики сложнейших процессов трансформации российского социума, сочетающую междисциплинарный и контекстуальный подходы и позволяющую перейти от социологии как науки об обществе к социологии как науке для общества, которая представлялась Горшкову единственно правильной, а то и возможной в условиях современности формой бытия социологического знания.

Впрочем, поименованное выше — лишь малая толика содеянного М.К. Горшковым за полвека жизни в науке. Его характеризовали страсть к познанию Отечества «как оно есть», пытливый аналитический ум, чуткость «социального врача», понимающего толк в нюансах пульса общественной жизни, активная гражданская позиция и готовность «говорить правду» (даже неудобную), акцентируя актуальные болевые точки повседневности и отстаивая интересы тех, кто не имеет возможности защитить себя сам. Благодаря этим свойствам круг научных интересов Горшкова был чрезвычайно широк — от методологии и методики прикладных социологических исследований (учебное пособие «Прикладная социология: методология и методы» его авторства, основанное на издании «Как провести социологическое исследование» под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги (1985 г.) и взрастившее поколения студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология», признано классическим, пережило не одно переиздание и поныне остается методологометодическим «бестселлером») до проблематики социальной структуры и социальной стратификации российского общества, социальной мобильности, российской идентичности, общественных неравенств, социокультурного анализа новых социальных явлений и их связи с традиционными ценностями, ценностных ориентаций различных социальных групп населения, исторического сознания россиян, представлений граждан страны о будущем России и перспективах ее развития в условиях глобальных вызовов.

Научная деятельность была для М.К. Горшкова всем. Не просто профессией, источником дохода или способом заполнить время, но в буквальном смысле этого слова судьбой, воздухом, которым он дышал, самой сутью существования. В ней он находил удовлетворение, вызов, смысл. Каждый проект, каждая задача, даже самая рутинная, превращались для него в возможность проявить себя, вложить частичку души, оставить свой след в истории, быть причастным к общему делу.

Михаил Константинович любил свою работу, и работа (а точнее — ее результаты) отвечала ему взаимностью. «Везет тому, кто везет», — не уставал повторять он и, в сущности, был совершенно прав. Создание ФНИСЦ РАН, объединившего ведущие социологические институты РАН и ставшего главным опорным пунктом социального познания современного российского общества и путей его развития, более ста полномасштабных общероссийских исследований, включая социологический мониторинг, проводимый под руководством М.К. Горшкова Институтом социологии ФНИСЦ РАН с 2014 года и нацеленный на анализ текущего состояния и динамики массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях нарастания качественно новых вызовов и угроз суверенитету страны, десятки монографий — авторских и коллективных, сотни научных статей, выступлений на всевозможных социологических площадках позволили Горшкову «нарисовать» всеобъемлющую объективную картину российского общества последних трех-четырех десятилетий.

М.К. Горшков не гнался за славой или признанием. Для счастья, которое, как известно, каждый понимает по-своему, ему вполне хватало любимых занятий — анализировать, размышлять и писать: именно в таком порядке он перечислил их в одном из своих интервью 2019 года. А еще — быть Честным Ученым...

Научный подход Михаила Константиновича был укоренен в классической русской интеллектуальной традиции, стремящейся к познанию сути вещей. Как ученый он не отделял научное познание от гражданской ответственности, не сводил социологический анализ к фиксации узкоэмпирических и статистических данных, но стремился, проникая в скрытые, глубинные смыслы и процессы, установить истинные причины общественного неблагополучия. Горшков не только фиксировал их, но предлагал конструктивные решения, направленные на смягчение противоречий и укрепление социальной солидарности, сопереживал различным социальным группам, понимая, что социальная гармония — это не данность, а результат постоянного диалога и компромисса, в котором голос социолога должен звучать громко и убедительно.

Научная деятельность М.К. Горшкова была его призванием и служением обществу, способом повлиять на происходящее в России ради ее процветания. Позиция ученого, для которого независимость научного поиска является неотъемлемым условием профессиональной деятельности, снискала ему непререкаемый авторитет в органах власти, вызывала огромное уважение и неослабевающий интерес в обществе. Сотни аналитических записок в различные властные структуры, выступления в печатных СМИ, на телевидении и радиоканалах, в стенах ведущих информационных агентств страны в рамках особо развивающегося им направления публичной социологии утвердили общественное признание Горшкова как крупнейшего российского социолога и популяризатора науки.

Роль Михаила Константиновича в сохранении классических традиций российского обществоведения и в их продуктивном творческом развитии применительно к новой российской реальности сложно переоценить. Его научное наследие стало важнейшим этапом институционализации и фундаментом дальнейшего поступательного движения отечественной социологии, значимым ресурсом национального самопознания и самосознания, стратегического планирования и исторического созидания России будущего.

Светлая память о Михаиле Константиновиче Горшкове навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников и всех, кто знал и ценил этого выдающегося ученого и замечательного человека.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.1

EDN: AVGXTS

A.B. РЕЗАЕВ¹, А.М. СТЕПАНОВ², Н.Д. ТРЕГУБОВА²

¹ Ташкентский государственный экономический университет.
100066, Узбекистан, Ташкент, ул. Ислама Каримова, 49.

² Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

МЕЖДУ ПОЗИТИВИЗМОМ И РЕЛЯТИВИЗМОМ: МЕСТО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В последние годы в русскоязычной социологии возникает интерес к осмыслению исторических процессов на макросоциальном, региональном и глобальном уровнях. Это выражается, в частности, в организации дискуссии и переводов ключевых работ по сравнительно-исторической социологии. Настоящая статья нацелена на то, чтобы, в ответ на возникающий интерес исследователей, более четко зафиксировать место сравнительно-исторической социологии в структуре современного социального знания. Авторы формулируют и стремятся обосновать тезис, что сравнительно-историческая социология предоставляет социальным ученым наиболее перспективную методологию для исследования социальных изменений в современном мире. Важное внимание уделяется особенностям и конкурентным преимуществам сравнительно-исторической социологии в сопоставлении с двумя наиболее популярными методологическими ориентациями: цивилизационным анализом и теориями модернизации. Статья включает обсуждение проблемы исследования социальных трансформаций в работах классиков социологии и современных теоретиков, исторический экскурс в развитие сравнительно-исторической социологии, а также проблематизацию современных попыток построения «незападных социологий» и их соотношения со сравнительно-историческим методом.

На основании концептуальной модели Н. Смелзера авторы определяют место сравнительно-исторической социологии как промежуточную позицию между радикальным позитивизмом (поиск универсальных законов) и радикальным релятивизмом (отрицание возможности сравнений). Эта позиция позволяет формулировать обобщения среднего уровня, учитывающие историческую специфику, но не отказывающиеся от каузального анализа.

В заключении содержание статьи обобщается в десяти тезисах и контратезисах о прошлом, настоящем и будущем сравнительно-исторической социологии.

Ключевые слова: сравнительно-историческая социология; социальные изменения; цивилизационный анализ; теории модернизации; теория множественных современностей.

Для цитирования: Резаев А.В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Между позитивизмом и релятивизмом: место сравнительно-исторической социологии в структуре социального знания // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 12–30. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.1 EDN: AVGXTS

Постановка проблемы

В 2024 г. в третьем номере журнала «Социология власти» состоялась дискуссия о судьбах исторической социологии в России и в мире [15]. Его авторы обращают внимание на двойственную ситуацию: с одной стороны, историческая социология — уважаемое и перспективное направление исследований с ясно выраженным конкурентными преимуществами; с другой стороны, в международной науке ее практикуют не так уж много исследователей, а в России она представлена отдельными энтузиастами. Причем значительную часть их деятельности составляет перевод на русский язык классиков исторической социологии — М. Манна, Т. Скочпол, Ч. Тилли, Р. Коллинза и др. Представленная дискуссия содержит довольно полную картину аргументов «за» и «против» исторической социологии, где «за» относится в основном к ее эвристическим возможностям, «против» — к трудностям реализации (сравнительно-)исторических исследований в социологической науке.

Параллельно с этим в русскоязычной социальной науке развиваются еще несколько тенденций. Во-первых, это разворот к цивилизационному анализу, представленный в работах М.В. Масловского, Р.Г. Браславского и некоторых других исследователей [6; 7; 25; 26]. Во-вторых, это уже институционализированная в рамках НИУ ВШЭ школа сравнительных количественных исследований, связанная с именами Р. Инглхарта и К. Вейцеля и их концепцией модернизации [12; 13]¹. В-третьих, следует указать на нарастающий интерес к «Южной теории» [18], которая представляет собой попытку поиска концептуальных оснований для анализа незападных обществ в сравнении с тем, что представляет классическая социология.

В рамках настоящей статьи мы бы хотели, не ставя перед собой задачу дублировать или резюмировать аргументацию существующих дискуссий, более четко зафиксировать место сравнительно-исторической социологии в структуре современного социального знания, учитывая названные выше тенденции. Цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть тезис: сравнительно-историческая социология предоставляет социальным ученым наиболее перспективную методологию для исследования социальных изменений в современном мире. При этом мы будем опираться на идеи о том, что есть сравнительная социология, содержащиеся в наших предыдущих работах [31; 32; 52].

¹ См. также публикации Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Франклина Инглхарта: URL: <https://lcsr.hse.ru/publ> (дата обращения 23.06.2023).

Статья организована следующим образом. Мы начнем с постановки проблемы об исследовании социальных трансформаций в социологии у классиков и современников. За этим последует краткий экскурс в историю и современное состояние сравнительно-исторической социологии. Далее критически проанализируем дискуссии между сравнительно-исторической социологией, как она представлена в работах классиков ее «золотого века» [16], и одним из ее наиболее перспективных «конкурентов» — теорией множественных современностей в версии С.А. Арджоманда, синтезирующей теорию модернизации и цивилизационный анализ. В заключение подведем итог проведенному нами анализу в десяти тезисах и контртезисах о прошлом, настоящем и будущем сравнительно-исторической социологии.

Однако вначале следует прояснить соотношение понятий «историческая социология» и «сравнительно-историческая социология». Существует исследовательская традиция, в которой данные понятия рассматриваются как синонимы, однако мы примыкаем к другой позиции, согласно которой можно заниматься исторической социологией, не занимаясь сравнительно-исторической социологией. Определяющей чертой исследований в рамках исторической социологии является внимание к временным характеристикам социальных процессов², которое вовсе не обязательно предполагает сравнение. Вместе с тем значительная часть исторических социологов обращались и обращаются к крупномасштабным сравнениям обществ, государств, культур. В настоящей статье мы будем рассматривать именно эту область исторической социологии.

Классики, современники и проблема осмыслиения социальных трансформаций

Актуальность сравнительно-исторической социологии для современного социального знания определяется теоретико-методологическими затруднениями, с которыми сталкиваются исследователи. С одной стороны, имеет место ситуация фрагментации знания: отдельные темы и направления развиваются, но полученные по ним выводы (пусть достоверные) имеют весьма ограниченное применение за пределами узкой области исследований. С другой стороны, наблюдается некоторый застой в социальной теории, а также разрыв между теми, кто создает сложную теорию, и теми, кто проводит эмпирические исследования на основании простых, часто устаревших концептуальных схем³. Одно из следствий данной ситуации заключается в проблеме определения ключевых характеристик социальной реальности, в которой мы живем. Терминология, которая используется, чтобы зафиксировать новую реальность, практически полностью сводится к определению ее либо как пришедшего на смену старой (пост-коммунизм, пост-социализм, пост-фордизм, пост-модернизм, пост-колониализм), либо через «размывание» старого («гибкая», «текучая» современность).

² См. ставшую классической типологию проблематизации времени в социологическом исследовании в работе У. Сьюэлла [53].

³ На примере миграционных исследований данную проблему рассматривает П.П. Лисицын [22].

Та же проблема — проблема схватывания, называния, выделения определяющих черт новой реальности — стояла перед классиками социологии. Постановка проблемы необходимости сравнительно-исторического анализа для выделения ключевых свойств новых реалий не является новой. Г. Эспинг-Андерсен [42] утверждал, что сегодня, не имея целостной картины происходящих изменений, мы, подобно классикам, можем только выделять и сравнивать возникающие тенденции, а также сопоставлять их с феноменами старого, привычного нам общества. Вопрос заключается в том, как именно осуществлять сравнения. Мы предполагаем, что на современном этапе этой задаче больше всего соответствует методологический потенциал сравнительно-исторической социологии.

Сравнительно-историческая социология возникает как реакция на критику исторического анализа, представленного в работах К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма. Рассуждения классиков вызывали упреки в этноцентризме (следовании дихотомии *the West vs the Rest*, Запад и «остальной мир»), в сведении многообразия исторических траекторий к линейному развитию и к бинарным оппозициям (механическая — органическая солидарность, общность — общество, феодализм — капитализм и др.). При этом последующее развитие социальных наук только усилило эти проблемы. Большая часть социологов отказались от рассмотрения исторических процессов и стали заниматься «мелкотемьем» [20], а многие из тех, кто стремился осмысливать социальную реальность в историческом движении, лишь усугубили проблемы классической мысли, создавая, по сути, карикатуру на них. Прежде всего, это ранние теории модернизации и догматический марксизм-ленинизм. Именно как ответ на данное положение в 1960–1970-е гг. возникает сравнительно-историческая социология, которая переосмысливает наследие классиков, чтобы вернуть в социологию историческое измерение [16].

Однако начиная с 1990-х гг. популярными становятся иные теории и подходы. С одной стороны, это такие направления социогуманитарного знания, как постколониальные исследования, исследования множественных современностей, цивилизационный анализ, культурная история, исследования памяти. С другой стороны, это теории глобализации. В отличие от сравнительно-исторической социологии данные направления сосредоточены главным образом на культурных факторах и работают с одним уровнем анализа (нации, цивилизации, мир в целом)⁴.

С конца 2000-х гг. в социальные науки проникает новый тренд — ориентация на сложные методы работы с данными, в частности, с «большими данными» и алгоритмами искусственного интеллекта (ИИ). Среди новых методов есть те, которые позволяют формально анализировать временнóе измерение социальных процессов, но нет методологии исследования социальных изменений. По сути, это возвращение на новом витке к «мелкотемью» мейнстримной социологии. Более того, прогнозы, основанные на поисках трендов с помощью инструментов ИИ, уводят нас к представлению о будущем, характерному для донаучных способов работы со временем [48]. Принцип исторической социологии состоит в том, чтобы выделять важные события в исторические моменты, когда открываются структуры

⁴ Взгляд европейского исследователя на ситуацию в сравнительно-исторической социологии и направления ее развития в условиях вызовов глобализации представлен в статье В. Шпона [40]. Можно заметить, что понимание европейским автором «исторической и сравнительной социологии» является более широким, нежели «сравнительно-историческая социология» преимущественно американской дискуссии, к разбору которой мы обратимся далее.

возможностей, и анализировать последовательности происходящих событий [20]. Поиск паттернов в данных, по-видимому, этому противоположен, поскольку не предполагает либо минимизирует работу исследователя при различении важного и неважного, осмысленного и бессмысленного.

Сравнительно-историческая социология: субдисциплина или методология исследования?

Что представляет собой сравнительно-историческая социология, и каков ее потенциал в определении ключевых характеристик социальных трансформаций, происходящих сегодня?

Для русскоязычного социального ученого сравнительно-историческая социология еще недавно была малоизвестной областью⁵. В последние годы эта ситуация постепенно меняется: стоит упомянуть переводы таких ключевых исследователей, как Р. Лахман [19; 21], Ч. Тилли [37; 38; 39], Р. Коллинз [17], Б. Мур [30], Т. Скочпол [36], М. Манн [23; 24], а также перевод дебатов между С. Арджомандом и его коллегами [1; 9; 27], которые мы рассмотрим в следующем разделе. В ведущих отечественных журналах, таких как «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Мир России», «Журнал социологии и социальной антропологии», публикуются статьи по исторической социологии. Следует отдельно указать на дискуссию между Н. Розовым [34; 35] (кроме того, см. [33]) и Б. Мироновым [28; 29], а также на уже упоминавшийся специальный выпуск «Социологии власти» [11; 14; 15]. Наконец, недавняя дискуссия о «научности» исторической социологии между Д.Я. Травиным, Д.А. Коцюбинским и А.П. Заостровцевым на страницах журнала «Город 812» свидетельствует о том, что данная проблематика может приобретать неожиданные публичные/публицистические оттенки⁶. Вместе с тем в России сравнительно-историческая социология пока остается слабо институционализированной областью исследований.

⁵ Например, поиски русскоязычной литературы по одному из ключевых понятий — *path-dependence* («эффект колеи», или «инерционное развитие») [51] приводят прежде всего к текстам экономистов, которые используют его в контексте теорий модернизации. Характерным примером служит статья А. Аузана [4], в которой ученый сначала дает определение *path-dependence* в духе сравнительно-исторической социологии, а потом переходит к обсуждению траекторий модернизации разных стран, что предполагает иную логику анализа.

⁶ Заостровцев А. История шиворот-навыворот: как мы дошли от Ельцина до Батыя. — URL: <https://gorod-812.ru/istoriya-shivorot-navyvorot-kak-my-doshli-ot-elczina-do-batuya/> (дата обращения 10.11.2025); Коцюбинский Д. Историческая социология — очередная лженеука? — URL: <https://gorod-812.ru/istoricheskaya-socziologiya-ocherednaya-lzhenauka/> (дата обращения 10.11.2025); Травин Д. «Лженеука» с точки зрения «лжеученого» (ответ Д.А. Коцюбинскому). — URL: <https://gorod-812.ru/lzhenauka-s-tochki-zreniya-lzheuchenogo-otvet-d-a-koczyubinskomu/> (дата обращения 10.11.2025); Коцюбинский Д. От «лжеученого» — истинному историческому социальному! — URL: <https://gorod-812.ru/ot-lzheuchenogo-istinnomu-istoricheskemu-socziologu/> (дата обращения 10.11.2025); Заостровцев А. Как поспорил Даниил Александрович с Дмитрием Яковлевичем. — URL: <https://gorod-812.ru/kak-posporil-daniil-aleksandrovich-s-dmitriem-yakovlevichem/> (дата обращения 10.11.2025). В рамках данной статьи представляет интерес, что сущность и значение исторической социологии определяются участниками дискуссии в соотношении с теми же двумя направлениями, которые рассматриваем мы, — цивилизационным анализом и исследованиями модернизации. Причем все три участника дискуссии понимают это соотношение по-разному.

Сравнительно-историческую социологию можно характеризовать по разным основаниям, наиболее важными из которых представляются: а) специфическое переопределение наследия классиков социологии; б) особая логика анализа и характер исследовательских вопросов; в) отношения со сравнительной социологией и исторической социологией; г) институционализированная исследовательская традиция. С точки зрения первых трех критериев сравнительно-историческую социологию следует характеризовать как особую методологию исследования; с точки зрения последнего — как субдисциплину социологии.

Как мы отметили выше, сравнительно-историческая (макро)социология возникает в 1960–1970-е гг. как набор исследовательских направлений, которые стремятся преодолеть ограничения линейных теорий модернизации и критически переосмыслить наследие классиков — прежде всего К. Маркса и М. Вебера — и их способы работы с историческим материалом. Исследования сравнительно-исторических социологов «золотого века макроисторической социологии» [16] — М. Манна, Ч. Тилли, Т. Скочпол, И. Валлерстайна и др. — были посвящены реконструкции и сравнению исторических последовательностей, которые привели к формированию социального устройства современного (*modern*) мира. Эти исследования опираются на работы историков по конкретным временным периодам и событиям, однако их отличает более широкая теоретическая перспектива — авторы стремятся объяснить, почему что-то где-то произошло, в то время как в другом месте в другое время этого не произошло. В отличие от теорий модернизации, сравнительно-историческая социология предполагает иную концептуализацию временных процессов — не как детерминированное одностороннее развитие, а как сложный процесс, который является следствием сочетания разных условий, причем эти условия — политические, экономические, религиозные — существуют и оказывают воздействие относительно независимо друг от друга.

Таким образом, сравнительно-историческая социология предлагает особую логику и методологию анализа социальных процессов. Следует отметить, что с этой логикой сочетаются почти любые теоретические основания — в той мере, в какой они способны учитывать многообразие факторов, действующих в социальной жизни. В этом отношении сравнительно-историческая социология находится на пересечении сравнительной и исторической социологии. С одной стороны, она представляет собой особый способ реализации сравнительного исследования и использует сравнение для выявления причинно-следственных связей между историческими феноменами [32]. С другой стороны, сравнительно-историческую социологию можно рассматривать как часть исторической социологии, которая исследует социальные процессы во временном измерении [20]. Это позволяет сравнительно-историческим социологам проблематизировать временные и пространственные характеристики социальных процессов, причем не только в прошлом, но и в настоящем и будущем.

Тем не менее, несмотря на универсальный характер методологии, с точки зрения организации сравнительно-историческая социология представляет собой субдисциплину социологии, преимущественно американской. Основные ее авторы сосредоточены в университетах США, работают в рамках соответствующей секции

Американской социологической ассоциации⁷, а их работы главным образом посвящены исследованию социально-политических процессов прошлого. Секция выпускает издание *Trajectories*⁸ и присуждает ряд призов: за лучшую книгу, за лучшую статью, за лучшую диссертацию и др.⁹ Внутри американской социологии данное направление не входит в исследовательский мейнстрим — это узкое, хотя и авторитетное направление, публикации в рамках которого нечасто, но регулярно появляются на страницах двух ведущих журналов — *American Sociological Review* и *American Journal of Sociology*.

Можно видеть, что сравнительно-историческая социология представляет собой одновременно универсальную методологию исследования и институционально ограниченную субдисциплину. Это позволяет фиксировать разрыв между потенциалом данного направления и его актуализацией в исследовательской практике.

Сравнительно-историческая социология и ее критики

Каковы же преимущества сравнительно-исторической социологии в сопоставлении с другими способами осмысления социальных изменений? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу дискуссии о современном состоянии сравнительно-исторической социологии 2011 г. в *Trajectories*, издании секции сравнительной и исторической социологии Американской социологической ассоциации¹⁰. Ее инициатором стал Сайд Амир Арджоманд [44], ответные реплики принадлежали Джеймсу Махони [50], Эммануилу Валлерстайну [56] и Эдварду Тирикьяну [55]. В 2013 г. Арджоманд развернуто изложил свою позицию относительно роли сравнительной социологии в современном мире, продолжая критику сравнительно-исторической социологии [43]¹¹. Данная дискуссия обобщает ар-

⁷ В отличие от Американской, в Международной социологической ассоциации сегодня нет специального подразделения сравнительно-исторических социологов, но есть исследовательские комитеты по сравнительной социологии и по исторической социологии. В 2003 г. в рамках Международной социологической ассоциации была создана тематическая группа по исторической и сравнительной социологии, которая в 2010 г. трансформировалась в рабочую группу «Историческая и сравнительная социология». В 2016 г. она была преобразована в исследовательский комитет «Историческая социология», причем название было изменено главным образом в результате возражений со стороны руководства исследовательского комитета «Сравнительная социология». Обзор публикаций исследовательского комитета «Историческая социология» (например, см: URL: <https://www.isa-sociology.org/uploads/imgen/2167-rc56newsletter-april-2025.pdf> (дата обращения 23.06.2025) свидетельствует о том, что историческая социология характеризуется здесь преимущественно через внимание к временным процессам в рамках популярных сегодня критических, постколониальных и цивилизационных исследований. Вместе с тем неверно было бы утверждать, что сравнительно-исторические исследования в рамках Международной социологической ассоциации являются полностью маргинальными.

⁸ *Trajectories* // Comparative and Historical Sociology. Section of the American Sociological Association. — URL: <http://chs.asa-comparative-historical.org/category/trajectories/> (дата обращения 17.11.2025).

⁹ Awards // Comparative and Historical Sociology. Section of the American Sociological Association. — URL: <http://chs.asa-comparative-historical.org/category/awards/> (дата обращения 17.11.2025).

¹⁰ В 2014 г. перевод дебатов на русский язык был опубликован в журнале «Социологические исследования».

¹¹ В 2016 и 2017 гг. в рамках семинарских занятий по курсу “Comparative sociology” проходили обсуждения текста Арджоманда и сопутствующей дискуссии. Авторы выражают благодарность студентам факультета социологии, без участия которых многие аргументы данного раздела не были бы сформулированы в настоящем виде.

гументы и контраргументы, которые могут быть выдвинуты в адрес сравнительно-исторической социологии со стороны иных исследовательских направлений — постколониальных исследований, цивилизационного анализа, исследования множественных современностей, — которые стали популярны в 1990–2000-е гг., после «золотого века макроисторической социологии».

Основной аргумент Арджоманда состоит в следующем: сравнительно-историческая социология не исследует различия, поэтому она не является *сравнительной* и ее следует называть просто «исторической социологией». Сравнительно-исторические социологи используют «западные» теории для исследования «остального мира», не отдавая должное аутентичному опыту других, не-западных регионов. В качестве альтернативного подхода Арджоманд выдвигает теорию множественных современностей, которая позволяет анализировать процессы модернизации в разных регионах мира (цивилизациях), рассматривая их как взаимовлияние традиций внутри региона и между регионами. В этом случае «западная» модернизация — лишь одна из традиций и одна из версий модернизации.

В своей критике сравнительно-исторической социологии Арджоманд исходит из нескольких положений. Во-первых, под «различиями» понимаются культурные различия, преимущественно религиозные и связанные с нациестроительством. Во-вторых, культурные различия являются основным критерием сравнения, поскольку остальные критерии не позволяют учитывать особого опыта цивилизаций. В-третьих, предмет анализа — это взаимовлияние «традиций» и условия, в которых оно имеет место. Как следствие, основным материалом для эмпирического анализа служат тексты, где воплощены традиции. Наконец, автор предполагает существование феномена «современностей», и именно по тому, как происходит становление разных «современностей», цивилизации, по его мнению, можно сравнивать.

Как следует оценить аргументацию Арджоманда? Совмещение цивилизационного анализа и теории модернизации — это сильный ход, слаживающий статичность первого и линейность второй. Поэтому теорию «множественных современностей» можно рассматривать как один из перспективных способов организации сравнительно-исторического анализа. При этом Арджоманд не отрицает принципиальной возможности сравнительно-исторического исследования, в отличие, например, от постмодернистской критики [16]. Он лишь предполагает, что сравнивать нужно по базовому критерию культурных (цивилизационных) различий, а все остальные критерии являются вспомогательными.

Тем не менее необходимо поставить несколько вопросов как относительно критики автора в адрес сравнительно-исторической социологии, так и по поводу предлагаемой им альтернативы.

Базовый контраргумент в ответ на критику Арджоманда заключается в указании на процессуальность исследования [52]. Действительно, сравнительно-исторические социологи используют теории, созданные на материалах исследований преимущественно Западной Европы и США¹². Однако эти теории реконструируются — перерабатываются в ходе анализа не-западных реалий. Неслучайно

¹² Один из наиболее влиятельных исследователей в сравнительной социологии, Нейл Смелзер, признает: «...сравнительный анализ, до настоящего времени, представляет собой наложение западных категорий на не-западные общества» [54]. Однако Смелзер рассматривает этот факт не как принципиальный изъян сравнительной социальной науки, а как историческое обстоятельство, которое может быть преодолено за счет интернационализации науки, особенно за счет совместных сравнительных исследований.

сегодня в сравнительно-исторической социологии распространены исследования «аномальных»/«негативных» кейсов, выделяемых как отклонения от предсказаний определенной теории (см., например: [45; 46; 49]). Здесь также можно провести параллель с «развернутым монографическим исследованием» Майкла Буравого, для которого характерна сходная стратегия — реконструкция теории на эмпирических кейсах [8].

Против подхода, предлагаемого самим Арджомандом, также можно выдвинуть несколько контраргументов:

Во-первых, Арджоманд предлагает критерий культурных различий в качестве основного, тогда как сравнительно-историческая социология рассматривает сочетания условий — экономических, политических, культурных, и именно их «сцепка» приводит к конкретному историческому результату [16]. Сравнительно-историческая социология позволяет учитывать в том числе культурные различия, тогда как подход Арджоманда может приводить к недооценке воздействия иных факторов.

Во-вторых, цивилизация, как и нация, является небесспорным объектом анализа. В конкретном исследовании его использование может быть обоснованным, но утверждать, что цивилизация — единственный допустимый объект сравнительного исследования, значит отрицать исторический характер социальной реальности. Цивилизации представляют собой продукты особого сочетания условий, разворачивающихся в истории, и их длительное существование и культурное единство могут быть иллюзией, характерной для взгляда из настоящего в прошлое [9; 10].

В-третьих, вопрос вызывает реализация эмпирического исследования. Основной объект анализа для Арджоманда — это традиции. Для сбора эмпирических данных это очень часто означает обращение к письменным текстам, которые создаются ограниченным кругом людей. Таким образом, стремясь «дать слово» различным цивилизациям, мы рискуем «лишить слова» значительную часть их населения.

Наконец, представляется, что подход, предлагаемый Арджомандом, способствует замыканию региональных социологий внутри себя, тогда как сравнительно-историческая социология — по крайней мере, потенциально — способствует сотрудничеству и совместным исследованиям между учеными из разных стран и регионов.

Для сопоставления рассматриваемых в данной статье подходов можно использовать концептуальную схему Нейла Смелзера [54]. Ученый проводит собственно сравнительный анализ в социологии между позициями крайних релятивистов, отрицающих возможность сравнения, и крайних позитивистов, игнорирующих проблемы сравнимости. Можно заметить, что направления, ставшие популярными в 1990-е гг. и выражавшие «культурный поворот» в социальных науках, тяготеют к релятивизму, в то время как мода 2010-х гг. на большие данные и вычислительные методы в социологии представляет собой очередную версию позитивизма. При этом в качестве крайних релятивистов в современной социологии будут выступать постмодернисты, а также радикальные сторонники критических и постколониальных исследований, для которых любой опыт является самоценным и уникальным, а попытка познать его «внешним» образом осмысливается как насилие. В свою оче-

редь, позицию крайних позитивистов сегодня занимают наиболее радикальные сторонники «науки о данных» (*data science*), для которых работа алгоритмов по поиску паттернов и формулированию прогнозов заменяет работу социальных ученых по организации и осмыслению результатов исследования.

Представляется, что положение сравнительно-исторической социологии также можно характеризовать согласно схеме, приведенной на рисунке. Так, теории модернизации окажутся ближе к полюсу крайних позитивистов, допуская сравнительные исследования, но только по четко определенным межстрановым показателям. А теория множественных современностей, в трактовке Арджоманда, окажется ближе к полюсу релятивистов, допуская сравнительное исследование, но только то, в котором базовым критерием выступают культурные (цивилизационные) различия. Такое исследование, разумеется, возможно, и оно подходит для реализации ряда исследовательских задач. Однако, на наш взгляд, данный подход не может быть выдвинут в качестве *единственной* сравнительно-исторической социологии (*the comparative historical sociology*).

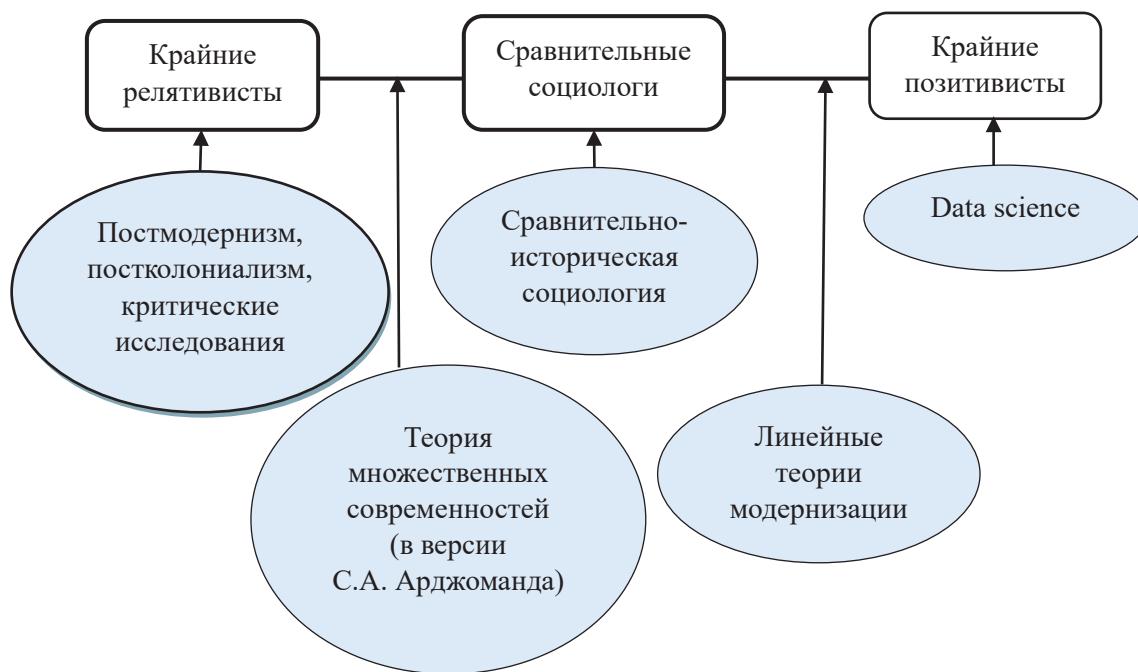

Рис. Место сравнительно-исторической социологии в структуре социального знания

Сравнительно-историческая социология «золотого века», линейные теории модернизации и классический цивилизационный анализ представляют собой идеальные типы реализации сравнительно-исторического социального исследования. Теория множественных современностей в версии Арджоманда соединяет элементы модернизацонного и цивилизационного анализов в их наиболее «чистом» виде и потому предоставляет удобный объект для сравнения с идеально-типическим исследованием в рамках сравнительно-исторической социологии, позволяя выделить его конкурентные преимущества.

Вместе с тем было бы неверно делать из проведенного анализа вывод о полной оппозиции сравнительно-исторической социологии подходам, основанным на теориях модернизации и цивилизации. Версия цивилизационного анализа,

представленная Арджомандом, не является ни единственной, ни наиболее популярной. Сравнительная аналитика Ш. Эйзенштадта [47] и Й. Арнасона [2; 3] более близка духу сравнительно-исторической социологии; при этом ведущие теоретики цивилизационного анализа никогда не утверждали, что цивилизации — это единственный объект для сравнительного анализа. Обращаясь к современной реализации теорий модернизации, также необходимо выделить исследования, для которых граница между ними и областью сравнительно-исторической социологии является весьма условной. В качестве примера можно привести анализ причин экономического роста таких авторов, как П. Эванс и Дж. Раух [41] и Н. Биггарт и М. Гиллен [5].

Таким образом, на рисунке представлен континуум исследовательских направлений, а не дискретный ряд обособленных областей. Сравнительно-историческая социология, основания которой были заложены в трудах Б. Мура, Т. Скочпол, Ч. Тилли и других классиков, на современном этапе может включать — и включает — достижения иных исследовательских традиций.

Вместо заключения: десять тезисов о прошлом и настоящем сравнительно-исторической социологии

Подходя к завершению настоящего рассуждения, мы фиксируем парадокс, на который обращали внимание и участники дискуссии об исторической социологии 2024 г. Сравнительно-историческая социология, которая предположительно могла бы ответить на вопросы, что происходит с нами здесь-и-сейчас и что будет происходить дальше, преимущественно оказывается невостребованной, закрытой в ограниченном тематическом поле и в локальной исследовательской традиции.

Почему это так? Представляется, что для западного мейнстрима она недостаточно «прогрессивна» (мало обращается к нуждам «угнетенных» и «подчиненных»), чтобы быть популярной с точки зрения содержания, и не обладает достаточно формализованным инструментарием, чтобы быть популярной с точки зрения методологии. Вместе с тем сравнительно-исторические исследования в социологии требуют от исследователя высокой квалификации социолога и (по крайней мере, некоторых) навыков историка, что делает их весьма затруднительными [14].

Изменится ли ситуация в будущем? На данный вопрос сложно дать однозначный ответ. Мы выражаем осторожную надежду, что внимание отечественных ученых к цивилизационному анализу и к макроанализу социально-исторических процессов в целом могло бы подвигнуть некоторых из них в сторону сравнительно-исторической социологии.

Завершить настоящую статью мы хотели бы пятью тезисами и пятью контртезисами о сравнительно-исторической социологии, в которых путем авторских обобщений попытались показать ее двойственное положение в рамках современных социальных наук.

Тезисы	Контртезисы
Историческая социология, понимаемая как «социология прошлого», характеризуется лишь спецификой данных. Это анализ исторического материала с помощью социологических теорий, который использует работы историков как «сырой» материал. Такое «разделение труда» между социологией и историей только углубляет дисциплинарный разрыв.	Историческая социология преодолевает одну из «родовых травм» социологии — разделение исторической социальной науки на социологию и историю. Ключевой характеристикой исторической социологии является проблематизация времени.
На уровне сложившейся дисциплинарной организации сравнительно-историческая социология — это субдисциплина социологии, преимущественно американской, связанная с исследованиями социально-политических явлений на макроуровне. Она ограничена как регионально, так и тематически.	Сравнительно-историческая социология возникает на пересечении исторической и сравнительной социологии. Она предполагает универсальный способ сравнительного исследования и концептуализацию социальной реальности в терминах процессов и событий, допуская при этом почти любые теоретические основания.
Историческая социология в целом и сравнительно-историческая социология в частности активно развивались в 1970–1980-е гг., однако уже в 1990-х гг. наступает ее застой.	Эвристический потенциал сравнительно-исторической социологии весьма велик. Она позволяет уйти от этноцентризма и бинарных оппозиций, а также учитывать совместное влияние разных факторов: материальных условий, политической организации, ценностей, форм социальности и т. д. При этом объекты анализа могут быть разными — от мир-системы до государства и локального сообщества.
Сравнительно-историческая социология сталкивается с парадоксом этноцентризма: она стремится анализировать социальные процессы в разных регионах мира, будучи локальной («местечковой») американской исследовательской традицией.	Сравнительно-историческая социология позволяет проблематизировать временные и пространственные характеристики социальных процессов. Она предоставляет методологический инструментарий для анализа становящейся социальной реальности не только в прошлом, но и в настоящем и будущем, не только «здесь», но и «там».
Наиболее распространенные способы исследования социальных изменений сегодня опираются на теории модернизации и/или цивилизационный анализ.	Существует проблема определения ключевых характеристик социальной реальности, в которой мы сегодня живем. Нет терминологии, чтобы зафиксировать новую, становящуюся реальность; вместо этого мы лишь говорим, что она пришла на смену старой (теории (пост-)модерна) или не отличается от старой (цивилизационный анализ). Сравнительно-историческая социология призвана работать именно с этой проблемой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Резаев Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ташкентский государственный экономический университет. **Телефон:** +998 (90) 817-48-51. **Электронная почта:** rezaev@hotmail.com

Степанов Александр Михайлович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 710-00-77. **Электронная почта:** a.m.stepanov@spbu.ru

Трегубова Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 710-00-77. **Электронная почта:** n.tregubova@spbu.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 12–30. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.1)**

Research Article

ANDREY V. REZAEV¹, ALEXANDER M. STEPANOV², NATALIA D. TREGUBOVA²

¹ Tashkent State University of Economics.

49, Islam Karimov str., 100066, Tashkent, Uzbekistan.

² Saint Petersburg State University.

7-9, Universitetskaya Emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation.

BETWEEN POSITIVISM AND RELATIVISM: COMPARATIVE HISTORICAL SOCIOLOGY IN THE STRUCTURE OF CURRENT SOCIAL SCIENCES

Abstract. In recent years, Russian sociology has turned its focus to the understanding of history on macro-social, regional and global scales. Specifically this can be observed in how the discussions and translations of crucial texts are structured in comparative historical sociology.

The purpose of this paper is to look into the role of comparative historical sociology within the context of the development of modern social theories.

The authors formulate and substantiate the thesis that comparative historical sociology provides social scientists with the most promising methodology for studying social change in the modern world. They consider the characteristics and ‘competitive advantages’ of comparative historical sociology in contrast with the two popular methodological frameworks: civilizational analysis and modernization theories.

The paper explores the difficulties when it comes to studying social changes by examining the perspectives of both historical classics of sociology and contemporary thinkers. It provides a historical background on the growth of comparative historical sociology and questions recent endeavors to establish ‘non-Western sociologies’ in relation to the comparative historical method.

The authors, on the basis of N. Smelser’s ideas, present their own model of the relationship between comparative historical sociology and its ‘competitors’ that are two extreme positions: radical positivism and radical relativism.

The article’s conclusion presents ten theses and counter-theses about the past, present and future of comparative historical sociology.

Keywords: comparative historical sociology; social transformation; civilizational analysis; modernization theory; multiple modernities.

For citation: Rezaev, A.V., Stepanov, A.M., Tregubova, N.D. Between Positivism and Relativism: Comparative Historical Sociology in the Structure of Current Social Sciences. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 12–30. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.1)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Rezaev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Philosophy, Tashkent State University of Economics. **Phone:** +998 (90) 817-48-51. **Email:** rezaev@hotmail.com

Alexander M. Stepanov — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology Chair, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 710-00-77. **Email:** a.m.stepanov@spbu.ru

Natalia D. Tregubova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Comparative Sociology Chair, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 710-00-77. **Email:** n.tregubova@spbu.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аржоманд С.А.* Что произошло со «сравнительным» в сравнительной и исторической социологии // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 101–103. EDN: [RXTMRL](#)
Arjomand S.A. What happened to the ‘comparative’ in comparative and historical sociology? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. P. 101–103. (In Russ.)
2. *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35. EDN: [PBDTXN](#)
Arnason J. Communism and modernity. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 1. P. 10–35. (In Russ.)
3. *Арнасон Й.* Определение цивилизаций: предварительная модель // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6. С. 53–76. EDN: [VOFVDP](#)
Arnason J. Defining Civilizations: A Provisional Model. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. 2014. No. 6. P. 53–76. (In Russ.)
4. *Аузан А.А.* «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17. EDN: [TJOVMJ](#)
Auzan A.A. Path dependence problem: the evolution of approaches. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 2015. No. 1. P. 3–17. (In Russ.)
5. *Биггарт Н., Гиллен М.* Выявление различий: социальная организация и формирование автомобильных производств в Южной Корее, Тайване, Испании и Аргентине // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 2. С. 23–55. EDN: [OYOAQB](#)
Biggart N.W., Guillén M. Developing Difference: Social Organization and the Rise of the Auto Industries of South Korea, Taiwan, Spain, and Argentina. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006. Vol. 7. No. 2. P. 23–55. (In Russ.)
6. *Браславский Р., Козловский В.* Цивилизационное измерение структурирования обществ // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 148–175. DOI: [10.17323/1728-192X-2021-1-148-175](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-1-148-175) EDN: [PLKOWR](#)
Braslavskiy R., Kozlovskiy V. The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 148–175. DOI: [10.17323/1728-192X-2021-1-148-175](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-1-148-175) (In Russ.)
7. *Браславский Р.Г.* Три волны цивилизационного анализа в социологии // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 8–30. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.3.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.1) EDN: [AGUOSZ](#)
Braslavskiy R.G. Three Waves of Civilizational Analysis in Sociology. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 8–30. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.3.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.1) (In Russ.)
8. *Буравой М.* Развёрнутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 154–176.
Burawoy M. The extended case method: steering a course between positivism and postmodernism. *Rubezh*. 1997. No. 10–11. P. 154–176. (In Russ.)

9. Валлерстайн И. О сравнении // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 105–107. EDN: [RXTMSF](#)
Wallerstein E. On Comparison. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. P. 105–107. (In Russ.)
10. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. Т. 56. № 5. С. 3–8. EDN: [VOZIKB](#)
Wallerstein E. Does India exist? *Logos*. 2006. Vol. 56. No. 5. P. 3–8. (In Russ.)
11. Дмитриев Т.А., Кильдушов О.В. Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](#) EDN: [WIAUSJ](#)
Dmitriev T.A., Kildyushov O.V. Russia in the Perspective of Historical Sociology: Heuristic Perspectives and Methodological Problems. *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](#) (In Russ.)
12. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. — 334 с.
Inglehart R. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow: Mysl publ., 2018. 334 p. (In Russ.)
13. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. EDN: [QOMHTL](#)
Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatelstvo publ., 2011. 464 p. (In Russ.)
14. Карапев Д.Ю. Как можно понимать и как тогда практиковать историческую социологию // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 35–59. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-35-59](#) EDN: [PJIULZ](#)
Karasev D.Yu. How Historical Sociology can be Taken and how then it Should be Practiced. *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 35–59. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-35-59](#) (In Russ.)
15. Кильдушов О.В. Между историей и социологией: к проблематике исторической социологии // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 8–13. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-8-13](#) EDN: [QVUNKW](#)
Kildyushov O.V. Between History and Sociology: Towards the Issues of Historical Sociology *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 8–13. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-8-13](#) (In Russ.)
16. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 72–89.
Collins R. The Golden Age of Macrohistorical Sociology. *Vremya mira*. Iss. 1. Ed. by N.S. Rozov. Novosibirsk, 2000. P. 72–89. (In Russ.)
17. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. и послесл. Н.С. Розова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2015. — 504 с. EDN: [USHTOX](#)
Collins R. *Macrohistory: Essays in sociology of the long run*. Transl. from Eng. and afterword by N.S. Rozov. Moscow: URSS publ.; LENAND publ., 2015. 504 p. (In Russ.)
18. Коннелл Р. Каноны и колонии: глобальный путь развития социологии // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 219–236. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-219-236](#) EDN: [UMNIHA](#)

- Connell R. Canons and Colonies: a Global Trajectory of Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2023. Vol. 22. No. 3. P. 219–236. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-219-236](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-219-236) (In Russ.)
19. Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010. — 456 с. EDN: [QPOBQR](#)
Lachmann R. *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. Transl. from Eng. by A. Lazarev. Moscow: Territoriya buduschego publ., 2010. 456 p. (In Russ.)
20. Лахман Р. Что такое историческая социология? // Сравнительная социология: Учебник / Под ред. А.В. Резаева. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 168–178.
Lachmann R. What is historical sociology? *Handbook on Comparative Sociology*. Ed. by A.V. Rezaev. St. Petersburg: Saint Petersburg State University publ., 2015. P. 168–178. (In Russ.)
21. Лахман Р. Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М.В. Дондуковского; Под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: Издательский дом «Дело», 2016. — 240 с.
Lachmann R. *What Is Historical Sociology?* Transl. from Eng. by M.V. Dondukovsky; Ed. by A.A. Smirnov. Moscow: Delo publ., 2016. 240 p. (In Russ.)
22. Лисицын П.П. Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разноголосье // Мир России. 2024. Т. 33. № 3. С. 6–26. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26) EDN: [BAILME](#)
Lisitsyn P. P. From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part 1: Problems. *Mir Russii*. 2024. Vol. 33. No. 3. P. 6–26. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26) (In Russ.)
23. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. / [Пер. с англ. А.В. Лазарева.] М.: Издательский дом «Дело», 2018.
Mann M. *The Sources of Social Power*. In 4 vols. Transl. from Eng. by A.B. Lazarev. Moscow: Delo publ., 2018. (In Russ.)
24. Манн М. Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / Пер. с англ. М.: Изд-во «Пятый Рим»; Фонд «Историческая память», 2016. — 934 с.
Mann M. *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Transl. from Eng. Moscow: Pyaty Rim publ., 2016. 934 p. (In Russ.)
25. Масловский М.В. Современный цивилизационный анализ в исторической социологии: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 3–12. DOI: [10.31857/S013216250018034-0](https://doi.org/10.31857/S013216250018034-0) EDN: [KUACOQ](#)
Maslovskii M.V. Contemporary Civilizational Analysis in Historical Sociology: Problems and Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 3. P. 3–12. DOI: [10.31857/S013216250018034-0](https://doi.org/10.31857/S013216250018034-0) (In Russ.)
26. Масловский М.В. Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1) EDN: [GNLQEC](#)
Maslovskiy M.V. Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities and the Models of Globalization. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1) (In Russ.)
27. Махони Д. Маргинальна ли сравнительная социология в рамках секций? // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 103–104. EDN: [RXTMRV](#)

- Mahoney J. Is Comparative Sociology Marginal within the Section? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. P. 103–104. (In Russ.)
28. Миронов Б.Н. Логическая игрушка: фантазии на исторические темы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 72–85. EDN: [NCFHRZ](#)
Mironov B.N. Logical game: fantasies on historical themes. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 72–85. (In Russ.)
29. Миронов Б.Н. Расставим все точки над i // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 92–96. EDN: [NCFHST](#)
Mironov B.N. Dotting the i's and crossing the t's. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 92–96. (In Russ.)
30. Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / Пер. с англ. А. Глухова; Науч. ред. Н. Эдельмана. М.: Высшая школа экономики, 2016. — 488 с.
Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Transl. from Eng. by A. Glukhov; Ed. by N. Edelman. Moscow: HSE publ., 2016. 488 p. (In Russ.)
31. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Сравнительная социология: общая характеристика и перспективы развития // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 89–113. DOI: 10.19181/socjour.2014.2.497 EDN: [SJUOBH](#)
Rezaev A.V., Starikov V. S., Tregubova N.D. Comparative Sociology: An overall outline and prospects for the future. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2014. No. 2. P. 89–113. DOI: 10.19181/socjour.2014.2.497 (In Russ.)
32. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Использование сравнительной методологии в социальной антропологии и социологии: сходства и различия // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 3. С. 53–71. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-3-53-71](#) EDN: [JGAMPJ](#)
Rezaev A.V., Tregubova N.D. On the Similarities and Differences of Comparative Methodology in Social Anthropology and Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2024. Vol. 23. No. 3. P. 53–71. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-3-53-71](#) (In Russ.)
33. Розов Н.С. «Спор о методе», Школа «анналов» и перспективы социально-исторического познания // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 145–155. EDN: [IPKPRT](#)
Rozov N.S. “Dispute on method”, “Annals” school and perspectives of socio-historical knowledge. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 2008. No. 1. P. 145–155. (In Russ.)
34. Розов Н.С. Социальный механизм порождения российских циклов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 48–70. EDN: [NCFHRP](#)
Rozov N.S. Russian historical cycles: a social mechanism for their generation. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 48–70. (In Russ.)
35. Розов Н.С. Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 76–91. EDN: [NCFHSJ](#)
Rozov N.S. Theoretical macrosociology and empirical history: is productive dialogue possible? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 76–91. (In Russ.)
36. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 552 с.
Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Moscow: Gaidar Institute Press publ., 2017. 552 p. (In Russ.)

37. Тилли Ч. Историческая социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 95–101. EDN: KBDDQB
Tilly C. Historical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 5. P. 95–101. (In Russ.)
38. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева; Науч. ред. С. Моисеева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 432 с.
Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Transl. from Eng. by D. Karasev; Ed. by S. Moiseev. Moscow: HSE publ., 2019. 432 p. (In Russ.)
39. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 328 с.
Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Transl. from Eng. by T.B. Menskaya. Moscow: Territoriya buduscheho publ., 2009. 328 p. (In Russ.)
40. Шпон В. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 2. С. 55–69. EDN: SIZRSN
Spohn W. Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. Vol. 17. No. 2. P. 55–69. (In Russ.)
41. Эванс П., Раух Д. Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберианизации» государственного аппарата на экономический рост // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1. С. 38–60. EDN: OYOALL
Evans P., Rauch J.E. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006. Vol. 7. No. 1. P. 38–60. (In Russ.)
42. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 241–266. EDN: JTRSEH
Esping-Andersen G. Two societies, one sociology and no theory. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*. 2008. Vol. 6. No. 2. P. 241–266. (In Russ.)
43. Arjomand S.A. Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology. *Worlds of Difference. SAGE studies in international sociology*: 61. Ed. by S.A. Arjomand, E. Reis. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. 2013. P. 15–39. DOI: [10.4135/9781446288085.n2](https://doi.org/10.4135/9781446288085.n2)
44. Arjomand S.A. What happened to the ‘comparative’ in comparative and historical sociology? *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 34–36.
45. Cohen M. Historical Sociology’s Puzzle of the Missing Transitions: A Case Study of Early Modern Japan. *American Sociological Review*. 2015. Vol. 80. No. 3. P. 603–625. DOI: [10.1177/0003122415583487](https://doi.org/10.1177/0003122415583487)
46. Desai M. The Relative Autonomy of Party Practices: A Counterfactual Analysis of Left Party Ascendancy in Kerala, India, 1934–1940. *American Journal of Sociology*. 2002. Vol. 108. No. 3. P. 616–657. DOI: [10.1086/367919](https://doi.org/10.1086/367919)
47. Eisenstadt S. The civilizations of the Americas: The crystallization of distinct modernities. *Comparative Sociology*. 2002. Vol. 1. No. 1. P. 43–62. DOI: [10.1163/156913202317346746](https://doi.org/10.1163/156913202317346746)
48. Esposito E. *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2022. 200 p. DOI: [10.7551/mitpress/14189.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/14189.001.0001)
49. Kiser E., Cai Y. War and Bureaucratization in Qin China: Exploring an Anomalous Case. *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68. No. 4. P. 511–539. DOI: [10.1177/000312240306800402](https://doi.org/10.1177/000312240306800402)
50. Mahoney J. Is Comparative Sociology Marginal within the Section? *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 36–37.

51. Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. No. 4. P. 507–548. DOI: [10.1023/A:1007113830879](https://doi.org/10.1023/A:1007113830879)
52. Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. Comparative Sociology as an Inquiry and as a Teaching Discipline: An Attempt of Comparative Analysis. *Comparative Sociology*. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 143–175. DOI: [10.1163/15691330-12341341](https://doi.org/10.1163/15691330-12341341)
53. Sewell W. Three Temporalities: Toward a Sociology of the Event. *CSST Working Paper No. 58*, 1990.
54. Smelser N. On Comparative Analysis, Interdisciplinary and Internationalization in Sociology. *International Sociology*. 2003. Vol. 18. No. 4. P. 643–657. DOI: [10.1177/0268580903184001](https://doi.org/10.1177/0268580903184001)
55. Tiryakian E. What happened to the comparative in comparative historical sociology? *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 23. No. 1. P. 3–4.
56. Wallerstein E. On Comparison. *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 37–39.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 10.11.2025; принята к публикации: 15.11.2025.

Received: 02.07.2025; revised after review: 10.11.2025; accepted for publication: 15.11.2025.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.2

EDN: AXJHFN

A.Н. ЩЕРБАК¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, к. 2.

«ЛОКАЛЬНАЯ» ИЛИ «ГЛОБАЛЬНАЯ»? ТЕСТИРОВАНИЕ ДЕТЕРМИНАНТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ¹

Аннотация. Главная исследовательская загадка, к которой обращается автор статьи, состоит в несоответствии теоретических моделей энвайроментализма на основе постматериалистических ценностей и эмпирически наблюдаемого экоактивизма в России, который все более заметно связан с консервативными установками, например, с традициями и патриотизмом. Предлагаемая модель экологической культуры включает и ценностно-нормативные, и поведенческие аспекты, состоит из шести эмпирически измеряемых компонент: важность локальных и глобальных экологических проблем, приоритет сохранения природы или экономического роста, экологическое потребление и экологическое участие. Основное предположение заключалось в наличии разнообразия экологических культур и проверке ряда детерминант выделенных компонент. Для проверки гипотез используются данные опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который проводился в 6 регионах России весной — летом 2024 г. ($N = 1950$). На основе применения методов анализа главных компонент, Т-теста, корреляционного и регрессионного анализа в исследовании подтвердилась валидность предложенной модели экокультуры и были выявлены, как минимум, частичные взаимосвязи предлагаемых компонент с рядом детерминант: региональной идентичностью, экоконсерватизмом и локальной агентностью. Результаты не позволили выделить значимых региональных различий, однако не показали и фокусированность респондентов исключительно на локальных проблемах. Активная вовлеченность в решение различных экопроблем вполне связывается с традиционалистскими установками. Необходим дальнейший поиск моделей экокультур, совмещающих активное отношение к охране природы и традиционализма.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00661 «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения». См.: URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>

Ключевые слова: экологическая культура; региональная идентичность; консерватизм; ценности; экологическое участие; экологическое поведение.

Для цитирования: Щербак А.Н. «Локальная» или «глобальная»? Тестирование детерминант экологической культуры в России // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 31–49.
DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.2 EDN: [АХJHFN](#)

Введение

Данная статья посвящена изучению экологической культуры в России. Любая экологическая политика — национальная или региональная — так или иначе будет соотноситься с базовыми представлениями граждан о важности проблем защиты окружающей среды и о возможном репертуаре своего поведения в данной области. При определении экологической культуры автор статьи опирается на существующие представления зарубежных и отечественных ученых [11; 3; 19; 23]. В российском контексте разработка концепта экологической культуры сталкивается, по его мнению, с дополнительными сложностями. С одной стороны, это должен быть в определенной мере универсальный подход, который следует ранее предложенной логике создания модели экологической культуры на основе ценностно-нормативных и поведенческих компонент [3]. В рамках этого подхода более «прогрессивная» экологическая культура (то есть связанная с большей обеспокоенностью экопроблемами и более высокой готовностью менять свое экоповедение) будет связана с более «прогрессивными» ценностями (постматериалистическими [18], эмансипативными [24]), что и показывают кросс-странные исследования [6]. С другой стороны, в отечественном контексте мы наблюдаем своего рода парадокс российского экологического участия и экоактивизма. Исследования часто показывают преобладание в экологическом активизме традиционалистских фреймов [22; 8], а наличие экоконсерватизма — вместо «прогрессистской» эколиберальной повестки. Почему же в России экоактивизм не соотносится с распространением постматериалистических ценностей?

В данной работе осуществляется попытка в первом приближении дать ответы на поставленные вопросы. Во-первых, на основе оригинальных опросных данных нами предложена модель экологической культуры из шести компонент, которые отражают указанные выше ценностно-нормативный и поведенческий аспекты. Стоит отметить, что экологическая культура в статье понимается именно как набор компонент, а не как «единое целое». Во-вторых, проверено, наблюдается ли региональное разнообразие в оценке этих компонент. В-третьих, тестируется ряд факторов, которые могли бы ассоциироваться с обозначенными компонентами экологической культуры. Основной является проверка значимости региональной идентичности (понимаемой как привязанность к своему региону), а также экоконсервативных установок и локальной агентности (понимаемой как уверенность в способности менять свою жизнь и доверие к соседям). Отчасти это предположение, что граждане беспокоятся и готовы заботиться не о природе *вообще*, а о *своей* природе. Это позволяет ожидать, что локальные проблемы будут существенно важнее глобальных [9], что вполне соотносится с глобальным трендом на усиление правого экопопулизма [14; 17]. Равно как и выбор приоритета

между сохранением природы или экономическим ростом может оказаться не столь однозначным: решение локальных проблем не требует алармизма с призывом радикально поменять общественную модель. Другое предположение заключается в наличии разнообразия — как регионального, так и сущностного — экологических культур. Таким образом, цель данной работы — изучение экологической культуры России в региональном разрезе: с точки зрения как привязки к региону (и местного участия), так и регионального разнообразия.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: *какие факторы влияют на основные компоненты экологической культуры в России?* Как было сказано, данная работа фокусируется на региональной идентичности, экоконсервативных установках и локальной агентности. Соответственно, ее задача — построение модели экологической культуры в России и выявление факторов, влияющих на основные компоненты полученной модели. Ожидается, что эти компоненты будут ассоциироваться с большей значимостью локальных проблем и локального участия. Иными словами, «своя природа ближе к телу».

Эмпирическая стратегия опирается на данные опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который был проведен в 6 регионах весной — летом 2024 г. ($N = 1950$). На основе методов анализа главных компонент, Т-теста, корреляционного и регрессионного анализа показано, что выявленные компоненты экологической культуры в той или иной степени связаны с региональной идентичностью, экоконсерватизмом и локальной агентностью.

Экологическая культура в России

В литературном обзоре сфокусируемся на двух наиболее важных для данного исследования пластиах литературы — это вопросы определения самого концепта «экологическая культура» и измерительная модель данной культуры.

Концепт «экологическая культура»

Экологические проблемы являются важным вопросом повестки любого общества на протяжении многих десятилетий (см., например: [15; 16]). Если ответом общества на данные проблемы на макроуровне является экологическая политика (например, ужесточение экологических стандартов в промышленности, строительстве, а в быту — новые подходы к сбору и переработке мусора), то на микроуровне часто определяется изменение экологической культуры [11; 3; 4]. Как определить экологическую культуру? Одни авторы рассматривают ее через ценностно-нормативный аспект [11], другие — добавляют и поведенческий аспект [3]. В зарубежной литературе концепт «экологическая культура» менее популярен, многие авторы предпочитают исследовать отдельно проэкологические установки [20] и проэкологическое поведение (см. обзоры: [2; 5]).

В данной работе экологическая культура понимается как совокупность экологических установок и паттернов экологического поведения. Эффективность защиты окружающей среды на макроуровне зависит в том числе от изменений на микроуровне — от осознанной готовности граждан изменять свое отношение к природе и свое поведение. Предполагается, что восприятие экологических

проблем может существенно зависеть от регионального разнообразия, особенно в России с ее огромной вариативностью климата, природных ландшафтов, хозяйственных систем и культур.

Существующие исследования свидетельствуют о позитивной связи между постматериалистическими ценностями и активным проэкологическим поведением [6] в рамках эволюционной теории модернизации. Наиболее выраженная поддержка проэкологического поведения и проэкологических ценностей будет отмечаться среди молодых, высокообразованных индивидов из высокодоходных групп, живущих в городах. Такие примеры можно найти также в странах Западной Европы и Северной Америки (см., например: [21]). Однако в России часто наблюдается обратная связь. Наиболее интенсивные экологические протесты происходят в регионах с довольно низким уровнем постматериалистических ценностей, что подтверждается недавними исследованиями: протестующие экоактивисты позиционируют себя как защитников традиционных ценностей [8; 22].

Восприятие остроты экологических проблем опосредуется существующими экологическими установками, которые являются частью политической культуры того или иного сообщества. Экологическая культура может считаться частью общей политической культуры сообщества, что позволяет увязать ее и с другими элементами, в том числе с вопросами идентичности и более широкой ценностной ориентации. Насколько успешно правительство сможет урегулировать экологические конфликты и предлагать решение таких проблем, зависит в том числе от восприятия населением экологической повестки. Исходя из размера страны и ее регионального разнообразия вопрос связи региональной идентичности и восприятия населением экологической проблематики является крайне актуальным. Региональная идентичность связана с типом повестки экологической проблематики, которую можно разделить на традиционную и модернизационную [1; 12].

Традиционную повестку проводят «защитники локальных сообществ», отстаивающие базовые права и свободы местных сообществ и защищающие местные ландшафты от натиска транснациональных корпораций [12]. В данном случае граждане реагируют в основном на видимые проблемы: загрязнение конкретных территорий, планы властей по застройке определенных участков, появление свалок отходов в непосредственной близости от своих населенных пунктов и т. д. Модернизационную повестку проводят «транснационалы», продвигающие глобальную экологическую повестку [1; 12], которая может быть увязана с распространением постматериалистических ценностей и в основном сфокусирована на решении «абстрактных», редко напрямую наблюдаемых многими гражданами проблем. Подобное разграничение на два типа экологической проблематики с различным фокусом позволяет также выделить более широкий спектр возможных компонент экологической культуры. Исходя из понимания экологической культуры как измеряемого и эмпирически обоснованного конструкта рассмотрим принципы ее измерения.

Измерение экологической культуры

Эмпирические исследования экологической культуры в России довольно малочисленны. Отчасти это обусловлено ограниченностью доступных данных, а также, как минимум, частично теоретической неразработанностью моделей экологической культуры. Стоит также признать, что сама по себе задача построения модели экологической культуры является довольно непростой.

А. Курбанов и В. Прохода [3] построили фактор экологической культуры на данных «Европейского социального исследования» (ЕСИ) (*European Social Survey*) из пяти переменных (вопросов) для всех европейских стран, включая Россию. Вопросы касались установок населения по отношению к изменению климата, в том числе степени информированности, индивидуальных установок респондентов, их убежденности в эффективности борьбы с изменением климата. На выходе получилась однофакторная модель, отражающая отношение к изменению климата, но игнорирующая многие компоненты с выделением условно высокого и низкого уровней экокультур. Россия оказалась в группе стран с самым низким уровнем экокультуры; примечательно, что эта группа состояла из постсоциалистических стран. Полученная модель оказалась весьма фрагментированной и противоречивой: слабая обеспокоенность изменением климата (если даже не климат-скептицизм) среди россиян и невысокая информированность об экологических проблемах. Особо отмечается, что в России отсутствует корреляционная зависимость между экокультурой и уровнем образования. Похожая ситуация складывается только в Литве [3, с. 360]. Корреляционный анализ между экокультурой и доходом также показал, что в России наблюдается обратная корреляционная связь ($r = -0,120$). Это означает, что в целом рост материального благосостояния респондентов отрицательно влияет на уровень их экологической культуры [3, с. 362]. Авторы приходят к выводу, что в России несколько иная экологическая культура по сравнению со многими европейскими странами.

В следующей работе Прохода [4] предложил схожую модель экологической культуры на данных ЕСИ на основе следующих вопросов: представления о важности сохранения окружающей среды, личные нормы и убеждения относительно эффективности участия в решении проблемы. Была создана факторная модель для 31 страны, участвовавшей в опросе, что позволило сравнивать эти страны. Как и в исследовании [3], Россия оказалась среди стран с самой низкой экологической культурой; при этом опять для страны был выявлен самый низкий коэффициент корреляции между уровнем образования и экокультурой. Автор констатирует, что «экологическая культура населения в целом выше в странах с развитой экономикой и высоким уровнем жизни» [4, с. 154]. Это подтверждение тезиса о связи проэкологических установок и постматериалистических ценностей в развитых странах.

В других работах тестировались модели проэкологического поведения [2; 5], в том числе с акцентом на поиск детерминант проэкологических установок и поведения. Под проэкологическим понималось поведение, направленное на минимизацию вреда, причиняемого окружающей среде, а также оказывающее на нее благоприятное воздействие [5, с. 174]. Среди основных детерминант оказались пол (женщины более склонны к проэкологическому поведению), возраст (смешанные результаты), образование (чем выше его уровень, тем выше склонность к проэкологическому поведению), уровень дохода (смешанные результаты), социально-психологические и личностные переменные. Интересно, что ряд моделей показали: некоторые виды проэкологического поведения оказались связаны с отдельными консервативными ценностными установками (например, патриотизм, традиционная мораль). Это подтверждает мысль, что в России несколько иная экологическая культура, в которой определенную роль играют традиционные, консервативные установки. Такие соображения уже высказывались в литерату-

ре как на примере кейсов отдельных экоконфликтов [8; 22], так и при изучении экологической политики [7; 9]. В одной из недавних работ было выявлено, что проэкологические установки и поведение в России положительно связаны с экоконсерватизмом, а точнее, с экотрадиционализмом [10]. Под последним понимался комплекс экологических установок, в которых делается акцент на духовность, возрождение села, воинственность (патриотизм) в защите природы, отрицание города и рыночных реформ. Решение экологических проблем предполагается в близости к природе, почве.

Резюмируя, можно сказать, что в отечественной литературе наблюдается нехватка работ по эмпирическому тестированию моделей экологической культуры, особенно с акцентом на региональное измерение и поиск детерминант выявленных моделей. Настоящее исследование стремится восполнить данный пробел.

Теоретическая рамка

Данная работа может восприниматься как своего рода поисковое исследование, направленное на эмпирическую разработку концепта экологической культуры в российском контексте. Для проверки наличия различных экологических культур, в том числе региональных, тестируется довольно упрощенная модель экологической культуры на основе следующих компонент: а) важность экологических проблем — глобальных и/или локальных; б) выбор приоритета в пользу (сохранения) природы и/или экономики; в) экологическое потребление; г) экологическое участие. Первые четыре компонента относятся к ценностно-нормативной части экокультуры, последние две — охватывают поведенческий аспект. Модель допускает наличие противоречий, как минимум, в ценностной части: между глобальными и локальными проблемами, между природой и экономическим ростом. Это может помочь выделить разные конstellации компонент и, возможно, разные культуры. Данная модель не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей и логично взаимосвязанной, однако она включает все основные элементы экокультуры: нормы и ценности, потребление и участие. Главной задачей в рамках данной работы является не тестирование взаимосвязи между компонентами, а поиск универсальных детерминант этих компонент. Основные три предположения заключаются в том, что в российском контексте значимую роль будут играть региональная идентичность, понимаемая как привязка к своему региону; экоконсерватизм и локальная агентность, которая понимается как способность влиять на свою судьбу и доверие к соседям.

Первое предположение заключается в том, что будет наблюдаться значимая связь между основными компонентами экологической культуры и региональной идентичностью: респонденты ценят свою, более знакомую природу и готовы заботиться о ней.

H1: Чем сильнее региональная идентичность, тем сильнее связь со всеми компонентами экологической культуры.

Вторым предположением является важность экологического консерватизма. Ранее уже тестировалось его влияние на экологическую культуру, но без учета региональной идентичности [10]. В значительной степени фактором поддержки

экологической культуры является экотрадиционализм, под которым понимается комплекс установок о разрешении экологических проблем через возрождение духовности, традиций, а также села. Предполагается положительная связь между основными компонентами экологической культуры и экоконсервативными установками в российском контексте.

H2: Чем сильнее выражен экоконсерватизм (особенно экотрадиционализм), тем сильнее связь со всеми компонентами экологической культуры.

Третьим предположением является положительная связь между компонентами экологической культуры и активной жизненной позицией, под которой понимаются агентность и доверие к соседям. Экоконсерватизм не означает пассивного восприятия экологических проблем и отказ от их решения; респонденты на местном уровне готовы заниматься решением вопросов охраны окружающей среды.

H3: Чем сильнее проявляется локальная агентность, тем сильнее связь со всеми компонентами экологической культуры.

В данном исследовании планируется показать, что экологическая культура тесно связана с региональной идентичностью, экоконсерватизмом и локальной агентностью. При этом радиус волнующих проблем не ограничивается местными вопросами.

Данные и методы

Для ответа на поставленные вопросы были использованы данные социологического опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который проведен по нашему заказу исследовательской организацией ЦЕССИ в рамках настоящего проекта. География опроса — шесть регионов России (Свердловская, Костромская области, Красноярский и Забайкальский края, Республика Чувашия и Москва). Эти регионы представляют собой практически все федеральные округа, разные типы субъектов Федерации (области, края, республика, город федерального значения) с разными экономическим весом и характером экологических проблем (условно более «грязные» и более «чистые»).

Метод опроса — телефонные интервью с использованием автоматизированной системы дозвона и организации данных (CATI). Выборка — 300 человек на регион, в Москве — 450 человек, всего — 1950 респондентов. Выборка строилась независимо для каждого региона по единой случайной вероятностной модели на основе случайной генерации телефонов, генеральная совокупность — все население старше 18 лет. Опрос проводился в мае — июле 2024 г.

Преимущественно опросник содержал вопросы про отношение респондентов к экологическим проблемам: важность различных (глобальных и локальных) экологических проблем, личная ответственность за возникновение экологических проблем, отношение к экологии и природе, паттерны проэкологического поведения и его мотивы, экологическое участие и его мотивы и др. Дополнительно в опросник были включены вопросы про ценности, политическое участие, региональную идентичность, различные типы доверия, а также социально-демографические контрольные переменные — пол, возраст, образование и доход.

Эмпирическая стратегия данного исследования включала несколько этапов. На первом этапе отобраны вопросы про экологические ценности и нормы, экопотребление и экоучастие. Было решено использовать для построения модели весьма большое количество вопросов. Для удобства последующего анализа был использован метод главных компонент для снижения соразмерности, что позволило построить шесть факторов, которые рассматриваются как компоненты экологической культуры. Для выявления связей между компонентами был применен корреляционный анализ. Кроме того, анализ главных компонент был использован для создания независимых переменных (факторов) «региональная идентичность», «экоконсерватизм». Во всех случаях были сохранены факторные нагрузки как регрессионные коэффициенты для каждого респондента.

Опросник содержал вопрос о важности экологических проблем. Удалось выделить два фактора: важность локальных проблем (локальные) и важность глобальных проблем (глобальные) (табл. 1).

Таблица 1**Анализ главных компонент: важность экологических проблем**

<i>Насколько важна для Вас проблема (1 – совсем не важна, 5 – очень важна):</i>	Экологические проблемы	
	локальные	глобальные
глобальное изменение климата	0,208	0,816
загрязнение воздуха, земель, воды	0,585	0,340
сокращение биоразнообразия	0,509	0,430
лесные пожары	0,658	0,275
озоновые дыры	0,234	0,850
рост выброса парниковых газов	0,264	0,830
утилизация мусора	0,742	0,085
затопление территорий	0,506	0,443
вырубка лесов	0,764	0,189
захоронение химических, ядерных отходов	0,651	0,216
жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников	0,597	0,236
Доля объясненной вариации, %	30,6	25,4

Примечание. Метод ротации: варимакс с нормализацией Кайзера.

Другой использованный вопрос затрагивал выбор приоритетов для респондента: сохранение природы или экономический рост (табл. 2). Также удалось извлечь два фактора: приоритет природы (природа) и приоритет экономики (экономика).

Таблица 2

Анализ главных компонент: природа и экономика

<i>Вы согласны, что (1 – совершенно не согласен, 4 – совершенно согласен):</i>	Приоритетные факторы	
	экономика	природа
вмешательство человека в природу часто приводит к катастрофическим последствиям	-0,087	0,772
растения и животные имеют такие же права на существование, как и люди	-0,009	0,810
на планете достаточно природных ресурсов, чтобы можно было вести тот образ жизни, к которому мы привыкли	0,721	0,183
природа самостоятельно может справиться с последствиями роста промышленного производства	0,709	-0,204
экономические цели важнее экологических проблем	0,693	-0,111
Доля объясненной вариации, %	30,2	26,8

Примечание. Метод ротации: варимакс с нормализацией Кайзера.

Для измерения поведенческого аспекта модели экокультуры были использованы два вопроса: про частоту экопотребительских практик и про форматы экоучастия (табл. 3). Каждый из вопросов был сведен до одного фактора (экопотребление и экоучастие соответственно).

Таким образом, были получены шесть компонент экокультуры, они же зависимые переменные, которые будут использованы в дальнейшем анализе.

Таблица 3

Анализ главных компонент: экопотребление и экоучастие

<i>Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы (1 – никогда, 5 – всегда):</i>	Экопотреб- ление	<i>Участвовали Вы в этом за последние два года:</i>	Экоучастие
Искали способы повторного использования вещей	0,664	Участвовали в благоустройстве района или города, где Вы живете, за последние два года?	0,554
Сортировали мусор	0,591	Участвовали в подписании петиций, коллективных писем за последние два года?	0,570
Отказывались от использования пластиковой посуды или пакетов	0,611	Делали посты и репосты в Интернете за последние два года?	0,583
Экономили бензин, электричество или отопление	0,557	Делали материальные пожертвования на экологические акции за последние два года?	0,548
Лично делали что-то полезное для природы	0,511	Работали волонтером за последние два года?	0,521

Продолжение таблицы 3

<i>Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы (1 – никогда, 5 – всегда):</i>	Экопотребление	<i>Участвовали Вы в этом за последние два года:</i>	Экоучастие
Сами выращивали экологически чистые продукты	0,458	Подписывались на информационную рассылку за последние два года?	0,533
		Участвовали в каких-либо других действиях по защите окружающей среды за последние два года?	0,522
Доля объясненной вариации, %	32	Доля объясненной вариации, %	30

Источник: Опрос «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России» (2024 г.).

Метод анализа главных компонент был использован также для создания ряда независимых переменных. Одной из главных целей данной работы является выделение различных видов экоконсерватизма (табл. 4). Так, в исследовании [10] было обнаружено, что фактор экотрадиционализма положительно связан с про-экологическими установками и поведением в России. Получены два фактора: экотрадиционализм (решение экопроблем через возрождение духовности, традиций и русского села) и экодирижизм (решение экопроблем через вмешательство государства).

Таблица 4**Анализ главных компонент: экоконсерватизм**

<i>Согласны ли Вы с утверждениями (1 – совершенно не согласен, 5 – совершенно согласен):</i>	Факторы	
	экотрадиционализм	экодирижизм
если возродится духовность, то и природа будет спасена	0,743	0,114
существующие экологические проблемы в стране — порождение либеральных экономических реформ	0,561	0,442
экоактивисты — марионетки крупного бизнеса	0,016	0,758
причина усугубления экологических проблем — чрезмерный рост городов	0,565	0,014
за сохранением села — сохранение природы России	0,744	0,123
экология — арена geopolитической борьбы между странами	0,310	0,672
только государство может решать экологические проблемы	0,056	0,629
зашщищать природу значит защищать родину	0,632	0,137
Доля объясненной вариации, %	28	20,8

Примечание. Метод ротации: варимакс с нормализацией Кайзера.

Еще одной независимой переменной, также полученной на основе анализа главных компонент, является региональная идентичность (табл. 5).

Таблица 5

Анализ главных компонент: региональная идентичность

<i>Согласны ли Вы с утверждениями (1 — совершенно не согласен, 4 — совершенно согласен):</i>	Региональная идентичность
область (край, республика, город), в которой я живу, для меня важнее, чем все другие регионы	0,542
я скучаю по области, когда уезжаю надолго	0,780
я чувствую себя счастливым в своей области	0,794
я считаю, что моя область — самая лучшая в России	0,783
в будущем я планирую переехать в другой регион	-0,594
Доля объясненной вариации, %	50

Источник: Опрос «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России» (2024 г.).

Для измерения локальной агентности были использованы две переменные. *Агентность* измерялась вопросом «В какой степени Вы влияете на ход своей жизни?» (1 — совсем не влияю, 10 — полностью влияю), *доверие к соседям* — вопросом «Насколько Вы доверяете людям, живущим по соседству?» (1 — совсем не доверяю, 4 — полностью доверяю).

Включены были также социodemографические контрольные переменные: *возраст* (количество лет), *пол* (1 — мужчина, 2 — женщина), *образование* (1 — начальное или меньше, 2 — законченное среднее, 3 — среднее специальное или профессиональное, 4 — высшее или научная степень), *субъективный доход* (1 — очень трудно жить на такой доход, 2 — довольно трудно, 3 — этого дохода Вам в принципе хватает, 4 — живете на этот доход, не испытывая материальных затруднений).

Результаты анализа

На следующем этапе было проверено, насколько все выделенные компоненты экокультуры соотносятся между собой, для чего проведен корреляционный анализ (табл. 6). Он показал, что, во-первых, все компоненты коррелируют между собой (кроме тех, которые были извлечены в результате анализа главных компонент из одного набора вопросов), а во-вторых, все корреляции положительные, кроме компоненты *экономика*. Этот результат выглядит вполне логичным: приоритет экономического роста отрицательно относится с любыми проэкологическими установками и поведением.

Таблица 6

Таблица корреляций между всеми компонентами экологической культуры

Компоненты экологической культуры	Локальные проблемы	Глобальные проблемы	Экономика	Природа	Экопотребление	Экоучастие
локальные проблемы	1	0,000	-0,183**	0,235**	0,162**	0,108**
глобальные проблемы		1	-0,090**	0,299**	0,138**	0,148**
экономика			1	0,000	-0,093**	-0,150**
природа				1	0,113**	0,070**
экопотребление					1	0,360**
экоучастие						1

Примечание. Корреляция Спирмена. * — 5%-ный уровень значимости; ** — 1%-ный уровень значимости.

Полученные данные были изучены в региональном разрезе. Средние значения каждой компоненты сравнивались со средним по выборке с использованием метода Т-теста, чтобы выявить различия, которые могут свидетельствовать о наличии особых региональных экологических культур (см. рис.). В выборке было всего шесть регионов с разным экологическим профилем. Проведенный анализ показал, что региональные компоненты почти не отличаются от средней по выборке. Только в случае Москвы ряд компонент — *глобальные проблемы, локальные проблемы, природа* и *экоучастие* — оказываются значимо ниже среднего, что, однако, можно объяснить более крупным размером выборки. Из других регионов только Забайкальский край значительно отличается от средней в более высокую сторону по двум параметрам — *экономика* и *экоучастие*. Чувашская Республика и Костромская область значимо отличаются от средней более высокими значениями по параметру *локальные проблемы*. Такие результаты едва ли позволяют говорить о наличии разнообразия региональных экологических культур, как минимум, исходя из имеющихся данных.

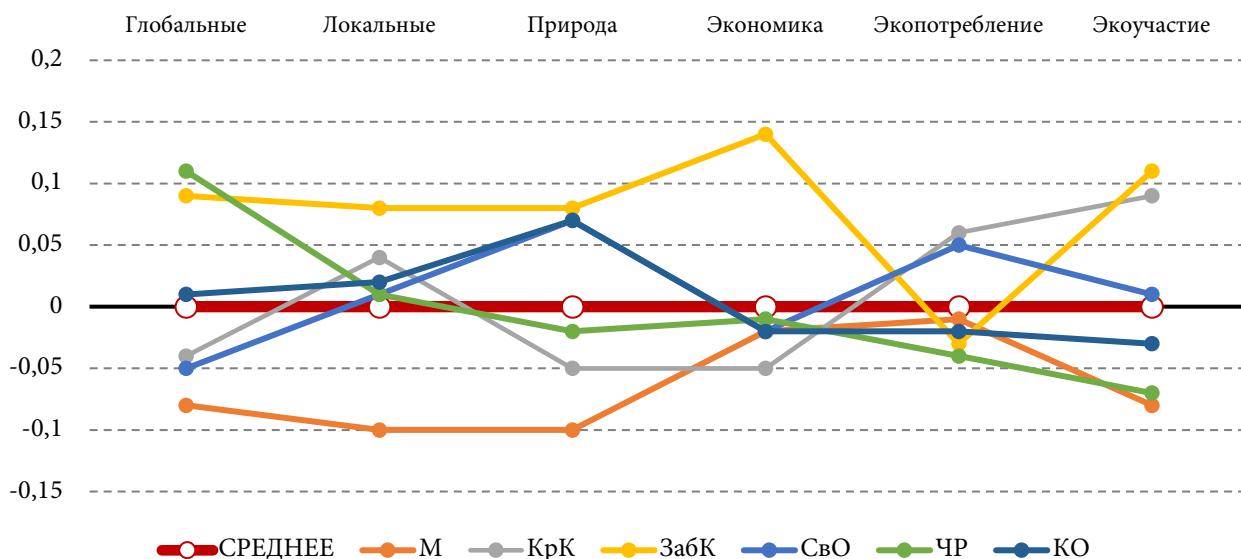

Рис. Компоненты экологической культуры в разрезе шести регионов

На третьем этапе был проведен регрессионный анализ (МНК-регрессия с региональными фиксированными эффектами) для тестирования гипотез о влиянии детерминант на компоненты экологической культуры. Зависимые переменные — компоненты экологической культуры; независимые переменные — переменная фактор региональной идентичности, факторы экоконсерватизма, агентность, доверие соседям (табл. 7). В каждую модель включены социально-демографические контрольные переменные: пол, возраст, образование и субъективный доход.

Таблица 7

Детерминанты компонент экологической культуры: регрессионный анализ

Независимые и контрольные переменные	Зависимые переменные					
	локальные проблемы	глобальные проблемы	экономика	природа	экопотребление	экоучастие
	M1	M2	M3	M4	M5	M6
Constant	-1,482*** (0,236)	0,405* (0,229)	0,528** (0,226)	-0,405* (0,218)	-1,257*** (0,225)	-0,321 (0,227)
Региональная идентичность	-0,056* (0,031)	0,116*** (0,030)	0,107*** (0,029)	-0,008 (0,028)	0,056* (0,029)	0,037 (0,030)
Экотрадиционализм	0,247*** (0,031)	0,252*** (0,030)	-0,026 (0,030)	0,383*** (0,029)	0,119*** (0,030)	0,119*** (0,030)
Экодиранизм	0,074** (0,030)	-0,156*** (0,029)	0,162*** (0,029)	0,004 (0,028)	-0,061** (0,029)	-0,043 (0,029)
Агентность	0,043*** (0,013)	-0,003 (0,012)	0,002 (0,012)	0,001 (0,012)	0,036*** (0,012)	0,031*** (0,012)
Доверие к соседям	0,122*** (0,036)	-0,094*** (0,035)	0,042 (0,034)	-0,064* (0,033)	0,067** (0,034)	0,081** (0,034)
Пол	0,266*** (0,058)	0,261*** (0,056)	-0,306*** (0,055)	0,211*** (0,053)	0,286*** (0,055)	0,198*** (0,056)
Возраст	0,001 (0,002)	-0,007*** (0,002)	0,008*** (0,002)	0,005*** (0,002)	-0,002 (0,002)	-0,018*** (0,002)
Образование	0,120** (0,038)	0,022 (0,037)	-0,168*** (0,037)	0,021 (0,035)	0,161*** (0,036)	0,135*** (0,037)
Субъективный доход	-0,060* (0,033)	-0,075** (0,032)	-0,009 (0,031)	-0,070** (0,030)	-0,038 (0,031)	-0,020 (0,032)
N	1235	1235	1281	1281	1313	1310
Скорректированный R ²	0,105	0,141	0,115	0,183	0,072	0,113

Примечание. * — 10%-ный уровень значимости; ** — 5%-ный уровень значимости; *** — 1%-ный уровень значимости.

Результаты анализа показывают, что разные компоненты экологической культуры ассоциируются с различными детерминантами. **Региональная идентичность** значимо связана с четырьмя компонентами из шести (кроме природы

и экоучастия), при этом континтуитивно с локальными проблемами она связана отрицательно, а с глобальными проблемами — положительно. Таким образом, влияние региональной идентичности на данные компоненты можно охарактеризовать как частичное. Влияние экоконсерватизма более выраженное: экотрадиционализм значим во всех моделях, кроме экономики, везде с ожидаемым знаком. Экодирижизм значим в четырех моделях из шести (кроме природы и экоучастия) с разными знаками. Установка на ведущую роль государства в решении экопроблем положительно связана с локальными проблемами и приоритетом экономики и отрицательно — с глобальными проблемами и экопотреблением. *Агентность* (вера в свою способность управлять своей жизнью) ожидаемо положительно связана с решением локальных проблем, экопотреблением и экоучастием; при этом с решением глобальных проблем этот предиктор связан незначимо и отрицательно. *Доверие к соседям* значимо для пяти компонент, также с разными знаками: оно положительно связано с локальными проблемами, экопотреблением и экоучастием, отрицательно — с глобальными проблемами и природой. То есть агентность и доверие к соседям ведут себя сходным образом. Социально-демографические контрольные переменные проявляются довольно предсказуемо. Пол во всех моделях значим: женщины положительно связаны со всеми компонентами экологической культуры, кроме экономики (мужской пол). Возраст показывает разнонаправленные результаты: более молодые респонденты ассоциируются с глобальными проблемами и экоучастием, более пожилые — с экономикой и природой, связь с остальными компонентами незначима. Образование, как правило, положительно связано со всеми компонентами, кроме экономики (там связь отрицательная). Субъективный доход во всех моделях связан отрицательно (то есть у бедных более высокие значения), но значимость определена только в моделях с локальными и глобальными проблемами, а также с природой. Таким образом, выдвинутые в работе гипотезы получают, как минимум, частичное подтверждение. Региональная идентичность значима, хотя и не во всех моделях. Экоконсерватизм (преимущественно экотрадиционализм) значим практически во всех моделях. Локальная агентность значима в моделях с локальными проблемами, экопотреблением и экоучастием. Несмотря на то что доля объясненной вариации (R -квадрат) во всех моделях невысока — от 7 до 18%, для моделей с данными индивидуального уровня это не столь критично.

Региональная идентичность важна, но далеко не всегда. Иными словами, экологические ценности и паттерны поведения могут оказаться значимыми и без привязки к своей местности. Разнообразие выявленных связей показывает, что разные детерминанты влияют на отдельные компоненты, и единообразной модели экологической культуры в России нет. При этом, к сожалению, имеющихся данных пока не хватает для выделения эмпирически обоснованных четких профилей отличных экологических культур.

В то же время стоит отметить, что предлагаемая модель все же делает основной акцент на положительной связи между экологической культурой и экоконсервативными установками, региональной идентичностью и местными связями. Анализ показывает, что респондентов во многом волнует не природа вообще, а именно своя, или традиционная, природа. Такая интерпретация отличается от понимания энвайроментализма как части постматериалистических ценностей. «Обычные» материалисты — женщины с высшим образованием и низким дохо-

дом — вполне готовы вовлекаться в защиту окружающей среды. Этот профиль едва ли соотносится с образом «условной Греты Тунберг», но, возможно, является более массовым, как минимум, в российских реалиях.

Заключение

Изначальной целью данного исследования была проверка наличия разнообразия экологических культур в России, в том числе в региональном разрезе. Было подтверждено, что концепт экологической культуры является весьма сложным и требует дальнейшей теоретической и эмпирической проработки. Разделение экокультуры на традиционную и модернизационную представляется слишком большим упрощением. В работе предложена модель на основе ценностно-нормативных и поведенческих аспектов, состоящая из шести эмпирически измеряемых компонент, созданных на базе метода анализа главных компонент исходя из ответов на большое число вопросов. Не настаивая на универсальности и завершенности данной модели, автор исследования считает, что она представляет собой некоторый шаг вперед в изучении экокультуры в российском контексте. Об этом свидетельствуют как связанность выделенных компонент, так и ассоциация с указанными детерминантами. Предлагая и проверяя подобные эмпирические взаимосвязи, мы приближаемся к теоретическому и эмпирическому выделению различных экологических культур.

С содержательной точки зрения результаты не свидетельствуют о том, что российские респонденты отдают приоритет исключительно локальным проблемам. Их волнуют и глобальные проблемы, они не отгораживаются от мировой «зеленой» повестки. Заметно выделяется приоритет экономического развития (над природой): отрицательная связь с другими компонентами указывает на противоречие между экономическим ростом и сохранением природы. При этом нельзя сказать, что у респондентов явно определен приоритет экономических проблем над экологическими, хотя эти приоритеты и противоположны. Интересно, что на уровне регрессионного анализа выделяется поведенческий аспект: существует некоторое различие в том, что респонденты говорят и что думают. Несколько неожиданный результат заключается в отсутствии различий по регионам. Региональная идентичность как фактор явно не доминирует, хотя оказывает очевидное влияние. Привязка к *своей* природе имеет значение для россиян, хотя и не такое важное, как предполагалось. На наш взгляд, один из самых интересных результатов — подтверждение ранее полученного вывода о взаимосвязи консерватизма/традиционизма и экокультуры [10]. Как ценностный, так и поведенческий аспекты показывают положительную связь с экоконсервативными установками. Это еще раз подтверждает, что экокультура в России в большей степени ассоциируется не с постматериалистическими, а, наоборот, с консервативными ценностями.

Используя определения, приведенные в известной книге Алмонда и Вербы «Гражданская культура» [13], можно было предположить как наличие схожих типов не политической, а экологической культуры («приходская», «подданническая» и «партиципаторная»), так и преобладание в России как раз «приходской» экокультуры. Однако проведенное исследование показывает, что российская экологи-

ческая культура далека от «приходской». Россиян волнуют глобальные проблемы, они движимы не только привязкой к своей природе, им не чужд экологический активизм — и это при низком уровне распространения постматериалистических ценностей. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования для уточнения и развития концепта экологической культуры в России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований имени Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). **Телефон:** +7 (812) 560-04-43. **Электронная почта:** ascherbak@hse.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 31–49. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.2**

Research Article

ANDREY N. SHCHERBAK¹

¹ HSE University.

55-2, Sedova str., 192171, Saint-Petersburg, Russian Federation.

“LOCAL” OR “GLOBAL”? TESTING THE DETERMINANTS OF ENVIRONMENTAL CULTURE IN RUSSIA

Abstract. The research puzzle addressed by the author of this paper is the discrepancy between theoretical models of environmentalism based on post-materialist values and empirically observed eco-activism in Russia, which is increasingly associated with conservative attitudes. The proposed model includes both value-normative and behavioral aspects, consisting of 6 empirically measured components: the importance of local and global environmental problems, the priority of nature conservation or economic growth, environmental consumption and environmental participation. The main assumption is the presence of a variety of environmental cultures and testing a number of determinants of the suggested components. To test the hypotheses, data were used from a survey titled “Environmental Values and Environmental Behavior in the Regions of Russia” that was conducted in 6 regions of Russia in the spring-summer of 2024 (N = 1950). Using the methods of principal component analysis, T-test, correlation and regression analysis, the study both confirmed the validity of the proposed eco-culture model and revealed at least partial interrelations of the proposed components with a number of determinants: regional identity, eco-conservatism and local agency. The results did not allow for identifying significant regional differences, however they did not show respondents’ focus exclusively on local problems. Active involvement in solving various environmental issues is very much associated with traditionalist attitudes. A further search is required for eco-culture models that include an active attitude towards nature conservation and traditionalism.

Keywords: environmental culture; regional identity; conservatism; values; environmental attitudes; environmental behavior.

For citation: Shcherbak, A.N. “Local” or “Global”? Testing the determinants of environmental culture in Russia. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 31–49. DOI: [10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.2](https://doi.org/10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.2)

Acknowledgment. This research was carried out under support of the Russian Scientific Foundation grant No. 23-18-00661, “Regional and ethnic identities as a factor in grassroots politicization and the formation of ecological culture: cross-regional analysis of value attitudes and behavioral strategies”, URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey N. Shcherbak — Candidate of Political Sciences, Deputy Head of the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University. **Phone:** +7 (812) 560-04-43. **Email:** ascherbak@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гегер А.Э., Гегер С.А. Факторы экоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 65–76. DOI: [10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544) EDN: VRWALJ
Geger A.E., Geger S.A. Factors of Eco-activism in Russia. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. 2018. No. 10. P. 65–76. DOI: [10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544) (In Russ.)
2. Иванова А., Агисова Ф., Сауткина Е. Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэммерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. DOI: [10.54359/ps.v13i70.199](https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199) EDN: RYJHJK
Ivanova A., Agisova F., Sautkina E. Pro-environmental Behavior in Russia: Adaptation of the Cameron Brick Scale and Connection with Environmental Concerns. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2020. Vol. 13. No. 70. DOI: [10.54359/ps.v13i70.199](https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199) (In Russ.)
3. Курбанов А.Р., Прохода В.А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 347–370. DOI: [10.14515/monitoring.2019.4.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17) EDN: GPQGFQ
Kurbanov A.R., Prokhoda V.A. Ecological culture: an empirical projection (attitudes of Russians towards climate change). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 4. P. 347–370. DOI: [10.14515/monitoring.2019.4.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17) (In Russ.)
4. Прохода В.А. Образование как фактор формирования экологической культуры жителей европейских стран // Знание. Понимание. Умение. 2021. №. 2. С. 149–163. DOI: [10.17805/zpu.2021.2.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.2.11) EDN: QOECQO
Prokhoda V.A. Education as a Factor of Formation of the Ecological Culture of European Residents. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2021. No. 2. P. 149–163. DOI: [10.17805/zpu.2021.2.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.2.11) (In Russ.)
5. Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А., Иванде К.С., Кабанова В.С. Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 172–193. DOI: [10.17759/exppsy.2022150213](https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213) EDN: LOWNEP
Sautkina E.V., Agisova F.B., Ivanova A.A., Ivande K.S., Kabanova V.S. Environmental Behavior in Russia. A Systematic Review of Research. *Eksperimental'naya psichologiya*. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 172–193. DOI: [10.17759/exppsy.2022150213](https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213) (In Russ.)
6. Смигельски А., Соколов Б.О., Немировская А.В. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. № 23 (2). С. 283–310. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-2-283-310](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310) EDN: AREDLQ
Smigelsky A., Sokolov B.O., Nemirovskaya A.V. Environmental Attitudes and Emancipative Values: Analysis of Data from the European Values Survey. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2024. No. 23 (2). P. 283–310. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-2-283-310](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310) (In Russ.)
7. Тулаева С.А., Снарский Я.А. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2022. № 3. С. 4–33. DOI: [10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33) EDN: DAGTPG

- Tulaeva S.A., Snarskiy Y.A. Green Nationalism in a Resource-Based State: Environmental Agenda and National Identity in Russian Regions. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanii*. 2022. No. 3. P. 4–33. DOI: [10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33) (In Russ.)
8. Туровец М. Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов / Отв. ред. С. Ерпилева, А. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 351–385.
- Turovets M. Opposition to Depoliticization: the Movement Against Nickel Mining in the Voronezh Region. *Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013*. Ed. by S. Erpyleva, A. Magun. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. P. 351–385. (In Russ.)
9. Шербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. «Зеленые» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем // Мир России. 2024. Т. 33. № 1. С. 84–114. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114) EDN: **BIFCJL**
- Scherbak A.N., Zubarev N.S., Semushkina E.S. (2024) ‘Green Guardians’: Russian Conservatives’ Views on Solutions to Environmental Problems. *Mir Rossii*. Vol. 33. No. 1. P. 84–114. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114) (In Russ.)
10. Шербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. Почвенники — за почву! Консервативные установки и проэкологическое поведение в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 66–89. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2801](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801) EDN: **ULYIMI**
- Shcherbak A.N., Zubarev N.S., Semushkina E.S. ‘Pochvenniki’ — For the Soil! Conservative Attitudes and Pro-Environmental Behavior in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2025. No. 2. P. 66–89. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2801](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801) (In Russ.)
11. Яницкий О.Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161. EDN: **PFFIVE**
- Yanitskii O.N. Ecological culture of Russia in the 20th century: an essay on socio-cultural dynamics. *Istoria i sovremennost'*. 2005. No. 1. P. 136–161. (In Russ.)
12. Яницкий О.Н. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 5–21. EDN: **PBDRHB**
- Yanitskii O.N. A Social capital of the Russian environmental movement. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2009. No. 4. P. 5–21. (In Russ.)
13. Almond G.A., Verba S. *The civic culture-political attitudes and democracy in five nations*. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1963. 576 p. DOI: [10.1515/9781400874569](https://doi.org/10.1515/9781400874569)
14. Beeson M. *Environmental Populism: The Politics of Survival in the Anthropocene*. L.: Palgrave Macmillan, 2019. 139 p. DOI: [10.1007/978-981-13-7477-7](https://doi.org/10.1007/978-981-13-7477-7)
15. Dunlap R.E. Trends in public opinion toward environmental issues: 1965–1990. *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4, No. 3. P. 285–312. DOI: [10.1080/08941929109380761](https://doi.org/10.1080/08941929109380761)
16. Dunlap R.E., Gallup G., Gallup A. Global environmental concern: Results from an international public survey. *Environment*. 1993. No. 35. P. 7–39. DOI: [10.1080/00139157.1993.9929122](https://doi.org/10.1080/00139157.1993.9929122)
17. Forchtner B. *The Far Right and the Environment: Politics, Discourse and Communication*. L.: Routledge, 2019. 356 p. DOI: [10.4324/9781351104043](https://doi.org/10.4324/9781351104043)
18. Inglehart R. *The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics*. Princeton University Press, 1977. 481 p.
19. Kaiser F.G., Wölfing S., Fuhrer U. Environmental attitude and ecological behavior. *Journal of Environmental Psychology*. 1999. Vol. 19. No. 1. P. 1–19. DOI: [10.1006/jevp.1998.0107](https://doi.org/10.1006/jevp.1998.0107)

20. Kaiser F.G., Doka G., Hofstetter P., Ranney M.A. Ecological behavior and its environmental consequences: A life cycle assessment of a self-report measure. *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. No. 1. P. 11–20. DOI: [10.1016/S0272-4944\(02\)00075-0](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00075-0)
21. Kvaløy B., Finseraas H., Listhaug O. The publics' concern for global warming: A cross-national study of 47 countries. *Journal of Peace Research*. 2012. Vol. 49. No. 1. P. 11–22. DOI: [10.1177/0022343311425841](https://doi.org/10.1177/0022343311425841)
22. Kuzmina Y. The Defenders of Shiyes: Traditionalism as a Mobilisation Resource in a Russian Protest Camp. *East European Politics*. 2023. No. 39 (2). P. 260–280. DOI: [10.1080/21599165.2022.2092842](https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2092842)
23. Schultz P.W., Gouveia V.V., Cameron L.D., Tankha G., Schmuck P., Franěk M. Values and their relationship to environmental concern and conservation behavior. *Journal of cross-cultural psychology*. 2005. Vol. 36. No. 4. P. 457–475. DOI: [10.1177/0022022105275962](https://doi.org/10.1177/0022022105275962)
24. Welzel C. *Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 472 p. DOI: [10.1017/CBO9781139540919](https://doi.org/10.1017/CBO9781139540919)

Статья поступила в редакцию: 04.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.09.2025; принята к публикации: 18.09.2025.

Received: 04.07.2025; revised after review: 15.09.2025; accepted for publication: 18.09.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.3

EDN: BDVNZY

C.В. КОРЖУК¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11.

ТРУДОВАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов занятости и форм профессиональной и трудовой реализации людей с инвалидностью. Актуальность темы определяется противоречием между формально задекларированными принципами инклюзии и реальным положением на рынке труда, где возможности занятости людей с инвалидностью остаются ограниченными. Несмотря на существование законодательных механизмов, большинство форм занятости складываются за пределами институциональной поддержки и требуют от самих людей высокой степени инициативности и адаптивности.

Эмпирическая база статьи включает данные проводимого Федеральной службой государственной статистики Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) за 2022 г., а также материалы глубинных интервью с активными людьми с инвалидностью, имеющими опыт оплачиваемой трудовой деятельности или другое доходное занятие. Количественный анализ позволяет выявить масштаб структурных ограничений в занятости, а материалы интервью — формы профессионального и трудового включения.

В статье показано, что степень нарушений здоровья, уровень образования и доступность окружающей среды для людей с инвалидностью являются важнейшими факторами и в то же время барьерами к занятости. Выделены формы участия активных людей с инвалидностью в сфере труда: защитные, организационные, адаптивные и автономные. Рассмотрение этих форм основано на представлении о занятости как континууме включенности — от ситуаций, полностью зависящих от институциональной поддержки, до тех, где работа организуется самостоятельно и инициативно. Показано, что практики активных людей с инвалидностью чаще всего опираются на комбинацию гибкости, цифровых навыков и способности трансформировать собственный опыт инвалидности в профессиональную компетенцию.

Ключевые слова: инвалидность; люди с инвалидностью; занятость; рынок труда; предпринимательство; социальное предпринимательство.

Для цитирования: Коржук С.В. Трудовая и профессиональная реализация людей с инвалидностью: институциональные ограничения и индивидуальные решения // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 50–68. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.3 EDN: BDVNZY

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Постановка проблемы

Люди с инвалидностью составляют существенную часть общества и обладают трудовым потенциалом, который в условиях современных социально-экономических реалий остается в значительной степени невостребованным. По данным Росстата, на 2024 г. более 11 млн человек, или около 7,6% населения, имели официально установленную инвалидность. Из них более 4 млн — люди в трудоспособном возрасте.

Общая численность людей с инвалидностью в России на протяжении последних лет снижается. С 2018 г. сокращается численность людей с инвалидностью старше трудоспособного возраста. Число людей с инвалидностью трудоспособного возраста на протяжении 2018–2022 гг. также постепенно снижалось, однако начиная с 2023 г. наблюдается заметный рост этой группы. Численность детей с инвалидностью в рассматриваемый период устойчиво растет. В совокупности эти изменения приводят к увеличению доли детей и лиц трудоспособного возраста в структуре группы людей с инвалидностью, что усиливает значимость вопросов, связанных с их социальной интеграцией и участием в экономической жизни (табл. 1).

Таблица 1

Распределение людей с инвалидностью по возрастным группам, тыс. человек

Возрастные группы	На 1 января						На 31 декабря*	
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023	2024
всего людей с инвалидностью, в том числе:	12 111	11 948	11 877	11 633	11 331	10 933	11 041	11 123
дети в возрасте до 18 лет	651	671	689	704	729	722	755	779
трудоспособного возраста	3561	3486	3456	3651	3330	3216	4036	4107
старше трудоспособного возраста	7899	7791	7732	7278	7272	6995	6250	6237

* В связи с изменением Фондом пенсионного и социального страхования методики расчета показателя он формируется на 31 декабря отчетного года.

Источник: Данные Росстата².

Для взрослых людей с инвалидностью участие в экономической деятельности является одним из условий независимого образа жизни и индикатором социальной включенности [9, р. 3; 10, р. 3; 15]. Отсутствие занятости усиливает риски социальной изоляции, зависимости от системы социальных выплат и снижает уровень субъективного контроля над собственной жизнью [15, р. 286]. В этом контексте возможность трудового участия рассматривается как неотъемлемый элемент базовых прав и свобод человека, что зафиксировано в Конвенции ООН о правах инвалидов³.

² Федеральная служба государственной статистики. Уровень инвалидизации в Российской Федерации. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения 01.07.2025).

³ United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. — URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities> (дата обращения 01.07.2025).

Следуя мировому тренду на инклузию, наша страна планомерно развивает национальную политику, направленную на расширение возможностей занятости людей с инвалидностью. Основу правового регулирования составляют положения Трудового кодекса РФ, а также Федерального закона «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24.11.1995 № 181-ФЗ, закрепляющие гарантии равного доступа к труду и запрет дискриминации по признаку инвалидности. Одной из ключевых мер поддержки занятости является система квотирования рабочих мест, предусмотрены адаптация рабочих мест под потребности людей с инвалидностью и субсидии работодателям на подобную адаптацию. С 2011 г. реализуется государственная программа «Доступная среда», основная цель которой — создание условий для полноценного участия людей с инвалидностью в социальной жизни за счет повышения доступности объектов и услуг, устранения барьеров в инфраструктуре. В 2024 г. была утверждена Концепция по повышению уровня занятости инвалидов в РФ до 2030 г., нацеленная на обеспечение устойчивого роста занятости людей с инвалидностью, прежде всего за счет создания равных условий на рынке труда и устранения структурных барьеров.

Несмотря на формальное закрепление равных прав на труд и наличие мер поддержки, участие людей с инвалидностью в экономической жизни остается стабильно низким. По официальным данным, в 2024 г. лишь 20,7% людей с инвалидностью трудоспособного возраста были заняты в экономике по сравнению с 80,7% по населению сопоставимого возраста⁴.

Согласно зарубежным исследованиям, среди основных факторов, препятствующих полноценной трудовой интеграции людей с инвалидностью, выделяются институциональные барьеры, ограниченная доступность среды, дефицит адаптированных рабочих мест, а также сохраняющиеся дискриминационные практики со стороны работодателей [11; 13, р. 338; 14]. Особое внимание уделяется тому, что низкий уровень занятости не всегда напрямую связан с состоянием здоровья, а часто обусловлен несоответствием стандартных моделей занятости потребностям людей с инвалидностью и недостаточной гибкостью рынка труда [9; 12].

Отечественные исследования также указывают на наличие структурного разрыва между формальными гарантиями права на труд и реальным положением людей с инвалидностью на рынке труда [1; 10]. В литературе подчеркивается, что существующие меры зачастую имеют ограниченный эффект, поскольку направлены преимущественно на количественные показатели, тогда как вопросы качества занятости, устойчивости трудовых траекторий, социальной защищенности работников с инвалидностью остаются недостаточно изученными и не получают должного отражения в политике [2]. Квотирование рабочих мест реализуется с существенными проблемами: работодатели нередко формально подходят к исполнению требований, предпочитая уплату штрафов реальному трудоустройству, рабочие места часто не соответствуют квалификации и потребностям людей с инвалидностью, контроль за исполнением трудового законодательства остается слабым [5, с. 850]. Существенным барьером к повышению уровня занятости выступает сниженная мотивация к трудуоустройству со стороны самих людей с инвалидностью, что часто

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость инвалидов. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения 01.07.2025).

является не атрибутом инвалидности, а реакцией на сложившиеся условия занятости [7, с. 103]. Фиксируется высокая зависимость уровня занятости от уровня образования, профессиональной квалификации, доступности инфраструктуры и региона проживания. Значительная часть занятых людей с инвалидностью работают на низкоквалифицированных позициях и в неформальном секторе, у них отмечается дефицит цифровых навыков [8].

Наряду с анализом препятствий к занятости людей с инвалидностью важно исследовать индивидуальные модели профессионального и трудового поведения, которые складываются в ответ на ограничения традиционного рынка труда. В частности, в настоящее время расширяются возможности для дистанционной занятости, появляются гибкие форматы занятости и др., что, по мнению исследователей, может при некоторых условиях частично компенсировать неполную доступность рынка труда для людей с инвалидностью [6, с. 1920; 15]. В фокусе настоящего исследования — факторы занятости, а также формы профессиональной и трудовой реализации людей с инвалидностью.

Информационная база исследования

Информационная база исследования включает два вида данных, на которых решались разные задачи. Количественная часть исследования выполнена на материалах Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проводимого Росстатом⁵. Использовались данные обследования за 2022 г., в ходе которого было опрошено более 123 тыс. человек из 60 тыс. домохозяйств. Результаты выборочного обследования представлены на уровне страны, регионов, типов населенных пунктов, а также основных социально-экономических и социально-демографических групп населения.

На данных КОУЖ анализируются уровень и факторы занятости людей с инвалидностью во взрослом (от 25 лет⁶) трудоспособном⁷ возрасте ($N = 1868$, из них 12,4% имеют I группу, 44,4% — II группу, 43,3% — III группу инвалидности). Официально установленная группа инвалидности рассматривается как основной индикатор состояния здоровья человека с инвалидностью.

Качественный этап исследования посвящен формам трудовой и профессиональной реализации людей с инвалидностью. Он осуществлен на материалах глубинных интервью со взрослыми активными людьми с инвалидностью, имеющими серьезные ограничения здоровья (I или II группа)⁸, — нарушения опор-

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения 01.01.2025).

⁶ Нижняя возрастная граница в 25 лет установлена, так как к этому возрасту большинство людей уже имели возможность получить образование максимального уровня (высшее) и выйти на рынок труда.

⁷ Согласно методологии Росстата, верхняя граница трудоспособного возраста в 2022 г. составляла 56 лет для женщин и 61 год для мужчин.

⁸ Критерий степени нарушений здоровья вводится потому, что люди с серьезными нарушениями здоровья сталкиваются с большим спектром препятствий занятости, и нас интересует, какими способами они достигали экономической независимости.

но-двигательного аппарата (ОДА), нарушения зрения (незрячие и слабовидящие), нарушения слуха (слабослышащие и totally неслышащие), общие заболевания (которые приводят к серьезным ограничениям в повседневной жизни), комплексные нарушения здоровья. Наши респонденты, несмотря на серьезные нарушения здоровья и существующие барьеры, смогли реализовать себя в сфере занятости, которая является труднодоступной для людей с инвалидностью, не ощущают себя исключенными из социальной жизни и имеют опыт преодоления барьеров, с которыми сталкиваются большинство людей с инвалидностью. Всего проведено 18 интервью в 2024 г. Методы отбора информантов — целенаправленный и метод «снежного кома».

Уровень и факторы занятости людей с инвалидностью

В 2022 г. среди людей трудоспособного возраста от 25 лет доходное занятие имели подавляющее большинство (87%) людей без инвалидности и лишь каждый третий (31%) с инвалидностью. Возможности занятости тесно связаны со степенью нарушений здоровья: лишь 16,5% людей с I или II группой имеют доходное занятие, однако даже относительно «легкие» нарушения здоровья не гарантируют занятости — среди людей с III группой инвалидности имеют работу или доходное занятие 43,4%, что вдвое ниже показателей занятости среди людей без инвалидности сопоставимого возраста.

Среди не занятых в экономике людей с инвалидностью 44,3% имели работу до 2022 г., каждый четвертый (24,5%) — вообще не имеет трудового опыта. Для сравнения: среди людей без инвалидности не имеют опыта занятости в 10 раз меньше (2,4%). Вероятно, для части безработных людей с инвалидностью, которые имеют трудовой опыт, наступление инвалидности стало причиной выхода с рынка труда. Однако в массиве отсутствует информация о времени назначения инвалидности, поэтому выводов относительно этой связи мы сделать не можем. Лишь 7,6% нез занятых людей с инвалидностью находятся в поиске подходящей работы (по сравнению с 23,4% людей без инвалидности).

Имеют возможность работать дистанционно 15,4% занятых людей с инвалидностью и 22,4% людей без инвалидности. Неравенство возможностей занятости, в том числе дистанционной, во многом является следствием образовательного неравенства, поэтому рассмотрим подробнее связь занятости и образования.

Отсутствие профессионального образования негативно сказывается на возможностях занятости независимо от наличия инвалидности. Однако у людей с инвалидностью практически не остается шансов на занятость, если они не имеют профессионального образования. Максимально повышает шансы занятости наличие высшего образования, хотя для людей без инвалидности большую роль играет скорее наличие профессионального образования, чем его уровень (рис. 1).

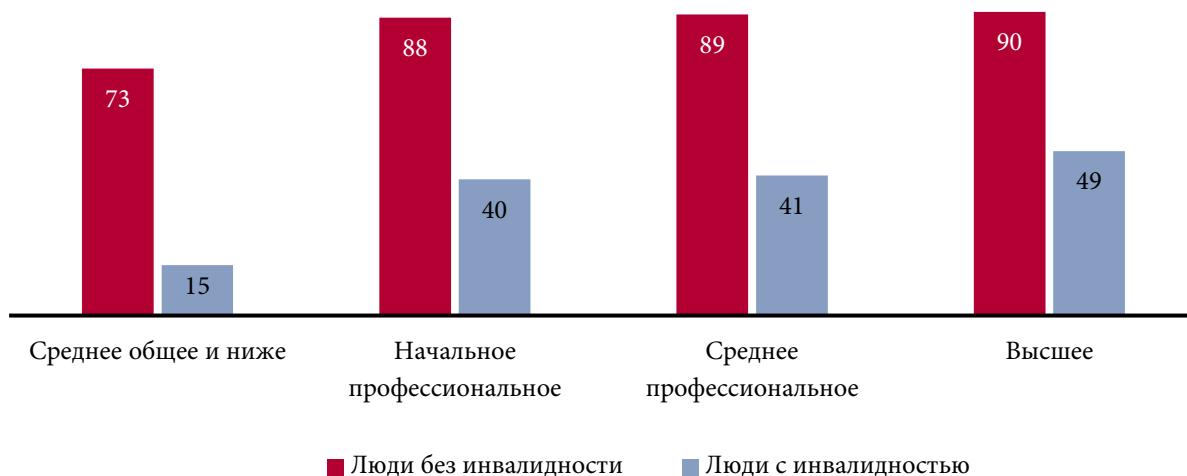

Рис. 1. Уровень занятости людей с инвалидностью и без нее в зависимости от уровня образования, в % по группам

Независимо от наличия инвалидности, практически только высшее образование дает возможность дистанционной занятости. Почти половина людей с высшим образованием имеют реальную возможность работать дистанционно, в то время как с более низким уровнем образования — не более 14% (рис. 2).

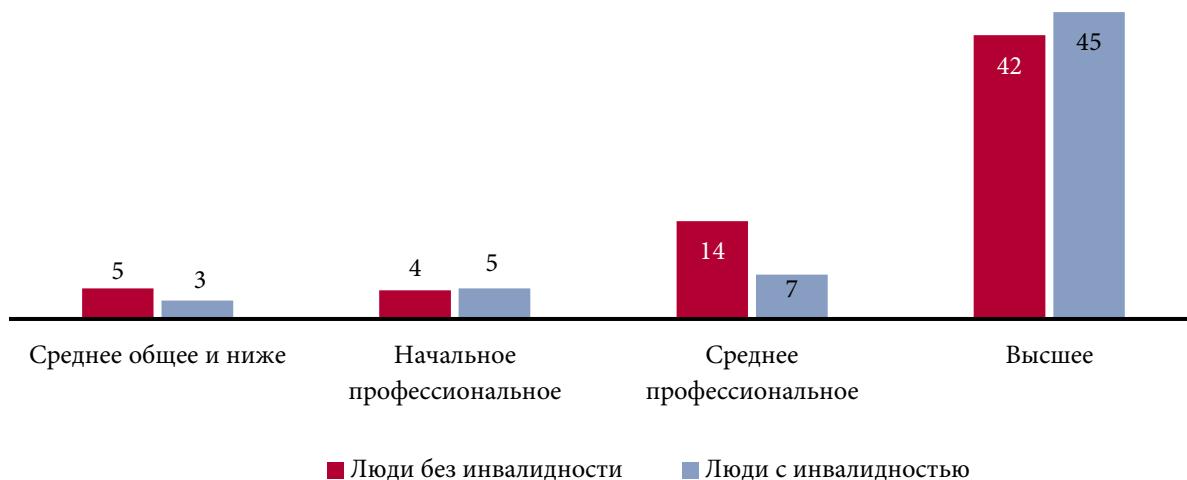

Рис. 2. Доли людей с инвалидностью и без нее, имеющих возможность работать дистанционно, в % по группам

Несмотря на значимость профессионального образования, в этой сфере также сохраняется неравенство по признаку инвалидности (рис. 3): практически половина людей с инвалидностью не имеют профессионального образования, хотя среди людей без таковой — только 15%. Формируется замкнутый круг. В условиях неполной доступности физических и информационных пространств дистанционная занятость могла бы стать выходом для многих людей с инвалидностью. Однако ограниченный доступ этой группы к профессиональному образованию существенно сокращает возможности работать дистанционно.

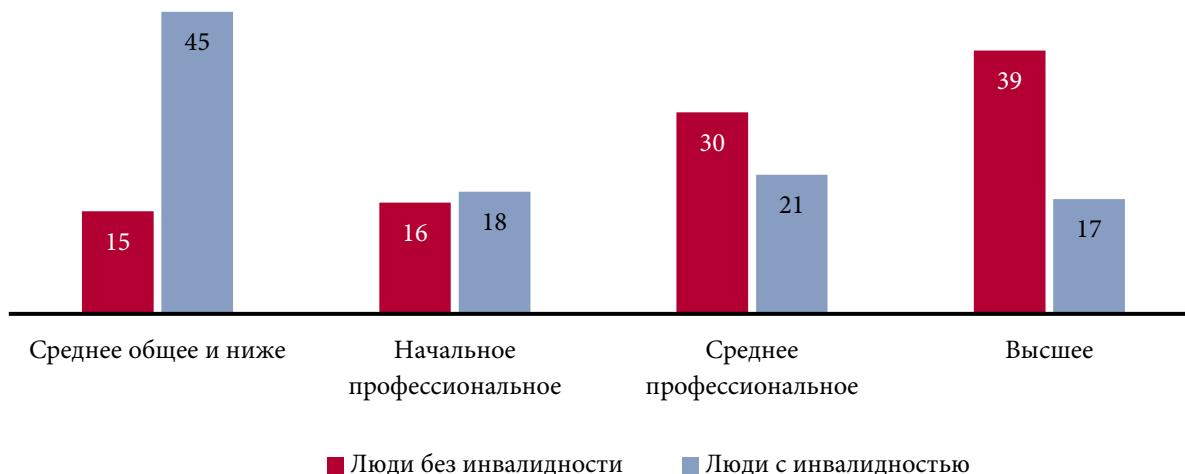

Рис. 3. Уровень образования людей с инвалидностью и без нее, в % по группам

Чтобы глубже понять факторы занятости людей с инвалидностью, воспользуемся методом бинарной логистической регрессии. Эмпирический объект — люди с инвалидностью в трудоспособном возрасте от 25 лет. Зависимая переменная — наличие работы или доходного занятия. Она принимает значение 1, если человек занят в экономике, и 0 — когда он не имеет дохода от трудовой деятельности или другого доходного занятия.

В число независимых переменных включены: группа инвалидности, тип нарушений здоровья (ходьба, зрение, слух, когнитивные способности, уход за собой, общение, другие ограничения), тип и размер населенного пункта, в котором проживает человек, уровень образования, пол, частота выходов в Интернет, возможность вести активный образ жизни⁹. Последняя переменная включена в модель по той причине, что возможности занятости могут в значительной степени определяться доступностью окружающей среды. Такой переменной в массиве нет, однако возможность вести активный образ жизни отчасти отражает характеристики доступности: она повышается, когда человека окружает более дружелюбная среда. Переменная «частота выходов в Интернет» отражает степень активности онлайн и наличие или отсутствие хотя бы минимального уровня цифровых навыков.

При построении регрессионной модели использовался метод пошагового включения детерминант, он позволяет оценить прирост доли зависимой переменной после включения в уравнение каждой новой независимой переменной. В итоге в модель вошли все независимые переменные.

Уровень прогностического потенциала достаточно высок: точность исполнения прогноза — 76,5%, R-квадрат Нэйджелкерка — 36,2%. Значение и статистическая значимость коэффициента Хи-квадрат демонстрируют, что сокращение -2 Log правдоподобия после включения в уравнение новых переменных было существенным — итоговая модель обладает более высоким прогностическим потенциалом по сравнению с базовой моделью, в которую была включена только константа (табл. 2).

⁹ Мультиколлинеарность между независимыми переменными отсутствует.

Таблица 2

**Параметры уравнения логистической регрессии для события
«человек с инвалидностью занят в экономике», КОУЖ, 2022 г.**

Независимые переменные	B-коэффициент	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Отношение шансов (Exp(B))	R ²
Группа инвалидности					15,3%
I группа ¹⁰		87,635	<0,001		
II группа	1,328	12,312	<0,001	3,773	
III группа	2,358	39,590	<0,001	10,570	
Уровень образования					7,9%
общее среднее и ниже		55,518	<0,001		
начальное профессиональное	0,992	31,698	<0,001	2,696	
среднее профессиональное	0,891	26,551	<0,001	2,437	
высшее	1,217	42,008	<0,001	3,379	
Возможность вести активную жизнь					5,5%
да, могу	0,259	1,124	0,289	1,296¹¹	
не позволяет здоровье, возраст	-0,967	20,908	<0,001	0,380	
не имею интереса или желания		64,091	<0,001		
Вид ограничения жизнедеятельности					3,6%
ходьба	-0,666	16,541	<0,001	0,514	
зрение	-0,945	10,949	<0,001	0,389	
слух	-0,904	8,354	0,004	0,405	
когнитивные способности	-1,549	22,849	<0,001	0,212	
уход за собой	-0,710	1,936	0,164	0,492	
общение	-0,676	2,550	0,110	0,509	
другие ограничения		47,535	<0,001		
Частота выходов в Интернет					2,5%
не пользуются		34,156	<0,001		
от случая к случаю	0,085	0,097	0,756	1,089	
один или несколько раз в неделю	0,698	7,525	0,006	2,010	
каждый день или почти каждый день	0,981	25,105	<0,001	2,668	

¹⁰ Здесь и далее курсивом выделена категория, объявленная контрастной (референтной).

¹¹ Жирным шрифтом выделены значения, которые статистически значимо не отличаются от референтной категории.

Продолжение таблицы 2

Независимые переменные	В-коэффициент	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Отношение шансов (Exp(B))	R ²
Тип и размер населенного пункта					1%
сельский, до 5000 чел.		16,970	0,002		
сельский, более 5000 чел.	0,092	,165	0,684	1,097	
городской, до 100 тыс. чел.	0,150	,742	0,389	1,161	
городской, от 100 до 500 тыс. чел.	-0,161	,552	0,458	0,852	
городской, 500 тыс. чел. и более	0,640	11,359	<,001	1,896	
Пол					0,4%
мужской	-0,341	6,435	,011	1,406	
женский					
Константа	-3,042	47,157	<0,001	0,048	
Характеристики модели	-2 Log likelihood = 1559,172; Chi-square (21) = 502,748; significance <,001; Nagelkerke's R ² = 36,2; N = 1868; доля верно классифицируемых объектов — 76,5%.				

В итоговом уравнении максимальной объяснительной силой обладает переменная «группа инвалидности». Меньше всего шансов на занятость имеют люди с I группой инвалидности. По сравнению с ними для людей со II группой шансы на занятость выше в 4 раза, с III группой — в 11 раз.

Второй по значимости предиктор — уровень образования. Наличие профессионального образования значимо повышает шансы на занятость для людей с инвалидностью. Меньше всего шансов найти работу у людей со школьным образованием. По сравнению с ними шансы на занятость людей, которые имеют начальное или среднее профессиональное образование, повышаются более чем вдвое, высшее образование — более чем в 3 раза.

Следующей в уравнение вошла переменная «возможность вести активную жизнь». Шансы на занятость наиболее низки для тех, у кого, по собственной оценке, отсутствует возможность вести активную жизнь, в 1,3 раза выше — если человек может и ведет активный образ жизни или может, но не ведет по причине отсутствия интереса или желания.

Люди с «другими» нарушениями здоровья имеют больше шансов на занятость по сравнению с теми, кто ограничен в подвижности, имеет сенсорные или когнитивные нарушения. От них значимо не отличаются люди со сложностями в уходе за собой или в общении вследствие своей инвалидности. В 2 раза меньше шансов реализовать свой потенциал на рынке труда у людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, еще меньше — у людей с нарушениями зрения, слуха, и шансы минимальны для людей с когнитивными нарушениями.

Активность в интернет-пространстве повышает шансы на занятость. Минимальны они, если человек совсем не пользуется Интернетом или использует его от случая к случаю. По сравнению с этими ситуациями онлайн-активность

хотя бы раз в неделю повышает шансы на занятость в 2 раза, а у наиболее активных интернет-пользователей (ежедневное использование Интернета) шансы на занятость выше почти в 3 раза.

Следующей в уравнение вошла переменная «тип и размер населенного пункта». В целом только проживание в крупных городах (более 500 тыс. человек) дает некоторое преимущество — шансы на занятость у жителей таких городов, имеющих инвалидность, вдвое выше по сравнению с жителями сельской местности и городов меньшего размера. Минимальной объясняющей силой в модели обладает переменная «пол». Шансы на занятость у мужчин несколько выше, чем у женщин.

Таким образом, образование и доступная среда являются одними из важнейших факторов занятости людей с инвалидностью. Повышение доступности социальной и физической инфраструктуры, несомненно, может повысить возможности социального участия людей с инвалидностью, в том числе в сфере занятости. Кроме того, выгоды от таких инвестиций в человеческий капитал распространяются на все население, поскольку в универсальном дизайне окружающей среды, повышении доступности образования и занятости заинтересованы более массовые группы населения — семьи с детьми, пожилые люди, люди с временными ограничениями мобильности и др.

Формы трудовой и профессиональной реализации людей с инвалидностью

Количественные данные показали, что вовлеченность людей с инвалидностью в занятость остается низкой и определяется сочетанием индивидуальных, социальных и инфраструктурных факторов. Они фиксируют наличие структурных барьеров, ограничивающих экономическую активность, но не позволяют раскрыть, как именно люди с инвалидностью реализуют трудовой и профессиональный потенциал в этих условиях.

Качественная часть исследования дополняет эту картину, в ней обращается внимание на опыт тех, кто смог реализоваться в профессии и труде вопреки наличию барьеров и при серьезных ограничениях по здоровью. В центре внимания находятся формы профессиональной и трудовой реализации¹², в которых занятость становится возможной в условиях неполной открытости рынка труда. Такой подход позволяет рассмотреть занятость не как результат устранения препятствий, а как совокупность практик, через которые люди с инвалидностью включаются в трудовую деятельность при сохраняющемся неравенстве условий.

Анализ качественных данных позволил выделить несколько форм участия людей с инвалидностью в сфере труда, различающихся по степени самостоятельности и характеру взаимодействия с барьерами. Рассмотрение этих форм основано на

¹² Трудовая реализация связана с занятостью и выполнением оплачиваемой работы, тогда как профессиональная — это процесс и результат воплощения человеком своих способностей, знаний, умений и ценностей в трудовой деятельности. Все респонденты реализованы в труде, но не все — в желаемой профессии; это различие фиксируется для корректности терминологии, но не выделяется в качестве отдельного предмета анализа.

представлении о занятости как континууме включенности — от ситуаций, полностью зависящих от институциональной поддержки, до тех, где работа организуется самостоятельно и инициативно. В рамках такого подхода мы выделили четыре формы профессиональной и трудовой реализации: защитные, организационные, адаптивные и автономные. Кроме того, выявлена сквозная категория — инверсия опыта инвалидности, описывающая случаи, когда личный опыт ограничений становится ресурсом профессиональной самореализации.

Защитные формы занятости: участие через институционализированную поддержку

Защитные формы занятости реализуются на специализированных предприятиях и в организациях, применяющих труд людей с инвалидностью. Эти формы обеспечивают занятость и социальную защищенность, но действуют вне логики открытого рынка труда. Как правило, предлагаемые рабочие места не требуют высокой квалификации (сборка, упаковка, простые технические операции), а возможности профессиональной мобильности и карьерного роста значительно ограничены.

В таких условиях речь идет о сегрегированной модели занятости, при которой участие людей с инвалидностью обеспечивается за счет существования отдельного, институционально отделенного сегмента рынка труда.

Респонденты отмечали, что такая работа обеспечивает стабильный доход и статус занятости, но ограничивает возможности профессионального развития. Для активных людей с инвалидностью это скорее временная форма сохранения трудового участия, а не пространство профессиональной реализации.

Трудоустроен официально в «Теплом контакте», есть такой колл-центр... Это то, что я бы очень хотел изменить, но не в моих силах пока... Есть еще более рутинные [специализированные рабочие места], чем у операторов. Но суть в том, что это подается как возможный прекрасный вариант работы (м, 37 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

Организационные формы занятости: локальные пространства включения

Организационные формы занятости относятся к работе по найму на открытом рынке труда, где участие людей с инвалидностью возможно через «точки открытости» — отдельные предприятия и организации, демонстрирующие готовность принимать сотрудников с особыми потребностями.

Формально именно этот сектор формирует основной пул рабочих мест, однако, несмотря на декларируемую инклюзию, доступ к ним для людей с инвалидностью остается ограниченным вследствие структурных барьеров: недоступной инфраструктуры, предвзятости работодателей, их недостаточной готовности к адаптации рабочих мест.

Очень мало работодателей понимает, что человек с инвалидностью, в данном случае по зрению, может свободно работать и делать все на уровне. Им кажется, что надо за таким человеком следить (м, 37 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

Нам, людям с инвалидностью, сложно пойти внаем, мало кто берет (м, 39 лет, I гр. инв-ти, нарушения ОДА, нарушения речи).

Мне очень сложно было выходить из квартиры (ж, 25 лет, II гр. инв-ти, нарушения ОДА).

В результате занятость складывается в нескольких сценариях:

1) На конвенциональных рабочих местах, которые традиционно ассоциируются с людьми, имеющими инвалидность. Например, профессия массажиста часто репрезентируется как «социально одобренный» маршрут для людей с нарушениями зрения и соответствует общественному представлению о допустимых ролях для них.

У меня с детства было желание в медицине работать. Вообще было желание быть хирургом. Когда уже осознанно принимал решение — все, массажист, большие перспектив не было. Не так давно появилось понимание, что можно еще адаптивную физкультуру изучить, чтобы больше возможностей было (м, 39 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

2) У лояльных работодателей, на организационном уровне поддерживающих политику инклюзии и адаптацию условий.

В настоящее время я работаю в банке ВТБ в департаменте цифрового бизнеса. Я сама была у истоков того времени, когда банк только начинал тему цифровой доступности для людей с инвалидностью (ж, 50 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

Ориентация на инклюзию со стороны работодателей пока не стала массовой, но проникает в практики, как правило, крупнейших игроков на рынке. Подобная ориентация для этих компаний способствует упрочению репутации, формированию позитивного имиджа, расширению аудитории за счет большей универсальности услуг и товаров, становится символом передового опыта:

Они [Яндекс] сейчас очень активно работают над доступностью. Яндекс-Музыку, Яндекс.Го сделали более-менее (м, 20 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

Плюс ко всему — это, конечно, ВТБ... когда есть сложности, баги серьезные, блокирующие, коллеги очень серьезно с этим работают, пинают команды, поэтому результат есть. ВК тоже работает над доступностью, но есть еще над чем работать. Есть хорошие кейсы (ж, 50 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

3) В социально ориентированных организациях (НКО, социальных предприятиях), где миссия компании включает поддержку уязвимых групп, в частности людей с инвалидностью. В таких организациях опыт жизни с инвалидностью не отделен от содержания работы, а встраивается в саму деятельность, становясь ее частью.

Я юрист. Я работаю на трех работах в НКО... Это и оказание правовой помощи гражданам с инвалидностью, нужно и отслеживать законодательство, проводить вебинары — у нас и правовое просвещение, много чего (м, 44 года, I гр. инв-ти, нарушения зрения и слуха).

В таких социально ориентированных организациях часто формируется более гибкий и лояльный подход к занятости, а также возможность строить карьеру на экспертизе в инвалидности. Тем не менее не всегда такая работа соответствует квалификации или амбициям — иногда это компромиссный вариант, принятый из-за недоступности других каналов трудоустройства.

Организационные формы занятости отражают точечную инклюзию: рынок труда открывается выборочно, создавая локальные возможности для участия при сохранении системных барьеров. На таких рабочих местах, как правило, создаются условия для профессиональной реализации, однако воспользоваться ими могут прежде всего те, кто имеет соответствующий уровень образования, квалификацию и профессию, востребованную в конкретной организации.

Адаптивные формы занятости: индивидуальная настройка условий труда

Адаптивные формы занятости также принадлежат к сфере открытого рынка труда, но реализуются через индивидуальную настройку условий — дистанционный, гибридный или гибкий формат. Их развитие связано с цифровизацией экономики, которая расширила возможности профессиональной деятельности, сняв часть пространственных и коммуникационных барьеров.

Адаптация условий происходит усилиями самого работника, а не работодателя. Такая занятость позволяет согласовать профессиональные требования с состоянием здоровья и личным ритмом жизни, сохраняя при этом участие в экономике.

[Работая дистанционно], можно организовать рабочее пространство по своему усмотрению (м, 43 года, I гр. инв-ти, нарушения слуха).

Однако возможности адаптивных форм занятости распределены неравномерно. На практике ими пользуются, как правило, те, у кого есть профессиональное образование подходящего направления и уровня, а также развитые цифровые навыки.

Я учусь на бизнес-информатике. Работаю системным аналитиком... мы делаем продукты для вузов, всякие платформы для акселерации (м, 22 года, I гр. инв-ти, передвигается на инвалидном кресле).

Вместе с тем люди с инвалидностью в среднем имеют более низкий уровень образования, а также исследования свидетельствуют о цифровом неравенстве по признаку инвалидности [3; 4; 10]. Адаптивные формы демонстрируют, что технологические изменения могут создавать новые каналы доступа к рынку труда, даже без целенаправленной институциональной поддержки, но эти каналы остаются доступными прежде всего для более ресурсных и мотивированных работников.

Автономные формы самореализации: занятость как пространство инициативы

Автономные формы самореализации предполагают самостоятельную организацию труда — самозанятость, предпринимательство. Они позволяют обойти традиционные барьеры и обеспечивают контроль над содержанием и условиями работы, но требуют от человека значительных усилий и компетенций.

Для части респондентов самозанятость — это основной или дополнительный источник дохода, позволяющий обойти дискриминацию на рынке труда и самостоятельно регулировать нагрузку.

Работаю сама на себя как самозанятая, копирайтером и веб-дизайнером тоже. Потому что по найму работать — это совсем не мое (ж, 34 года, I гр. инв-ти, нарушения ОДА).

Специальность — автоматизация производства, проходили станки с ЧПУ, меня эта тема заинтересовала, я купил фрезерный станок. Пока делаю часы, светильники, доски для творчества, ящики и другие деревянные изделия (м, 39 лет, I гр. инв-ти, нарушения ОДА, нарушения речи).

Самозанятость предоставляет гибкость, возможность работать проектно и по своему графику. Однако часто она сопряжена с нерегулярностью доходов.

Малое и среднее предпринимательство демонстрируют долгосрочные стратегии занятости и заработка. Как и в случае с самозанятостью, предпринимательство дает возможность обойти барьеры на пути к рынку труда, однако является для респондентов основным источником дохода и основным видом деятельности.

Да, я индивидуальный предприниматель... Бренд у меня на маркетплейсах (ж, 35 лет, I гр. инв-ти, общее заболевание).

Особое место занимает социальное предпринимательство — это форма бизнеса, направленного не только на получение прибыли, но и на решение конкретных социальных проблем. Социальные предприятия по форме относятся к малым и средним, но, в отличие от традиционного бизнеса, цель социальной пользы встроена в модель деятельности и определяет ее устойчивость и смысл.

В России в 2019 г. произошли официальная институционализация этого явления через внесение поправок в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» № 209-ФЗ и закрепление понятий «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие» (СП). Согласно официальному подходу, социальный бизнес определяется как «предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества». Выделяются четыре категории СП, три связаны с социально уязвимыми группами: обеспечивают им занятость (категория 1 СП), реализуют производимую ими продукцию (категория 2) или производят товары, работы или услуги для них (категория 3). К уязвимым социальным группам относят людей с инвалидностью, одиноких и/или многодетных родителей, пенсионеров и людей предпенсионного возраста, беженцев и вынужденных переселенцев, выпускников детских домов, лиц в ситуации бездомности, малоимущих граждан и др. СП категории 4 ведут деятельность по решению социальных проблем или достижению общественно полезных целей. Также выделяется отдельная подкатегория — ИП с инвалидностью без наемных работников, которые могут претендовать на получение статуса вне зависимости от их целевой аудитории и основного вида деятельности (категория 1.1). СП могут претендовать на дополнительные меры материальной и нематериальной поддержки.

Часть наших респондентов являются социальными предпринимателями, причем некоторые вели социальный бизнес до его институционализации и получили статус СП ретроспективно. Для одних людей с инвалидностью, как правило без наемных работников (категория 1.1), СП может рассматриваться преимущественно как доходная деятельность.

Доход-то нужен. Я начал задумываться, как жить дальше. ИП открыли. У нас прокат спортивного инвентаря (м, 43 года, I гр. инв-ти, нарушения ОДА).

Для других социальное предпринимательство позволяет не только получать доход, но и решать проблемы, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью как социальная группа.

Когда здоровье совсем упало и пришлось заниматься вопросами доступной среды, я понял, что нет вариантов, как поддерживать работу команды, кроме как зарабатывать немножко на этом. Поэтому мы поставляем оборудование, берем иногда объекты на реконструкцию, делаем пандусы, поручни и т. д. (м, 44 года, I гр. инв-ти, передвигается на коляске).

Глухие часто сталкиваются с системной дискриминацией в различных сферах жизни, включая образование, сферу занятости и социальные услуги... Я решал личную проблему жизни без слуха — замучился бегать по сурдоцентрам, в которых мне не могли нормально настроить слуховые аппараты. Большинство таких организаций нацелены на продажи слуховых аппаратов, а забота о людях для них вторична... На должности гендиректора Deafon я не только решал вопросы слухопротезирования глухих, но и пытаюсь сломать стереотипы. При этом все сотрудники компании — глухие или слабослышащие люди (м, 43 года, I гр. инв-ти, нарушения слуха).

Самой популярной одеждой в мире являются джинсы... Как-то я увидел на просторах Интернета, что за границей для людей в колясках есть специально скроенные джинсы. Заинтересовался этой темой и заказал себе такие. Прошло время, все мои джинсы износились, а новые заказать стало нельзя, поэтому пришла идея шить джинсы для колясочников самим (м, 43 года, I гр. инв-ти, передвигается на коляске).

Автономные формы иллюстрируют переход от участия «в рамках предоставленных возможностей» к самостоятельному созданию этих возможностей, что свидетельствует о развитии профессиональной субъектности. Однако важно понимать, что эти формы вовлеченностии в экономическую жизнь доступны не всем. Они требуют не только ресурса — финансового, психологического, временного, — но и высокого уровня самодисциплины, готовности к риску и способности работать в условиях неопределенности. Для многих людей с инвалидностью это становится реальной возможностью, но при этом не является универсальным решением проблем занятости.

Инверсия опыта инвалидности: переопределение ограничений по здоровью как профессионального ресурса

Инверсия опыта инвалидности — сквозная категория, описывающая процесс, при котором личный опыт ограничений превращается в профессиональный ресурс. Речь идет не о форме занятости, а о способе самореализации, который может проявляться в разных контекстах — организационной, адаптивной или автономной занятости.

Инверсия выражается в том, что человек использует собственный опыт инвалидности как компетенцию. Личный опыт преодоления барьеров, знание специфики ограничений и взаимодействия с инфраструктурой становятся ценным источником прикладного знания, особенно в тех сферах, где важно учитывать разнообразие опыта. В этом случае рамка профессионализации строится не «несмотря на инвалидность», а благодаря опыту жизни с ней — именно он дает человеку уникальную компетентность, востребованную в сферах инклюзивного дизайна, клиентских сервисов, цифровых продуктов и др.

Я начинала как специалист по веб-доступности. Меня позвали на работу из Всероссийского общества слепых, я занималась доступностью муниципальных сайтов государственных. Потом стала сотрудничать с различными НКО, они просили делать доступность различных сервисов цифровых, обычных сайтов коммерческих, ну и некоммерческие мне попадались (ж, 27 лет, I гр. инв-ти, нарушения зрения).

Этот процесс отражает сдвиг в понимании профессионализма — от адаптации к признанию уникального опыта как источника экспертизы.

Заключение

Результаты исследования показывают, что занятость людей с инвалидностью формируется не как единая система, а как набор различных форм профессиональной и трудовой реализации, зависящих от сочетания индивидуальных, организационных и структурных факторов. Количественные данные зафиксировали различия в уровне участия: более высокие шансы на занятость имеют люди с легкими нарушениями, высоким уровнем образования, проживающие в крупных городах и др. Качественная часть позволила рассмотреть, в каких формах становится возможным участие в занятости при существующих ограничениях.

Выделенные формы участия в занятости — защитные, организационные, адаптивные и автономные — отражают разные степени автономии и различные способы взаимодействия с барьерами. Вместе они образуют континuum: от занятости в специализированных организациях до предпринимательства. Эти результаты позволяют рассматривать занятость людей с инвалидностью не как результат включения в рынок труда или исключения из него, а как совокупность практик, которые формируются на пересечении индивидуальных ресурсов и структурных условий. Эти формы расширяют понимание трудовой активности и позволяют по-новому осмыслить инклюзию как процесс создания возможностей снизу, а не как результат внешнего регулирования.

Важно признать, что возможности разных форм участия остаются неравномерно распределенными. Речь идет, скорее, о частичном и фрагментарном участии — «точках открытости», где складываются инклюзивные отношения или создаются условия для индивидуальной адаптации. Наши респонденты относятся к группе активных людей с инвалидностью, способных выстраивать собственные формы занятости, несмотря на барьеры и ограничения. Именно поэтому в их опыте отражены прежде всего возможности реализации при высокой мотивации и наличии определенных ресурсов — образования, профессиональных связей, технических навыков. Для менее ресурсных и менее мотивированных людей такие формы участия могут быть труднее достижимы. Тем самым результаты подчеркивают селективный характер инклюзии: доступ к занятости остается неравным, а открытый рынок по-прежнему ограничен для значительной части людей с инвалидностью.

Полученные результаты позволяют рассматривать инклюзию в сфере занятости не как достигнутое состояние, а как динамичное поле взаимодействия между индивидуальными усилиями и структурными ограничениями. Даже частные примеры трудовой и профессиональной реализации показывают потенциал трансформации рынка труда — пусть не в сторону его полной открытости, но в направлении постепенного расширения зон участия и признания профессионального вклада людей с инвалидностью.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коржук Софья Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования», Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). **Телефон:** +7 (499) 956-93-26. **Электронная почта:** korzhuk-sv@ranepa.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 50–68. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.3)**

Research Article

SOFIA V. KORZHUK¹

¹ Institute of Applied Economic Research, RANEPA.

11, Prechistenskaya Emb., 119034, Moscow, Russian Federation.

LABOR AND PROFESSIONAL INTEGRATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES: INSTITUTIONAL CONSTRAINTS AND INDIVIDUAL SOLUTIONS

Abstract. This article analyzes the factors influencing employment, as well as the practices of labor and professional realization among people with disabilities. The relevance of the topic lies within the gap between formally declared principles of inclusion and the actual situation in the labor market, where employment opportunities for people with disabilities remain limited. Despite the existence of preferential mechanisms, most sustainable employment practices develop outside of institutional support and require a high degree of initiative and adaptability from the individuals themselves.

The empirical basis of the article includes data from the 2022 Comprehensive Survey of Living Conditions as well as in-depth interviews with active people with disabilities who have experience working for pay. Quantitative analysis reveals the scale of structural barriers in the realm of employment, while interview data allow for identifying forms of professional and labor inclusion.

The article shows that the degree of impairment, level of education and accessibility of the surrounding infrastructure are key factors — and simultaneously barriers — when it comes to employment for people with disabilities. The forms of participation of active persons with disabilities in the labor sphere are identified: protective, organizational, adaptive and autonomous. The analysis of these forms is based on the understanding of employment as a continuum of engagement — from situations entirely dependent on institutional support to those in which work is organized independently and proactively. These practices are shown to rely on a combination of flexibility, digital skills, as well as the ability to transform the personal experience of disability into professional expertise.

Keywords: disability; people with disabilities; employment; labor market; entrepreneurship; social entrepreneurship.

For citation: Korzhuk, S.V. Labor and professional integration of people with disabilities: institutional constraints and individual solutions. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 50–68. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.3)

Acknowledgment. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia V. Korzhuk — Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Center “Institute of Social Analysis and Prediction”, Institute of Applied Economic Research, RANEPA. **Phone:** +7 (499) 956-93-26. **Email:** korzhuk-sv@ranepa.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Александрова О.А., Кочкина Е.В., Ненахова Ю.С. Легко ли инвалиду найти работу в Москве? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 328–350. DOI: [10.14515/monitoring.2019.6.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.17) EDN: PNMTSL

- Aleksandrova O.A., Kochkina E.V., Nenakhova Y.S. Is It Easy for Disabled People to Find a Job in Moscow? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 6. P. 328–350. DOI: [10.14515/monitoring.2019.6.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.17) (In Russ.)
2. Гурина М.А., Моисеев А.Д., Шурупова А.С. К вопросу о повышении уровня занятости лиц с инвалидностью в России // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 1. С. 465–482. DOI: [10.18334/et.6.1.40450](https://doi.org/10.18334/et.6.1.40450) EDN: [HTEUTR](#)
Gurina M. A., Moiseev A.D., Shurupova A.S. To the issue of increasing of employment of disabled people in Russia. *Ekonomika truda*. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 465–482. DOI: [10.18334/et.6.1.40450](https://doi.org/10.18334/et.6.1.40450) (In Russ.)
3. Коржук С.В., Бурдяк А.Я. Использование интернета людьми с инвалидностью: анализ целей и особенностей // Демографическое обозрение. 2024. № 4. С. 109–135. DOI: [10.17323/demreview.v11i4.24291](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24291) EDN: [ABEVWG](#)
Korzhuk S., Burdyak A. Internet use by people with disabilities: an analysis of purposes and specific features. *Demograficheskoe obozrenie*. 2024. No. 4. P. 109–135. DOI: [10.17323/demreview.v11i4.24291](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24291) (In Russ.)
4. Коржук С.В., Бурдяк А.Я. (Не)использование интернета людьми с инвалидностью: масштабы и барьеры доступа // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 645–656. DOI: [10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656) EDN: [SUYOJU](#)
Korzhuk S., Burdyak A. Internet (Non)use by People with Disabilities: Extent and Barriers to Internet Access. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 645–656. DOI: [10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_12_645_656) (In Russ.)
5. Кураева Л.Н., Мирзабалаева Ф.И. Российская практика реализации прав инвалидов на труд и занятость // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 6. С. 843–858. DOI: [10.18334/et.10.6.117865](https://doi.org/10.18334/et.10.6.117865) EDN: [GIYMBL](#)
Kuraeva L.N., Mirzabalaeva F.I. Russian practice in the realization of labor and employment rights of persons with disabilities. *Ekonomika truda*. 2023. Vol. 10. No. 6. P. 843–858. DOI: [10.18334/et.10.6.117865](https://doi.org/10.18334/et.10.6.117865) (In Russ.)
6. Мирзабалаева Ф.И., Пашкова С.Е., Антонова Г.В., Анфалова А.В. Оценка и основные подходы к содействию занятости инвалидов на российском рынке труда // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 11. С. 1911–1928. DOI: [10.18334/et.11.11.121937](https://doi.org/10.18334/et.11.11.121937) EDN: [GZZIJG](#)
Mirzabalaeva F.I., Pashkova S.E., Antonova G.V., Anfalova A.V. Assessment and main approaches to promoting the employment of people with disabilities in the Russian labor market. *Ekonomika truda*. 2024. Vol. 11. No. 11. P. 1911–1928. DOI: [10.18334/et.11.11.121937](https://doi.org/10.18334/et.11.11.121937) (In Russ.)
7. Ненахова Ю.С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 96–108. DOI: DOI: [10.26653/1561-7785-2018-21-3-07](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-3-07) EDN: [YNHELB](#)
Nenakhova Yu.S. Labour potential of people with disabilities: problems of implementation. *Narodonaselenie*. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 96–108. DOI: [10.26653/1561-7785-2018-21-3-07](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-3-07) (In Russ.)
8. Demanova A. *Employment of Disabled People in Russia in the Context of the Digital Economy. Research Paper WP BRP 91/STI/2018*. Moscow: Higher School of Economics, 2018. DOI: [10.26653/1561-7785-2018-21-3-07](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-3-07) EDN: [YNHELB](#)
9. Disability, Work and Inclusion: Mainstreaming in All Policies and Practices. Paris: OECD Publishing, 2022. DOI: [10.1787/1eaa5e9c-en](https://doi.org/10.1787/1eaa5e9c-en)

10. Kolybashkina N., Sukhova A., Ustinova M., Demianova A., Shubina D. *Barriers and Opportunities to Employment for Persons with Disabilities in the Russian Federation*. Washington, D.C.: World Bank Group, 2021. DOI: [10.1596/36627](https://doi.org/10.1596/36627)
11. McKinney E.L., Swartz L. Employment integration barriers: experiences of people with disabilities. *The International Journal of Human Resource Management*. 2019. Vol. 32. No. 10. P. 2298–2320. DOI: [10.1080/09585192.2019.1579749](https://doi.org/10.1080/09585192.2019.1579749)
12. Molyneux C. Why employer inflexibility matters for the recruitment, retention and progression of disabled workers. *Disability & Society*. 2023. Vol. 38. No. 4. DOI: [10.1080/09687599.2023.2168180](https://doi.org/10.1080/09687599.2023.2168180)
13. Nagtegaal R., de Boer N., van Berkel R., et al. Why do Employers (Fail to) Hire People with Disabilities? A Systematic Review of Capabilities, Opportunities and Motivations. *Journal of Occupational Rehabilitation*. 2023. No. 33. P. 329–340. DOI: [10.1007/s10926-022-10076-1](https://doi.org/10.1007/s10926-022-10076-1)
14. Sharma R.H., Asselin R., Stainton T., Hole R. Ableism and Employment: A Scoping Review of the Literature. *Social Sciences*. 2025. Vol. 14. No. 2. DOI: [10.3390/socsci14020067](https://doi.org/10.3390/socsci14020067)
15. *UN Disability and Development Report: Realizing the Sustainable Development Goals by, for and with Persons with Disabilities*. N.Y.: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, 2019. 364 p.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 14.10.2025; принята к публикации: 05.11.2025.

Received: 22.07.2025; revised after review: 14.10.2025; accepted for publication: 05.11.2025.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.4

EDN: IFCCDD

C.B. РЫЖОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

И РОССИЙСКАЯ, И ЭТНИЧЕСКАЯ: КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СДВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. На основе данных всероссийского социологического опроса, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН) в 2024 г. (и с привлечением данных опросов ИС ФНИСЦ РАН за 2015, 2017, 2018, 2020 гг.), изучается динамика российской и этнической идентичностей, установки этнической солидарности и этнополитической мобилизации. Исследуется консолидирующий потенциал *сдвоенной* — российско-этнической — идентичности и *инклюзивный* потенциал русской этнической идентичности, которые рассматриваются как опорные основы национального общероссийского самосознания. Под консолидирующим потенциалом идентичности понимается свойственные обладателям данной идентичности оценки, представления, эмоции, установки, выражающие «субъективные» (нередко моральные) (по А.Б. Гофману) аспекты социального единства. Используемое в статье понятие «сдвоенная идентичность» отражает эмпирически фиксируемое одновременное самоопределение респондентов как россиян и как представителей своего этнического сообщества. Отмечается, что в условиях СВО (и вхождения концепции «Русского мира» в дискурс высшего политического руководства) происходит рост русского этнического самосознания, сопровождающийся одновременным расширением инклюзивного потенциала категории «русские». Делается вывод, что позитивные модели включения этнической идентичности в процессы нациестроительства возможны через усиление инклюзивного потенциала русской этнической (восприятие «русских» как открытого и привлекательного сообщества, к которому при желании можно присоединиться) и поощрение становления сдвоенной (одновременно и российской, и этнической) идентичности. Данные исследования позволяют заключить, что сдвоенная идентичность в сравнении с преимущественно этнической идентичностью проявляет себя как более ресурсная в контексте обеспечения и поддержания социального единства. Риском для этих процессов выступают *эксклюзивная политизация* русской идентичности, претензии на доминирующую политическую роль русских в государстве, которые подвергают сомнению политическую равноправность российских народов в социальном пространстве полигэтнической России.

Ключевые слова: российская идентичность; этническая идентичность; национальное общероссийское самосознание; русские; русская этническая идентичность; сдвоенная идентичность; российско-этническая идентичность.

Для цитирования: Рыжова С.В. И российская, и этническая: консолидирующий потенциал сдвоенной идентичности // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 69–86. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.4 EDN: IFCCDD

Введение

В условиях социальных трансформаций, инициированных специальной военной операцией на Украине (СВО) и международной напряженностью, в обществе оживились дискуссии, посвященные поискам культурных и ценностных основ общероссийского единства. Российская и этническая идентичности активно вовлекаются в эти процессы, становясь идеальными ориентирами для внутрироссийской консолидации; публичный политический дискурс о единой российской нации плотно насыщен этническими маркерами.

Специальная военная операция выяснила ключевую характеристику российского этносоциального пространства. Россия, с одной стороны, страна многоэтничная и многокультурная, а с другой — русскоязычная, с преобладанием русского населения. Эти характеристики в постсоветский период стали неотъемлемыми и взаимодополняющими свойствами новой России. Этническая сложность и одновременно «русскость» Российской Федерации защищаются государством, закреплены в Конституции РФ.

В ходе адаптации к внешним вызовам, инициированным СВО, обновляется смысловое наполнение российской и этнической идентичностей, усложняется их структура. С одной стороны, возрастающая сложность социальных и политических условий и внешние вызовы делают их взаимодействие конкурирующим, с другой стороны, синергетическое взаимовлияние этих ведущих макроидентичностей представляет собой уникальное достояние России, выступая предпосылкой для формирования национального общероссийского самосознания.

Цель статьи — показать взаимодействие российской и этнической идентичностей как идентитарной основы национального (общероссийского) самосознания, оценить инклюзивный потенциал русской этнической идентичности как социокультурной предпосылки становления российской политической нации. Социологическое исследование нацелено на поиск текущих тенденций формирования консолидирующей идентичности в условиях российской полигатничности в ситуации внешних вызовов.

Эмпирической базой служат данные всероссийского социологического опроса, осуществленного Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН) в 2024 г. методом индивидуального интервью в 22 субъектах РФ по районированной квотной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей взрослое население Российской Федерации по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Привлекаются также данные мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за 2015, 2017, 2018, 2020 гг. Единый принцип формирования выборки этих исследований обеспечивает сопоставимость данных; во всех исследованиях использовался одинаковый блок вопросов.

Концептуальные подходы к исследованию

Исследование опирается на синтезированную методологию. Используется описательно-аналитический метод, полученные эмпирические данные интерпретируются сквозь призму концепций, объясняющих процессы формирования российской идентичности в контексте текущих вызовов нациестроительства в условиях полиэтничности. Данный исследовательский дизайн ставит задачи творческого соединения концепций социальной идентичности и теорий становления политических наций. Теоретической рамкой служат подходы к изучению социальной идентичности (П. Бергер и Т. Лукман, Г. Тэжфел и Т. Тернер, М. Хогг, Э. Эриксон) и социальной консолидации (А.Б. Гофман, О.А. Кармадонов), учитываются идеи социально-культурной антропологии (В.А. Тишков, Ф. Барт, Дж. Де Вос), концепции политической нации (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, А.И. Миллер), работы отечественных социологов (М.К. Горшков, Л.М. Дробижева, Э.А. Паин и др.), политологов (И.А. Семененко, Л.Г. Бызов и др.).

Изучение текущей российской идентичности органично вписывается в поле эмпирических и теоретических исследований, связанных с проблемами становления национальной идентичности в транзитивных политических системах [6]. Распад советского государства и сопутствующий ему кризис советской идентичности инициировали процессы поиска новой консолидирующей идентичности россиян. Несмотря на то что фаза «острой транзитивности» 1990-х гг., связанной со слабостью институтов, пересмотром объединяющих ценностей и социальной нестабильностью, успешно преодолена, Россия тем не менее находится в поиске ценностного консенсуса относительно собственных историй (преимущественно советского периода, но не только), будущего, идентичности и политической культуры. Отечественные исследователи отчетливо отмечают переходное состояние современной российской идентичности, ее противоречивое — в известной мере парадоксальное — содержание, включающее как современные, так и глубоко архаичные элементы; ее переменчивое содержание представляет собой совокупность имперских, гражданских измерений с активным участием этнонациональных идей и дискурса [7; 8]. В качестве проблем и вызовов общероссийской идентичности отмечаются ее «негативный» (становление через отторжение, а не через позитивную консолидацию) характер [3], формирование через противопоставление «внутренним другим» (например, мигрантам) [7], ее исторически наследуемая внутренняя негомогенность и противоречивость [12]. Несмотря на большой объем исследований российской идентичности, ее моделей, форм, характеристик, вопрос о ее основаниях остается открытым.

Концептуально автор статьи исходит из допущения, что российская и этнические идентичности — это социальные макроидентичности. Под консолидирующим потенциалом идентичности понимаются свойственные обладателям определенной идентичности оценки, представления, эмоции, установки, выражающие «субъективные» (нередко моральные) аспекты социального единства [2]. Этническая идентичность (как результат идентификации (отождествления) с людьми «своей национальности») и российская идентичность (как результат идентификации (отождествления) с Россией и ее гражданами) складываются путем осознания принадлежности к общности (в немалой степени воображенной, по

Б. Андерсону), эмоционально-ценостного отношения к ней, готовности действовать ради ее интересов. Эти идентичности формируются в результате социального категоризирования (распределения объектов социального мира по определенным категориям/группам) и соответствующего самокатегоризирования с последующей идентификацией с выбранной категорией/группой [14]. Тесная связь этих макроидентичностей с эмоциями и социальными потребностями (в принадлежности, причастности к культуре, земле, судьбе, политическому выбору и т. д.) обуславливает их высокий мотивационный потенциал, который может реализовываться в различных формах социальных установок и социального действия.

Этническая идентичность отделяет «других» от «своих» на основе этнокультурных критериев, российская — категоризирует «других» и «своих» на основе в первую очередь государственно-политических, гражданских характеристик. Если понятие этнической идентичности прочно устоялось как в научном дискурсе, так и в массовом представлении как осознание принадлежности к общности людей «своей национальности» на основе языка и традиции, этнической культуры, исторической памяти, самоназвания и ряда других [11], то понятие российской идентичности находится в активном «поиске себя» [4]. Российская идентичность — относительно новое понятие, оно шире и охватывает гражданско-юридические, географические, государственные, другие измерения идентификации. Основные акторы формирования общероссийской идентичности — государство и его институты, общество. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества¹. В современных исследованиях российская идентичность рассматривается как показатель социокультурной консолидации российского общества (М.К. Горшков, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, К.Г. Холодковский и др.), изучаются исторические корни современной российской идентичности (А.И. Миллер, К.Г. Холодковский и др.) и роль политики памяти в ее формировании (О.Ю. Малинова, В.В. Титов и др.), анализируются соответствующие риски, порожденные традиционными особенностями отечественной культуры (И. Яковенко). Российская идентичность рассматривается как политическая идентичность, обеспечивающая связь между государством и нацией (И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин, В.С. Малахов, О.Ю. Малинова, С.П. Перегудов и др.), как гражданская идентичность, формируемая на основе гражданского сознания и влияния институтов гражданского общества (Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин, Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков и др.).

Отечественное экспертное сообщество склоняется к мнению, что российская идентичность — многосоставная по содержанию, в ней наряду с государственно-гражданским, пространственным, морально-правовым компонентами присутствует историко-культурный компонент [11; 5]. Исходя из такого осмысления российской идентичности, этническая идентичность стихийно становится ее

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (с изменениями на 6 декабря 2018 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.07.2025).

неотъемлемой составляющей, так как историко-культурный компонент российской идентичности подкрепляется смыслами этнической идентичности, поддерживающей связь с «предками» и традицией, историческим прошлым, культурным и религиозным наследием, памятью.

В работах Центра исследования межнациональных отношений (ЦИМО) ИС ФНИСЦ РАН российская и этническая идентичности изучаются в *процессуальном ракурсе*, как текущее ощущение связи (общности, близости) с Россией, ее гражданами, россиянами, с людьми своей национальности², исследуется консолидирующий потенциал этих идентичностей. Используемое в статье понятие «*сдвоенная идентичность*» отражает эмпирически фиксируемое одновременное самоопределение респондентов как россиян и как представителей своего этнического сообщества (своей этнической группы).

Этническая и российская идентичности в массовых представлениях

В ходе исследований ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН, в том числе качественных — интервью с экспертами, специалистами, представителями различных социальных групп (разных национальностей, в республиках и областях РФ), групповых дискуссий, — были выделены *базовые*, устойчивые идентификаторы для этнической и российской идентичностей, составляющие компоненты их структуры [9]. Структурными компонентами этнической идентичности выступают этнический язык и этническая культура, «своя» территория проживания, обычаи и обряды, религия, историческое прошлое, государственность (для республик Российской Федерации), внешний облик. Структурными компонентами российской идентичности — общие государственность и территория, русский язык и общероссийская культура, гражданская ответственность и общее историческое прошлое, объединяющие символы (см. табл. 1). Специфическими для этнической идентичности выступают компоненты, связанные с *традицией* (обычаи, обряды, религия), а для российской идентичности — связанные с *государством, гражданством, гражданскими установками и государственными символами*.

Если сопоставить иерархию наиболее популярных компонентов этнической и российской идентичностей, представленных в массовом сознании, то увидим, что в этнической идентичности лидирующими выступают этнический язык (68%), этническая культура (47%), этническая территория (44%), в российской — государство (58%), российская территория и русский язык (44% и 43% соответственно). Историческое прошлое набирает 26% в качестве компонента этнической идентичности и 32% в качестве компонента российской. Обращает внимание, что базовый общероссийский *гражданский* идентификатор — ответственность за судьбу страны — слабо представлен в массовом сознании (22%).

² Для изучения уровня этнической, российской и других макроидентичностей в Центре исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН применяется вопрос о том, как часто респондент испытывает общность, близость с людьми своей национальности (с гражданами России, россиянами). Вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова в 1990-х гг. для исследования макроидентичностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» — общий уровень последней.

Таблица 1

Структурные компоненты этнической и российской идентичностей

(ответы ранжированы), 2020 г., % от числа опрошенных

Критерии объединения с общностью «люди моей национальности»		Критерии объединения с общностью «граждане РФ, россияне»	
Язык	68	Общее государство	58
Культура	47	Родная земля, территория, природа	44
Родная земля, территория, природа	44	Русский язык	43
Обычаи, обряды	34	Историческое прошлое	32
Историческое прошлое	26	Культура, обычаи, праздники	29
Общая государственность	16	Ответственность за судьбу страны	22
Религия	16	Общие символы	15
Внешний облик	9	Ничего не объединяет	3
Ничего не объединяет	2	Затруднились ответить	2
Затруднились ответить	2		

Очевидно, что в восприятии русских содержание их этнической и российской идентичностей взаимно пересекается: такие структурные компоненты *этнической* идентичности, как язык, территория, культура, государство (последний был выделен в качестве базового идентификатора в структуре этнической идентичности в ходе качественных исследований в республиках РФ), являются основой *и российской* идентичности. Поэтому российская идентичность русских неизбежно будет опираться на русскую этничность как источник этнокультурных смыслов и мотиваций. В благоприятных экономических, социальных, политических условиях этническая идентичность большинства (стихийно или в качестве социального проекта) может бесконфликтно включаться в содержание российской идентичности.

Соотношение уровня российской и этнической идентичностей в массовом сознании показывает динамику социальной консолидации с опорой на этнические и государственно-гражданские (политические) факторы. Динамика 2018–2024 гг. показывает рост этнической идентичности в сравнении с российской. В 2018 г. уровни российской и этнической идентичностей были сопоставимы (74% и 70% соответственно), их актуализация (доля ответивших, что они «часто» ощущают общность) также была сопоставимой (29% и 23% соответственно) (табл. 2).

Однако в условиях социальной турбулентности, инициированной пандемией и специальной военной операцией, уровень этнической идентичности плавно поднимался (с 70% в 2020 г. до 84% в 2024 г.) и стал опережать уровень российской идентичности, который остался стабильным (68%). В 2024 г. на фоне продолжающейся СВО наблюдалась резкая актуализация этнической идентичности: с 23% (в 2018 г.) до 34% (см. табл. 2).

Таблица 2

**Уровни российской и этнической идентичностей,
2018, 2020, 2024 гг., % от числа опрошенных**

Показатели российской и этнической идентичностей	Год		
	2018	2020	2024
Ощущают общность, близость с гражданами России			
Часто	29	16	18
Иногда	45	52	50
Общий уровень российской идентичности	74	68	68
Никогда	19	16	11
Затрудняюсь ответить	7	16	21
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности			
Часто	23	34	34
Иногда	47	46	50
Общий уровень этнической идентичности	70	80	84
Никогда	21	10	5
Затрудняюсь ответить	9	10	11

Если рассматривать данные всероссийского репрезентативного опроса в контексте возможных проблем и вызовов, обусловленных российской многонациональностью, то важно подчеркнуть, что данные всероссийского опроса отражают преимущественно мнение этнического большинства. Исходя из этого можно с уверенностью констатировать, что в период 2018–2024 гг. произошел резкий рост русского этнического самосознания и сопряженных с ним установок этнической солидарности и этнополитической мобилизации. По результатам исследований 2015, 2020, 2024 гг., этническая солидарность (поддержка суждения «*в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности*») выросла с 72 до 81%. Этнополитическая мобилизация как безусловная готовность защищать интересы своего народа также показала стремительный рост — с 37 до 58% (табл. 3).

Рост этих показателей в 2024 г. обозначает тренд политизации этнического самосознания русского большинства (что не отменяет аналогичных процессов среди россиян других национальностей) и свидетельствует об активном участии этнической идентичности и солидарности в социальной консолидации в условиях СВО. Представляется, что пусковым механизмом для этого послужила концепция защиты Русского мира, которая стала идеологическим и мировоззренческим стержнем СВО и отчасти его политическим обоснованием. Концепция Русского мира стала звучать в дискурсе высшего руководства страны в середине первого десятилетия 2000-х гг., а при создании в соответствии с Указом Президента РФ от 21.06.2007 соответствующего Фонда институционально закрепилось понятие Русского мира в контексте культурной политики и политики памяти, направленной на сохранение и поддержку в мире русской культуры и русского языка³. Вхождение этой

³ Официальный сайт Фонда «Русский мир». — URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 25.07.2025).

концепции в дискурс высшего политического руководства Российской Федерации естественным образом инициировало актуализацию исторического и этнического самосознания большинства россиян. Исследователи отмечают, что в условиях СВО «общество буквально мобилизовалось вокруг национальной памяти» [6, с. 13; 10], которая стала двигателем общероссийской консолидации.

Таблица 3

Установки этнической солидарности и этнополитической мобилизации,
2015, 2020, 2024 гг., % от числа опрошенных

В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности		Год		
Варианты ответов		2015	2020	2024
Согласен		72	77	81
Не согласен		15	15	9
Затрудняюсь ответить		13	8	10
Все средства хороши для защиты интересов моего народа				
Согласен		—	37	58
Не согласен		—	46	23
Затрудняюсь ответить		—	17	19

Примечание. В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью согласен» и «скорее согласен»; «скорее не согласен» и «не согласен».

Фиксируемый рост этнической идентичности, этнополитической мобилизации русского большинства ставит вопросы о том, какую роль будет играть актуализированная и политизированная русская этническая идентичность в текущих процессах нациестроительства, и о возможных моделях включения этнической идентичности в процессы общероссийской консолидации.

Этнополитические процессы России теснейшим образом связаны с перспективами ее территориальной целостности [8]. Усиление и ужесточение «этнических границ» могут стать вызовом для гармоничного развития единого многонационального российского государства, народа и гражданского общества. Очевидно, что в «русскости» находят для себя смысл не только конструктивные политические силы, нацеленные на поиск блага для России, но и маргинальные группы, способные взять эту тенденцию на вооружение для деструктивной деятельности и нелегитимных форм политической борьбы.

Не претендуя на окончательный ответ на поставленный выше важный вопрос, отметим, что многое определяется текущим инклузивным потенциалом этнического самосознания русского большинства. *Кого, согласно массовым представлениям, можно считать русским?* Высокая мера инклузивности категории «русский» как готовность принимать «в русские» людей других национальностей на основе культурных, гражданских, иных характеристик обеспечивает благоприятный и конструктивный исход наблюдаемого сегодня роста русского этнического самосознания.

Инклюзивный потенциал русской этнической идентичности

Специальная военная операция актуализировала в массовом сознании дискурс этнических различий. В социальных сетях и на уровне обыденных представлений военное противостояние России и Украины осмысливается как противостояние русских и украинцев (совсем недавно воспринимавшихся и специалистами, и массовым сознанием как две ветви единого этноса) и сопровождается жесткой политизацией слабых культурных различий, негативной этнической стереотипизацией, что может оказаться дестабилизирующим фактором для устойчивого межнационального консенсуса, сложившегося в России. Усиление русского этнического самосознания порождает «ответный всплеск» антирусской риторики в социальных сетях и медиа, обесценивание России и русских, распространение негативных этнических стереотипов. По данным социологических опросов 2025 г., «опрошенные все чаще допускают возможность столкновений на национальной почве: как в том месте, где они живут (15%, рост на 6 п. п. с июля 2017 г.), так и в России в целом (34%, рост на 15 п. п. с июля 2017 г.)»⁴.

С одной стороны, этническая идентичность формируется на основе *исключения* из категории «мы» людей других национальностей. С другой стороны, готовность «принять в русские» и расширить категорию «русские» на россиян других национальностей можно рассматривать как одну из возможных социокультурных предпосылок становления общероссийской общности и идентичности.

Текущий государственно-политический тренд трактовки «русскости», опирающийся на концепцию Русского мира, включает следующие основные пункты:

- позиционируется инклюзивность русской этничности: *«Русский — это больше, чем национальность»; «Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности»;*
- русским не воспрещается быть этнофорами: *«без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть Русского мира и самой России. В этом утверждении нет какой-то претензии на превосходство, на исключительность, на избранность»;*
- инклюзивный потенциал «русскости» обеспечивается гражданскими ориентациями тех, кто хочет к ней присоединиться: *«Быть русским — это прежде всего ответственность... за сбережение России, именно в этом — истинный патриотизм» — и общностью исторической судьбы на основе этнического многообразия: в «многообразии культур, традиций, обычаяев — наша сила, огромное конкурентное преимущество и потенциал»⁵.*

⁴ Официальный сайт Левада-Центра [признан иноагентом]. — URL: <https://www.levada.ru/2025/05/16/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim-vozmozhnost-stolknovenij-na-natsionalnoj-pochve-aprel-2025/> (дата обращения: 05.07.2025).

⁵ Из выступления Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира» 28 ноября 2023 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения 05.07.2025).

Идеи, представленные в государственно-политическом дискурсе, в целомозвучны массовым представлениям. Исходя из сопоставления данных всероссийских опросов 2015, 2020, 2024 гг. (табл. 4), можно уверенно утверждать, что *инклюзивность* русской этнической общности обеспечивается приобщенностью к русской культуре (53% в 2024 г.). Гражданские критерии — «кто честно трудится во благо России» (24%) и готовность принять в русские «любого гражданина России» (8%) — уступают признакам общности на основе русских языка и культуры, лояльности и происхождения. Рейтинг трех ведущих признаков «русскости» остается неизменным в 2015–2024 гг.: культура (53% в 2024 г.), происхождение (43%), русский язык (33%).

В период 2015–2024 гг. возросла значимость *самосознания* (с 22 до 34%), *лояльности* (с 22 до 34%), но также и *происхождения* (с 35 до 43%).

Таблица 4

Представления о том, кого можно считать русским, 2015, 2020, 2024 гг., % от числа опрошенных

Критерии принадлежности к категории «русские»	Год		
	2015	2020	2024
Для кого русский язык является родным	29	39	33
Кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	50	48	53
Кто честно трудится во благо России	27	20	24
Кто русский по происхождению и по крови	35	41	43
Кто придерживается православной веры и ее традиций	10	15	14
Кто сам себя считает русским	22	28	34
Кто любит Россию	23	25	34
Любого гражданина РФ	8	9	8
Затруднились ответить	6	2	2

Примечание. Допускался выбор не более трех ответов.

Таким образом, высокий уровень этнической идентичности сочетается с *инклюзивностью* категории «русский» как общности, открытой к другим национальностям и формируемой на основе общей культуры (усвоения ее норм и ценностей). По трети россиян готовы считать русским того, кто знает русский язык, любит Россию и сам себя считает русским. При этом общность происхождения также остается весомым критерием «русскости», значимость которого с 2015 по 2024 г. выросла с 35 до 43%. В 2024 г. *русский язык, самосознание и лояльность к России* становятся одинаково значимыми характеристиками (33–34%).

Очевидно, что в современных условиях в Российской Федерации русская этническая идентичность не может заменить российскую гражданскую идентичность. Но в своем инклюзивном качестве она может служить базовой межэтнической основой общероссийского единства, социокультурной предпосылкой для становления российской нации. Главное, что обеспечивает эту инклюзивность: готовность считать русскими тех, кто ориентирован на русскую культурную традицию, лоялен к России, хочет и готов считать себя русским.

Интегрирование этнического измерения в «ткань» общероссийского национального самосознания возможно не только за счет расширения инклюзивного потенциала русской этнической идентичности, но и на базе бинарной идентитарной модели, то есть когда и российская, и этническая идентичности полноправно присутствуют в его структуре в качестве опорных элементов.

Консолидирующий потенциал сдвоенной идентичности

О непротиворечивом соединении российской и этнической идентичностей говорили многие исследователи (В.А. Тишков, М.К. Горшков, Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, Э.А. Паин и др.), подтверждая тезис, что в формирование современных политических наций вовлекаются этнические и этнолингвистические основания солидарности (Э. Смит, Э. Хобсбаум).

Сдвоенная идентичность (и российская, и этническая) обладает глубоким и широким потенциалом консолидации, поскольку связывает два наиболее значимых «объекта» идентификации — Россию (и ее граждан) и сообщество «люди моей национальности», объединяя лояльность к государству, гражданству и российскому обществу с лояльностью к традициям и истории «своего» этнического сообщества (народа). Обе идентичности — как русских, так и представителей иных российских национальностей — опираются на исторически преемственную память российского государства, российскую репрезентативную культуру, схожие ценности.

Динамика субъективного соотношения этих идентичностей и определение их «веса» в массовом сознании служат хорошим индикатором характера текущих процессов внутрироссийской консолидации (на основе преимущественно этнокультурных или преимущественно государственно-политических ресурсов). Инструментарий, разработанный в ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН⁶, позволяет зафиксировать на массовом уровне предпочтительный выбор одной из этих идентичностей или сдвоенной (одновременно и российской, и этнической) идентичности, выделить доли тех, которые:

- предпочитают этническую идентичность (чувствуют себя *скорее людьми своей национальности*);
- предпочитают российскую идентичность (чувствуют себя *скорее россиянами*);
- предпочитают сдвоенную идентичность (чувствуют себя *и тем и другим в равной мере*).

Исследование 2024 г. показывает, что *сдвоенная* (одновременно и российская, и этническая (37%) и преимущественно российская (35%) идентичности более популярны, чем преимущественно этническая идентичность (21%). Суммарная доля тех, кто обладает сдвоенной и преимущественно российской идентичностями, составляет 72%. Не ощущают себя ни россиянами, ни людьми своей национальности 3% опрошенных (и 5% затруднились ответить). Эта конфигурация устойчиво воспроизводится в исследованиях 2017 и 2024 гг. (табл. 5).

⁶ Задавался вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере? (Дайте один ответ)». Варианты ответов: «Скорее человеком своей национальности», «Скорее россиянином», «И тем и другим в равной мере», «Ни тем ни другим», «Затрудняюсь ответить».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?», 2017, 2024 гг., % от числа опрошенных

Чувствуют себя...	Год	
	2017	2024
Скорее человеком своей национальности	18	21
Скорее россиянином	33	35
И тем и другим в равной мере	34	37
Ни тем ни другим	5	3
Затруднились ответить	10	5

Согласно полученным данным, сдвоенная (одновременно и российская, и этническая) и преимущественно российская идентичности в сравнении с преимущественно этнической проявляют себя как более ресурсные. Среди обладателей сдвоенной и преимущественно российской идентичностей подавляющее большинство (85% и 82% соответственно) оптимистично оценивают перспективы развития России, соглашаясь с мнением, что «путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты». Предпочтение этнической идентичности (ощущение себя «скорее человеком своей национальности»), напротив, выступает как тормозящий фактор в этом контексте — среди ее обладателей доля оптимистично оценивающих перспективы развития России существенно ниже (66%) (табл. 6).

Таблица 6

Представления о России и чувства к России в зависимости от предпочтаемой идентичности, 2024 г., % от числа опрошенных

Представления и чувства	Предпочитают этническую идентичность	Предпочитают российскую идентичность	Предпочитают сдвоенную идентичность	Другие	В целом в России
Оценка перспектив развития России					
Путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты	66	82	85	58	78
Путь, по которому идет сейчас Россия, ведет страну в тупик	33	18	14	41	21
Этнический эгоизм vs этнополитическая интеграция					
Главное — это обеспечение интересов людей моей национальности	39	23	21	32	26
Главное — это обеспечение интересов всех жителей России, страны в целом	61	76	79	65	73

Продолжение таблицы 6

Представления и чувства	Предпочитают этническую идентичность	Предпочитают российскую идентичность	Предпочитают сдвоенную идентичность	Другие	В целом в России
Чувства к России					
Любовь	41	46	50	26	45
Гордость	45	54	57	27	51
Уважение	56	62	66	37	61
Равнодушие	8	6	4	20	7
Обида, стыд	16	11	9	27	12
Возмущение	12	8	8	18	10

Примечание. В категорию «другие» вошли респонденты, выбравшие позиции «ни тем ни другим» и «затрудняюсь ответить».

Особенно заметен «сдерживающий» эффект преимущественно этнической идентичности в переживании позитивных чувств к России. Чувства любви, гордости и уважения к своей стране выше среди тех, кто обладает преимущественно российской и сдвоенной идентичностями, чем среди обладающих преимущественно этнической. Последняя также способствует «этническому эгоизму», нацеленному на обеспечение в первую очередь интересов людей своей национальности, а не всех жителей России и страны в целом. Соответственно, установки межэтнической интеграции как готовность учитывать *интересы* людей всех национальностей России значимо выше среди обладателей сдвоенной и преимущественно российской идентичностей (79% и 76% против 61% среди предпочитающих этническую идентичность) (см. табл. 6). Сдвоенная идентичность содействует межэтнической толерантности — среди ее обладателей 71% не испытывают неприязни к людям других национальностей (среди предпочитающих этническую идентичность — 60%, среди предпочитающих российскую — 63%).

Примущественно этническая идентичность в сравнении со сдвоенной и преимущественно российской представляет риск для социальной консолидации, так как сдерживает установки этнополитического равенства российских народов на основе принципов политico-гражданского равноправия и справедливости. Среди ее обладателей получает наивысшую поддержку суждение о приоритете прав русских в многонациональном государстве (достигает 40%), в то время как среди предпочитающих сдвоенную и российскую идентичности — 28% и 29% соответственно (табл. 7). Среди обладателей сдвоенной идентичности *равноправный статус* всех народов в России поддерживают 56%, среди предпочитающих российскую — 51%, среди предпочитающих этническую идентичность — 39%.

Таблица 7

**Этнополитические ориентации в зависимости от предпочтаемой идентичности,
2024 г., % от числа опрошенных**

Представления о том, каким государством должна быть Россия	Предпочитают этническую идентичность	Предпочитают российскую идентичность	Предпочитают сдвоенную идентичность	Другие	В целом в России
Россия должна быть государством русских людей	17	14	10	5	13
Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	40	29	28	24	30
Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	39	51	56	34	49
Затруднились ответить	5	7	6	20	7

Примечание. В категорию «другие» вошли респонденты, выбравшие позиции «ни
тем ни другим» и «затрудняюсь ответить».

Как показывают исследования, сдвоенная российско-этническая идентичность — более ресурсная и устойчивая конфигурация консолидирующей идентичности для России. Свободное и «творческое» существование российской и этнической идентичностей (их компонентов, измерений, характеристик, смыслов и т. д.) возможно «под крышей» национального (общероссийского) самосознания, которое предоставляет устойчивую теоретическую рамку и социальное «пространство» для снижения их конкурентности и, как следствие, для формирования взаимно обогащающих и слабоконфликтных стратегий их взаимодействия.

Обсуждение результатов и выводы

Сопоставимо высокий уровень российской и этнической идентичностей, их равновеликий статус свидетельствуют о том, что процессы нациестроительства в России протекают достаточно активно. Фокус исследования, направленный на изучение взаимосвязи и взаимовлияния этих ведущих макроидентичностей проблематизирует фундаментальный вопрос российского нациестроительства: конкурирование этнонациональных и государственно-гражданских политических

моделей консолидации. Развивая идеи Э. Геллнера, который говорил о том, что нации порождаются мобилизованным национальным самосознанием (национальной идеей) [1], сформулируем актуальный вопрос: какая идея сформирует политическую нацию в России — этническая русская или полиэтническая российская? Отталкиваясь от данных проведенных исследований, можно с известной долей уверенности утверждать, что обе стратегии участвуют в этом процессе, они взаимозависимы и взаимно поддерживают друг друга. В условиях внешних вызовов и угроз этническая идентичность оказывается более значимой, поскольку она плотнее связана с повседневностью и апеллирует к глубоко укорененным традиционно-культурным основаниям социальной консолидации.

Понимание национального (общероссийского) самосознания как феномена, сопровождающего становление российской политической нации, перекликается с расширенным толкованием концепта национальной идентичности (Л.М. Дробижева, И.А. Семененко В.А. Тишков и др.). Однако понятие национального самосознания имеет значительно больший эвристический потенциал. Согласно классическим подходам (Л.С. Выготский, С. Московичи, В.А. Ядов), самосознание представляет собой *рефлексию*, оно формируется на основе осмыслиения пережитого опыта, осознаваемых итогов и целей развития субъекта (в том числе коллективного), направляющих идей и ценностей. Как коллективная «Мы-концепция» национальное самосознание формируется на основе объединяющих смыслов, интересов и представлений о будущем, сопровождающих становление национального государства. Оно строится на основе *многосоставной идентитарной модели* (матрицы идентичностей), где наряду с российской и этнической идентичностями присутствуют иные фундаментальные (культурная, гражданская, цивилизационная и др.) идентичности, которые придают самосознанию глубину и масштаб, так как опираются на бессознательные компоненты, включая мифы.

Дж. Хоскинг отмечал, что Россия наследует две исторические формы «русскости»: этническую на основе русского языка и имперскую многоязычную, связанную с расширением территории и мультиэтничностью. Он делал вывод, что эта амбивалентность выступает *тормозом* для формирования российской политической нации на основе этничности большинства [13]. В качестве контраргумента можно отметить, что позитивные модели включения этнической идентичности в процессы нациестроительства возможны через усиление инклюзивного потенциала русской этничности (восприятие «русских» как открытого сообщества, к которому при желании можно присоединиться на основе приобщения к русской культуре и лояльности к России) и сдвоенной (одновременно и российской, и этнической) идентичности. Риском для этих процессов выступают *эксклюзивная политизация* русской идентичности, претензии на доминирующую политическую роль русских в государстве, которые подвергают сомнению политическую равноправность российских народов в социальном пространстве полиэтнической России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Светлана Валентиновна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН). **Телефон:** +7 (495) 128-56-51. **Электронная почта:** Silica2@yandex.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 69–86. DOI: [10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.4)**

Research Article

SVETLANA V. RYZHOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

ALL-RUSSIAN AND ETHNIC IDENTITIES: THE CONSOLIDATION POTENTIAL OF A DUAL IDENTITY

Abstract. Based on data from the general sociological survey of the population of the Russian Federation conducted in 2024 (also used were survey data from the Institute of Sociology of FCTAS RAS for 2015, 2017, and 2018, 2020), the dynamics of all-Russian and ethnic identities, attitudes towards ethnic solidarity and ethno-political mobilization are studied. We investigate the consolidating potential of a dual identity (both all-Russian and ethnic) and the inclusive potential of the Russian ethnic identity. The concept of “dual identity” used in this article reflects the empirically registered self-determination of respondents simultaneously as all-Russians (citizens of Russia) and representatives of their ethnic group. The Russian ethnic identity is becoming more prevalent given the introduction of the concept of the “Russian World” into the discourse of top-level political leadership, accompanied by the simultaneous expansion of the inclusive potential of the category “ethnic Russians”. The article concludes that positive models for including ethnic identity in national building processes are made feasible through strengthening the inclusive potential of the Russian ethnicity (perceiving “Russians” as an open and attractive community which one can join if desired) and encouraging the formation of dual (both all-Russian and ethnic) identity. These empirical studies allow us to conclude that dual identity manifests itself more resourcefully in the context of maintaining social unity compared to predominantly ethnic identity. There are risks that come from the politicalization of Russian ethnic identity and the claim to the dominant political role of Russians in the state, which casts doubt on the political equality of peoples in multi-ethnic Russia’s social space.

Keywords: all-Russian identity; ethnic identity; national all-Russian self-awareness; Russians; Russian ethnic identity; dual *identity*; all-Russian as well as ethnic identity.

For citation: Ryzhova, S.V. All-Russian and Ethnic Identities: the Consolidation Potential of a Dual Identity. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 69–86. DOI: [10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.4)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Ryzhova — Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 128-56-51. **Email:** Silica2@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Геллер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. — 320 с.
Gellner E. *Nations and Nationalism*. Transl. from Eng. by T. Berdikova, M. Tyunkina. Moscow: Progress publ., 1991. 320 p. (In Russ.)

2. Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 29–36. EDN: [VBZYRL](#)
Hoffman A.B. Conceptual approaches to the analysis of social unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 11. P. 29–36. (In Russ.)
3. Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004. — 816 с.
Gudkov L.D. *Negative identity. Articles of 1997–2002*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., VCIOM-A publ., 2004. 816 p. (In Russ.)
4. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. DOI: [10.17976/jpps/2018.05.09](#) EDN: [YAEHZR](#)
Drobizheva L.M. Russian identity: discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. 2018. No. 5. P. 100–115. DOI: [10.17976/jpps/2018.05.09](#) (In Russ.)
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. — 992 с.
Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic publication. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir publ. 992 p. (In Russ.)
6. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 6–27. EDN: [HSODYX](#)
Karl T.L., Schmitter Ph. Concepts, Assumptions and Hypotheses About Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations). *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. 2004. No. 4. P. 6–27 (In Russ.)
7. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение. Институт философии РАН. 2014. — 232 с.
Malakhov V.S. *Cultural differences and political boundaries in the era of global migration*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences publ., 2014. 232 p. (In Russ.)
8. Пайн Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2003. — 158 с. EDN: [QOTWLR](#)
Pain E.A. *Between an Empire and a nation. The modernist project and its traditionalist alternative in Russian national politics*. Moscow: Fond “Liberal mission” publ., 2003. 158 p. (In Russ.)
9. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 288 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](#) EDN: [AOEBHB](#)
The Substantive Foundations of Russian Identity. Regional and Ethno-Cultural Contexts. Moscow: FCTAS RAS publ., 2021. 288 p. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](#) (In Russ.)
10. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН, Институт социологии; Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Весь Мир, 2024. — 308 с.

* Внесен Министром РФ в реестр иноагентов.

- The “Arrow of Time” in the mass consciousness of Russians: assessments of the past, judgments about the present, ideas about the future.* Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir publ., 2024. 308 p. (In Russ.)
11. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. — 544 с.
Tishkov V.A. *Requiem for ethnus. Research on socio-cultural anthropology.* Moscow: Nauka publ., 2003. 544 p. (In Russ.)
12. Холодковский К.Г. Российская идентичность: исторический путь // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. С. 256–162. EDN: NVLOJJ
Kholodkovskiy K.G. Russian identity: the historical path. *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic publication.* Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2017. P. 157–162. (In Russ.)
13. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2000. — 512 с.
Hosking G. *Russia: People and Emperors (1552–1917).* Transl. from Eng. by S. Samuilov. Smolensk: Rusich publ., 2000. 512 p. (In Russ.)
14. Tejfell H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations.* Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 08.11.2025; принята к публикации: 11.11.2025.

Received: 06.08.2025; revised after review: 08.11.2025; accepted for publication: 11.11.2025.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.5

EDN: IGVGCR

И.Г. ДЕЖИНА¹

¹ Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1.

«АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»: РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В США ПОСЛЕ 2022 Г.

Аннотация. В статье анализируются занятость, адаптация и перспективы развития карьеры ученых, уехавших из России в США после 2022 г. Исследование основано на 32 полуструктурированных интервью, которые проводились в 2024 г. В 2022 г. началась волна «утечки умов», которая отличается от предыдущих постсоветских волн научной эмиграции. В ней доминирует незапланированный, поспешный отъезд, часто без приглашения на работу из-за рубежа. Уезжающие ученые не являются в традиционно понимаемом смысле беженцами, поэтому не могут получить поддержку специальных программ. Это сделало поиск работы за рубежом особенно сложным.

Интервью показали, что переселившиеся в США ученые в основном работали в лучших вузах страны, у них успешно развивалась карьера, сформировались устойчивые международные контакты. Абсолютное большинство именно через личные связи нашли позицию в США, хотя в основном временную. Также благодаря опыту международной кооперации профессиональная адаптация была относительно несложной. Однако успешность адаптации не является решающим фактором для стабилизации положения. Возможности остаться в стране, получив постоянную академическую позицию, зависят от состояния рынка. Он в США особенно неблагоприятен для приехавших ученых среднего и старшего возрастов, а среди информантов их было большинство. В дальнейшем для многих наиболее реалистичен переход с одной временной позиции на другую либо уход из академической сферы. Возможен также переезд в другие страны, в первую очередь в СНГ, где в местных университетах ценится опыт работы в США. По вопросу возвращения в Россию, а также сотрудничества с оставшимися в стране исследователями не сложилось единого и даже наиболее разделяемого мнения.

Ключевые слова: «утечка умов»; научная эмиграция; вынужденная и добровольная эмиграция; мотивы; беженцы; адаптация за рубежом; прогноз; Россия.

Для цитирования: Дежина И.Г. «Академические переселенцы»: российские ученые в США после 2022 г. // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 87–110. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.5 EDN: IGVGCR

Введение

Тема эмиграции научных кадров («утечки умов») относится к более широкой проблематике циркуляции кадров, или академической мобильности. По мере расширения разнообразия форм мобильности появились и термины, их описывающие. Возникли такие понятия, как «бегство умов», «перемещение умов», «вынужденная эмиграция», «академическая эмиграция», характеризующие процесс покидания родной страны и переселения в другие страны. Эмиграция также стала подразделяться на добровольную (экономическую) и вынужденную (по политическим мотивам).

Применительно к России «утечка умов», понимаемая, скорее, как экономическая эмиграция, была основным направлением исследований, которое наиболее активно стало развиваться после распада СССР. Именно тогда наблюдалась самая большая волна эмиграции, вызванная в первую очередь экономическими причинами, кризисным состоянием российской науки. В связи с этим традиционными для изучения стали три аспекта: 1) количественные и качественные характеристики уехавших из страны ученых и их новые позиции за рубежом; 2) состояние российской научной diáspоры; 3) механизмы привлечения уехавших ученых в Россию. Благодаря третьему направлению работ вопросы отъезда ученых за рубеж стали рассматриваться в контексте мобильности высококвалифицированных кадров.

Согласно мировой практике уезжающие ученые, как правило, не порывают связи со своей страной. Не было этого и в случае отъезда российских ученых. Поэтому, когда с начала 2010-х гг. в России появляются правительственные программы по привлечению в страну уехавших ученых и развитию связей с научной diáspорой, специалисты российского происхождения стали в них участвовать и иногда возвращаться. Однако говорить о циркуляции кадров было еще рано, и только к 2021 г. в России был достигнут примерный баланс между числом уехавших из страны и прибывших в нее исследователей, хотя потоки были качественно неравнозначными [31]. Отток происходил в основном в страны с развитой наукой, приток — из стран догоняющего развития.

В постсоветский период было несколько волн научной эмиграции, которые различались мотивами, выбираемыми странами для переселения, степенью подготовленности к отъезду, способами вхождения в новую среду, контингентом уезжавших, а также интенсивностью взаимодействия с оставшимися в России бывшими коллегами. Несмотря на особенность каждой волны, между ними были некоторые базовые сходства. Отъезд продумывался и планировался заранее, место назначения было сразу известно — там, как правило, имелись договоренности о работе или стажировке. Уезжали чаще молодые, чем ученые в возрасте (за исключением первой постсоветской волны).

С 2022 г. началась новая — почти несопоставимая с прежними — волна научной эмиграции, которая практически не связана с экономическими причинами. Скорее, наоборот, переселение в другие страны для многих означало ухудшение их материального положения и даже потерю профессии. В то же время в большинстве своем это были не традиционно понимаемые «ученые-беженцы», поскольку они не подвергались преследованиям и для их жизни не было угрозы, что вынуждало бы срочно покинуть страну.

В данной статье рассматривается эта последняя — очень специфическая — волна эмиграции из России на примере ученых, переехавших в США — страну, где их оказалось относительно много. В центре внимания вопросы трудоустройства и адаптации, перспективы дальнейшего пребывания в академической среде и возвращения в Россию. Исследование базируется на полуструктурированных интервью с российскими учеными, преимущественно получившими какие-либо позиции в американской академической сфере.

Теоретическая основа и эмпирические исследования научной эмиграции

Теоретической базой исследования проблем эмиграции и последующей адаптации за рубежом уехавших ученых служит теория социального капитала [37]. Социальный капитал обычно подразумевает связи между индивидами — социальные сети и нормы взаимности и доверия. Согласно теории социального капитала доверие способствует преодолению объективных и когнитивных различий [38]. В работах П. Бурдье и Дж. Колемана социальный капитал рассматривается как социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, которыми обладают другие индивиды [15]. Под этим понимаются ресурсы социальных отношений, сети, которые облегчают действия индивидов благодаря формированию взаимного доверия, установлению социальных норм и взаимоотношений [18]. Социальный капитал позволяет достигать результатов, которые без него были бы невозможными, поскольку сетевые взаимодействия приводят к снижению транзакционных издержек. На уровне отдельных индивидов особенно важную роль играют личные связи [2].

Применительно к мобильности исследователей именно теория социального капитала помогает объяснить, как происходит их перемещение, каким образом они находят академические позиции, осваиваются на новом месте и строят дальнейшую карьеру. При этом значение имеют не только социальный капитал эмигранта, но и влияющие на него факторы (например, солидарность участников групп научной diáspory) [34].

Причины эмиграции можно разделить на макроуровневые и микроуровневые [26]. Микроуровень включает события в жизни самих ученых, которые повлияли на их решение уехать, в том числе положение на прежней работе, смена специализации, создание семьи и рождение детей. К макроуровню относятся политические и экономические проблемы в стране, которые эмигранты считают для себя значимыми.

Соответственно, можно выделить несколько способов «утечки умов». Типология может быть привязана к тому, возвращаются ли уехавшие в материнскую страну. Таким образом, миграция может быть возвратной, когда после длительного пребывания в другой стране ученый возвращается на родину. Иногда возвратная миграция ошибочно принимается за новую волну «утечки умов». Например, библиометрические исследования фиксируют большую «утечку умов» из США в Китай, но это в основном не эмиграция, а возвращение китайцев домой после обучения или работы в США [23]. Характерно, что Россия за период с 1998 г.

не входила в число стран с большими масштабами ни «утечки умов», ни возвратной миграции [23]. В свою очередь, невозвратная миграция предполагает либо разрыв связей с материнской страной, либо непродолжительные визиты.

Еще одна типология «утечки умов» связана с мотивами отъезда. Она может быть добровольной и вынужденной [30; 36]. Наиболее распространена добровольная (экономическая) эмиграция, когда ученые переселяются в другие страны в поиске лучших условий для научной работы. При вынужденной эмиграции ученые уезжают по политическим мотивам, связанным с их преследованием или прямой опасностью нахождения в своей стране [14; 17]. В литературе таких эмигрантов могут называть «учеными в зоне риска», «перемещенными умами», «академическими беженцами». Есть также термин «принудительная интернационализация», при определении которого подчеркивается адаптация эмигрантов в новой стране [20]. При анализе этой категории уехавших внимание уделяется оценке политики страны назначения в процессе принятия решения об эмиграции [29], а также сложившимся до отъезда контактам и сетям сотрудничества [36]. «Академические беженцы» заранее не могут спланировать свой отъезд, и эмиграция происходит путем последовательного переезда из одной страны в другую. Нередко ученые-беженцы могут найти только позиции ниже своего уровня квалификации [27], поскольку их часто воспринимают как конкурентов с несправедливыми преимуществами (из-за статуса беженца) [20]. В то же время этот статус способствует маргинализации ученых [32] и снижению их научной продуктивности [20]. «Академические беженцы», которым удалось продолжить свою карьеру в изгнании, составляют явное меньшинство [33].

Именно тем, кто получил статус беженца и находится в непосредственной опасности, предоставляется первоочередная помощь. Масштабы ее невелики, она краткосрочная и не решает проблемы выживания и адаптации в новой стране [13]. Например, в 2025 г. по программе ЕС «Поддержка исследователей из группы риска посредством предоставления стипендий в Европе» было выделено всего 56 двухлетних грантов для перемещенных ученых (*displaced scholars*)¹. В США программы помощи сравнительно масштабнее, но там проблемой стало получение визы. В последние годы росло число отказов исследователям в выдаче виз, которое достигло пика в 2024 г. [22]. В целом программ поддержки ученых-беженцев не так много (табл. 1).

Различие между добровольными и вынужденными эмигрантами не всегда очевидно. Например, в первой стране, где оказался вынужденно уехавший ученый, он будет считаться беженцем, однако затем при переезде в следующую страну он фактически становится экономическим переселенцем [36], оставаясь, по сути, политическим эмигрантом.

¹ SAFE project to award 56 fellowships to researchers at risk. European Commission, 13 May 2025. — URL: <https://marie-sklodowska-curie-actions.ec.europa.eu/news/safe-project-to-award-56-fellowships-to-researchers-at-risk> (дата обращения 07.09.2025).

Таблица 1

Примеры зарубежных инициатив по поддержке вынужденно эмигрировавших ученых

Страна/регион	Инициатива	Основные меры поддержки	Целевая поддерживаемая группа
ЕС	Стипендии для работы в странах ЕС исследователям из группы риска (SAFE Fellowships — Supporting At-risk researchers with Fellowships in Europe)	До 60 двухлетних грантов в год	Аспиранты и постдоки из стран, не входящих в ЕС
Франция	Программа «Пауза» (Pause Program)	Оказание экстренной помощи находящимся в опасности ученым на основе софинансирования правительством университетов, готовых принять у себя таких ученых	Покинувшие свои страны ученые из группы риска, преследуемые ученые
Франция	Программа «Выберите Францию для науки» (Choose France for Science)	Субсидирование релокации, ускорение процедур получения визы	Покинувшие свои страны ученые, работающие в области медицинских наук и искусственного интеллекта
Нидерланды	Фонд в 100 млн норвежских крон	Научные гранты, быстрый наем	Международно признанные ученые
США/Канада	Программа «Ученые в зоне риска» (Scholars at Risk Program)	Академическое размещение и поддержка	Покинувшие свои страны преследуемые ученые
Великобритания	50 млн фунтов стерлингов в рамках «Исследовательской схемы» (Research Scheme)	Долгосрочное финансирование в ключевых областях	Исследователи, уезжающие от нестабильности (нацелена преимущественно на американских ученых)

Источник: Составлено автором по данным сайтов соответствующих программ.

Далее рассматриваются особенности научной эмиграции из постсоветской России с точки зрения мотивов и характера «утечки умов» в разные периоды времени.

Периодизация «утечки умов» постсоветского периода

В исследованиях эмиграционных волн российских ученых можно выделить несколько этапов. В 1990-е гг., когда российская наука лишилась существенных ресурсов, тема научной эмиграции, или «утечки умов», была весьма злободневной. Проводились количественные исследования, направленные на определение с использованием данных официальной статистики масштабов и характеристик (демографические и профессионально-квалификационные) уехавших за рубеж ученых. Их дополняли выборочные опросы и интервью. Это направление исследований было сильно политизировано, поскольку тема «утечка умов» рассматривалась в ракурсе состояния и безопасности государства, а также положения России среди других стран. В связи с этим выражение «утечка умов» нередко стало употребляться в сочетании с такими понятиями, как «национальная безопасность», «утечка технологий», а также «кражи идей» [6].

В 2010-х гг. положение в российской науке стало стабилизироваться, развивалось международное сотрудничество, улучшились финансовые возможности для развития академической мобильности, в силу чего акценты в исследованиях сместились с причин отъезда российских ученых и анализа их положения за рубежом на условия и возможности взаимодействия с уже сформировавшейся научной диаспорой. Смену фокуса стимулировало и то, что в это время в России началась реализация программ, нацеленных на привлечение в страну уехавших ученых и развитие кооперации с представителями научной диаспоры.

С середины 2010-х гг. ввиду изменения геополитических условий международное сотрудничество стало постепенно сокращаться, а актуальность проблематики «утечки умов» — возрастать. Повышение интереса к теме научной эмиграции произошло в 2022 г., когда из страны стали уезжать как российские, так и работавшие здесь иностранные ученые.

В рассматриваемые периоды мотивы отъезда за рубеж менялись. На первом этапе основными «выталкивающими» факторами были объективные условия в самой науке: низкая заработная плата и неконкурентоспособная материальная база науки, что создавало сложности для занятия не только прикладными, но и фундаментальными исследованиями, а также снижение престижа научного труда и неясные перспективы карьерного роста [12]. Ухудшение материального положения в науке повлекло за собой отставание от зарубежных партнеров в получении новых научных результатов, и это стало весомым стимулом к отъезду. В данном случае влияли именно материальные факторы, поскольку другие изменения в науке были позитивными. В 1990-е гг. происходило активное открытие российской науки миру, в том числе за счет существенной помощи от зарубежных и международных организаций и фондов. В те годы отъезд планировался заранее, и, согласно опросам [6; 9], эмигрировавшие ученые возвращаться назад не собирались.

Исследования 2000-х гг. показали, что отношение к возможности возвращения, хотя бы на время, стало более позитивным. Правда, молодые ученые в основном не планировали возвращаться, равно как и те, кто эмигрировал еще во времена СССР [7]. Вместе с тем многие стали рассматривать временные приезды и кооперацию как потенциально возможные. Это было связано с улучшением состояния российской науки.

В 2010-х гг. в выборочных опросах и интервью отмечалось, что эмиграция сократилась. Количественно это проверить было нельзя, так как официальные данные, показывающие масштабы научной эмиграции, перестали собираться. Те, кто уезжал, заблаговременно искали работу, в основном по своим связям и зарубежным контактам, которые к этому времени уже сложились [10]. Основными мотивами отъезда назывались отсутствие достаточных финансовых средств на оборудование и командировки, плохие жилищные условия [10]. При этом сформировались три основных способа отъезда: запланированная эмиграция на постоянное место жительства, отъезд на основе временных трудовых контрактов, которые затем трансформировались в постоянные, а также отъезд через участие в различных образовательных программах и стажировках, в том числе для обучения на PhD и работы на постдокторских позициях. Многие переехавшие сначала не планировали оставаться в стране пребывания [9]. Большинство из тех, кто закрепился на новом месте, продолжали приезжать в Россию и выражали готовность сотрудничать с оставшимися в России коллегами [8].

С 2015 г. появился новый мотив к отъезду: сокращение возможностей международной кооперации. Ученые говорили о том, что ощущают растущую изоляцию от мировой науки [19]. Действительно, в 2015 г. был принят Закон о «негелательных организациях»², что повлекло за собой сворачивание работы в России представительств зарубежных организаций и фондов, которые поддерживали науку в форме международных проектов.

К этому времени сложились также представления о том, куда в основном уезжают и продолжают уезжать российские ученые. К числу стран — основных бенефициаров российской «утечки умов» в первую очередь относились США, Германия и Франция [3; 9; 21].

Последняя волна, начавшаяся в 2022 г., подробно изучается, часто — самими уехавшими в эту волну учеными. Исследователи сходятся во мнении, что данная волна «утечки умов» особенная. На первый план вышли опасения закрытия границ, мобилизации, изоляции российской науки и проч. [1; 11]. В качестве «выталкивающих» факторов отмечались также международные санкции и ограничения академической свободы [16], разрыв международных научных связей, особенно с США и со странами ЕС — главными партнерами российских ученых [11], ограничения доступа к международным информационным базам данных [4], а также сокращение допустимых для изучения научных тематик вследствие создания барьера и самоцензуры.

Главная характеристика процесса отъезда — его спонтанность [1; 24], отъезд туда, куда можно было уехать экстренно, практически «эвакуироваться» [11]. «Перевалочными пунктами» стали такие страны, как Армения, Грузия, Турция, Израиль.

Согласно опубликованным исследованиям, информанты называли свое решение уехать «внезапным», «импульсивным», а сам отъезд — «паническим». Поскольку поиск места работы происходил, как правило, уже после отъезда, отмечалась готовность к снижению социального и профессионального статуса, но

² Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179979/ (дата обращения 07.09.2025).

несущественно и ненадолго [1]. Исследования продемонстрировали важность социального капитала и связей: поиск работы на свободном рынке, как правило, не давал результатов, и многие переключились с поиска вакансий в Интернете на переписку со знакомыми и коллегами³, которые могли бы помочь найти работу. При этом ученым, которым посчастливилось получить академические должности, предоставлялись в основном краткосрочные контракты, не обеспечивающие достаточных гарантий занятости [28].

Оценки эмиграционных настроений среди российских ученых, проведенные в 2022 г., показали их рост, особенно среди тех, кто моложе 39 лет [4]. В 2023 и 2024 гг. аналогичные опросы продемонстрировали, что доля исследователей с сильными эмиграционными настроениями сократилась более чем наполовину — с 25 до 12%. Одновременно существенно возросла — с 47 до 63% — доля тех, кто выбрал ответ «эмиграция исключена» [5, с. 58]. По всей видимости, к 2024 г. те, кто хотел уехать, уже предприняли для этого соответствующие шаги. Основные результаты интервью и опросов, проводившихся в различные волны постсоветской эмиграции, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Интервью и опросы уехавших российских ученых: параметры и результаты

Время / место проведения опроса / источник	Размеры и особенности выборки	Основные результаты
1999–2000 гг., интервью с учеными, уехавшими в США после распада СССР [6]	25 чел., метод снежного кома, ученые в области естественных наук	Основные причины отъезда: низкая заработная плата, плохие условия труда, отсутствие карьерных перспектив. Возвращаться не планировали
Ноябрь 2008 г., май 2009 г., интервью с учеными, уехавшими в США [7]	30 чел., метод снежного кома, ученые в области естественных наук, возраст 35–60 лет	Многие не готовы поддерживать связи с российскими учеными, возвращаться большинство не планирует. Самые критикуемые характеристики российской науки — государственная научная политика и бюрократия
2011–2012 гг., интервью с российскими учеными, живущими более одного года за рубежом [10]	25 чел., выборка составлена на основе личных контактов	Причины отъезда: низкая оплата труда, отсутствие достаточных средств и оборудования для исследований, оплаты командировок, бюрократия, плохие жилищные условия. Возвращаться не планировали
Февраль – март 2015 г., опрос ученых, уехавших в разные страны [8]	150 чел., анкетный опрос, дополненный выборочными интервью. 60% — представители естественных наук, треть живут в США	Плохо осведомлены о состоянии науки в России. Возвращаться не планируют, в том числе даже на условиях временной занятости (мегагранты)

³ Торгашев А. Релокация ученых из России. 2022–… // PCR News. 13.03.2023. — URL: <https://pcrnews/stati/relokatsiya-uchenykh-iz-rossii-2022-/> (дата обращения 11.08.2025).

Продолжение таблицы 2

Время / место проведения опроса / источник	Размеры и особенности выборки	Основные результаты
Опрос квалифицированных специалистов, эмигрировавших за рубеж в 2010–2016 гг. [19]	80 чел., специалисты (не все ученые) в возрасте от 25 до 60 лет, большинство работают в Германии, США и Великобритании	Отъезд планировался заранее, «выталкивающие» факторы: ограничение политических свобод, изоляция от международного рынка
Опрос ученых, уехавших за рубеж за период после распада СССР и до 2019 г. [9]	131 чел., 52% — представители естественных наук и математики	62% уехало вскоре после распада СССР; 83% продолжают приезжать в Россию. Политические мотивы к отъезду были у 17% респондентов
Март – апрель 2022 г., опрос уехавших из России после февраля 2022 г., ученые составили 14% выборки [24]	2000 чел., в основном молодые, обеспеченные, с высшим образованием, без семьи и детей	Основные причины эмиграции: боязнь мобилизации, политика государства, рост пропаганды в школах. Отъезд был спонтанным, интеграция в новых странах происходила непросто
Апрель 2022 г., опрос высококвалифицированных специалистов, уехавших в разные страны после февраля 2022 г. [1]	60 чел. в возрасте от 20 до 60 лет. Доля ученых в выборке не указана	Причины отъезда: страх закрытия границ и мобилизации. Отъезд срочный. Готовы к незначительному снижению социального статуса. Возвращаться не планируют
Апрель 2022 г., опрос российских ученых, уехавших в разные страны после февраля 2022 г. [11]	Выборка основана на личных контактах, размер не указан	Основные мотивы отъезда: осознание невозможности оставаться в стране (политические факторы), неопределенность будущего, сокращение международного сотрудничества, рост изоляционистской риторики внутри страны
Апрель – май 2022 г., оценка миграционных настроений российских ученых [4]	4133 чел., 74% — представители естественных и технических наук, 87% имели ученую степень	Миграционные настроения изменились у 40%, у 32% — рост заинтересованности переехать в другую страну (в основном лица до 39 лет). Тормозят отъезд: русофobia в принимающих странах и ожидание позитивных перемен в России
Май – июнь 2023 г., октябрь 2024 г., оценка миграционных настроений российских ученых [5]	3719 чел. (2023 г.) и 1469 чел. (2024 г.), 75% — представители естественных и технических наук, 84% и 88% соответственно имели ученую степень	Сильные и скорее сильные миграционные настроения: 25% (2023 г.) и 12% (2024 г.). Эмиграция исключена: 47% (2023 г.) и 63% (2024 г.)

Источник: Составлено автором.

Суммируя, можно выделить основные черты волн отъезда российских ученых за рубеж после распада СССР. В 1990-х и до середины 2010-х гг. отъезд планировался заранее, как правило, в страны с развитой наукой. Главными причинами отъезда были низкая заработная плата, отсутствие средств на обновление оборудования, неясные карьерные перспективы. Таким образом, это была добровольная экономическая эмиграция. Уехавшие в 1990-е и 2000-е гг. возвращаться не планировали. Однако в начале 2010-х гг. ситуация изменилась, и вследствие политики государства по привлечению в страну бывших соотечественников стала развиваться научная кооперация и ранее эмигрировавших российских ученых.

В 2015–2021 гг. отъезд также планировался, но к значимым мотивам миграции добавились опасения растущей изоляции российской науки. Возвращаться не планировали даже на условиях временной занятости, особенно молодые ученые, однако многие регулярно приезжали в Россию по рабочим и личным делам.

Опросы уехавших с февраля 2022 г. показали, что отъезд был спонтанным, сложным, через трети страны, с непростым поиском работы. Основными причинами отъезда стали страх мобилизации, опасения закрытия границ, роста автаркии и неопределенность будущего.

В данном исследовании на примере ученых, переехавших в США в последнюю волну, рассматривается срез-период, который следует за спонтанным отъездом и поисками новой работы, когда позиция уже найдена, но в большинстве случаев она времененная. Этот срез позволяет изучить особенности профессиональной и бытовой адаптации, возможные перспективы развития карьеры.

Описание выборки

Исследование базируется на 32 полуструктурированных интервью с российскими учеными, оказавшимися в США в 2022–2024 гг. Опрос проводился в мае – ноябре 2024 г. Информанты отбирались методом снежного кома, начиная с личных контактов, а также путем обращения в организации-платформы, объединяющие уехавших из России ученых. Интервью продолжительностью от 45 минут до 3 часов проводились онлайн, а результаты анализировались методом тематического кодирования. Выбор США в качестве исследуемой страны объясняется тем, что среди государств с развитой наукой (куда обычно стремятся попасть ученые), там самый масштабный академический рынок и, значит, больше шансов для ученых найти работу.

Из описания выборки (таблица 3) видно, что в ней преобладают лица среднего возраста с ученой степенью, специализирующиеся преимущественно в общественных и гуманитарных науках (в этих областях было занято 75% опрошенных), ранее проживавшие в основном в Москве и Санкт-Петербурге и работавшие в ведущих российских университетах. В США они также смогли найти работу в ведущих университетах, правда, в подавляющем большинстве временную, о чем свидетельствует их визовый статус.

Таблица 3

Характеристики информантов, N = 32

Параметр	Характеристика
Пол	Мужской (23 чел.), женский (9 чел.)
Возраст	Моложе 35 лет — 6 чел. (19%)
Средний возраст	43 года
Регион проживания в России	Москва и Санкт-Петербург — 29 чел. (91%)
Место работы в России	Университеты; 26 чел. Работали в ВШЭ, РАНХиГС, МГУ, СПбГУ, УРФУ, СКОЛТЕХе
Ученая степень	Кандидат наук (19 чел.), доктор наук (8 чел.), PhD (3 чел.), без степени (2 чел.)
Область специализации	Общественные науки (19 чел.), естественные науки и математика (8 чел.), гуманитарные науки (5 чел.)
Первое место работы после приезда в США	В основном ведущие университеты (Harvard, Princeton, UC Berkley, Indiana University, Stanford, Chicago, Cornel, MIT, Yale и др.)
Тип визы	Временное пребывание для проведения исследований или преподавания (J1 visiting scholar) — 75%

Источник: Составлено автором.

В центре анализа были следующие вопросы: что представляют собой уехавшие специалисты (чем они занимались в России, насколько они были включены в мировую науку и успешны), как изменилось их положение (статус, занятия, продуктивность) в США, как проходила бытовая и профессиональная адаптация, насколько стабильно их положение. Поскольку в выборке много обществоведов и гуманитариев, отдельный срез анализа касался возможной смены фокуса исследований с России на другие страны (и области исследований). Наконец, обсуждались перспективы возвращения в Россию или переселения в другие страны.

Основные результаты

Поиск позиции в США

Позиции в США в основном были найдены благодаря личным связям, сложившимся до 2022 г., что подтверждает выводы проведенных ранее исследований. Это также подчеркивает значимость накопленного социального капитала. В процессе поиска были задействованы три вида личных связей: с представителями научной diáspоры, с коллегами-американцами и связи, которые появились благодаря полученной ранее в США ученой степени.

США далеко не для всех были первым выбором. Часто эта страна оказывалась местом пребывания потому, что там открывается больше временных позиций, чем в Европе. Те, кто сначала переезжал в Европу или получал оттуда предложения о работе, не смогли там остаться в силу разных причин — от отсутствия воз-

можности продлить контракт до неприемлемости предлагаемых условий найма. Следующие выдержки из интервью иллюстрируют наиболее распространенные способы нахождения позиции в США: благодаря полученной ранее степени, контактам с диаспорой и связям с американскими коллегами.

Я очень давно имел undergrad американский, потом перебрался обратно в Москву. Я был в 2009–2010 гг. несколько месяцев в Сент-Луисе, с какими-то людьми там познакомился. И на конференции сюда ездил, конечно. Один-два раза в среднем в год я ездил. (Канд. экон. наук, 46 лет)

To, что я оказался в Бостоне, не случайно. MIT — это место, где есть сразу несколько человек, с которыми я давно работаю. В основном это люди, которые учились в Москве или начинали учиться в Москве, которые в 1990-е гг. уехали в Америку. Все равно это московская школа. (Канд. физ.-мат. наук, 45 лет)

У меня были как раз в Америке личные завязки. Просто я был уже в Беркли в 2015 г. на стажировке. И там я познакомился с несколькими людьми, мы как бы подружились и с тех пор дружили. Один из коллег развернул мегабурную деятельность по созданию специальной ставки для меня... Это просто visiting scholar. (Канд. полит. наук, 32 года)

Не было прошлых контактов и знакомств только у двух информантов. Вот иллюстрация того, как один из них нашел позицию в США.

Я через Twitter нашел эту вакансию! Ну, я разные пробивал варианты. То есть всякие базы данных смотрел, позиции через них смотрел. Я искал через интересующие меня научные вопросы. (Канд. биол. наук, 31 год)

Стоит отметить, что простота или сложность поиска связана и с научной дисциплиной. Несколько больше возможностей у представителей естественных и технических наук.

Есть специальности, с которыми легко переезжаете куда-либо. Есть специальности, которые вас жестко завязывают на страну, и это неизбежно политология или финансы, или законодательство. Например, экология не транслируется из США в Канаду. А если у вас IT, вам вообще все равно, какая страна вокруг, ну, и любой спектр промеж. (Канд. хим. наук, 46 лет)

Есть примеры случаев, когда ученые не планировали переезжать в США, но в итоге там оказались по причинам малой емкости европейского рынка или менее привлекательных условий в других странах.

Для меня на США свет клином не сошелся, то есть не то что я специально очень хочу жить в США, но в США просто есть очень много плюсов. Много ресурсов, конечно, много возможностей получать гранты и так далее. (Д-р биол. наук, 47 лет)

Меня интересует позиция профессорская, а в Германии ее почти нет. Я не хочу делать дауншифтинг, то есть я не хочу идти ассистентом, незнамо кем. А таких позиций в Германии практически нет, потому что профессора прямо умирают на своем рабочем месте. (Д-р полит. наук, 60 лет)

Роль зарубежных программ помощи и инициатив русскоязычных сообществ

В ходе поиска позиции обращение за помощью в зарубежные организации или к русскоязычным сообществам было редким. Большинство рассчитывали на собственные силы или просили о помощи коллег и сообщества в тех университетах, где они получили место. Многим инициативы были мало известны, некоторые оказались в списках рассылки программ и организаций, нацеленных на объединение уехавших русскоязычных ученых и оказание им содействия, но большого значения этому не придавали.

Я хочу сейчас более, так сказать, осмысленно ответить на ваш вопрос о том, какую роль в моей новой эмигрантской жизни играют свежесозданные русскоязычные профессиональные ассоциации. Короткий ответ: никакую. (Д-р филос. наук, 64 года)

Один из информантов отметил, что зарубежные программы ориентированы на специальные категории эмигрантов-беженцев.

Если вы меня спрашиваете про организации, направленные на помощь перемещенным российским ученым, адаптацию и так далее (и я сейчас даже уже не только об ученых говорю), я не знаю про такие. Есть всякие Scholars at Risk и так далее, но это более-менее чрезвычайные ситуации, и далеко не всегда они могут помочь. То есть в целом, конечно, этого нет, как-то это не организовано. Это проблема. (Канд. полит. наук, 46 лет)

Были те, у кого инициативы научных диаспор вызывали опасения.

Есть такой стереотип, что эти диаспоры довольно токсичны, особенно почему-то русскоязычные. У меня от них помощи не было. (Канд. биол. наук, 30 лет)

Положительные отзывы о русскоязычных сообществах дали информанты, которых приглашали на конференции.

Я участвовал недавно в конференции Академических мостов. Это очень полезное мероприятие, причем именно в силу того, что они пытаются объединять людей, которые не только уехали, но и которые остались. Это у них заложено в их установках. Это очень правильно. Потому что если пытаться объединять только тех, кто уехал, — это туниковая история. (Канд. экон. наук, 57 лет)

Отношение к зарубежным инициативам было более критическим. Они ориентированы на ученых-беженцев, которые должны подтвердить, что они подвергались политическим преследованиям. У большинства такого статуса не было.

У меня был негативный опыт неформального взаимодействия со Scholars at Risk и, в принципе, этой риторики требования риска. То есть все время было ощущение, что нужно приехать в Россию, получить на себя уголовное дело, и вот тогда, каким-то образом телепорттировавшись опять за пределы России, подаваться во все эти места. Может, я драматизирую, но ощущение такое было. (Канд. филос. наук, 40 лет)

Я, когда подавала на работу, написала в Scholars at Risk тоже заявку. Но там этих заявок была тысяча. И ничего не произошло, конечно. Вообще даже не ответили. Они не отвечают, если ты им неинтересен. (Канд. экон. наук, 51 год)

Таким образом, интервью выявили очевидную проблему слабых возможностей структур поддержки эмигрировавших *российских* ученых с точки зрения оказания им помощи в трудоустройстве. При этом положительную оценку получила работа этих структур по организации нетворкинга через конференции и иные мероприятия. К зарубежным программам содействия отношение нейтрально-негативное, что может быть связано с тем, что большинство информантов по формальным признакам не подпадают под статус беженца, поэтому не могут получить от них поддержку.

Бытовая и профессиональная адаптация

Для большинства информантов профессиональная адаптация была проще бытовой. У многих имелся прошлый опыт поездок в США, работы или обучения. В случае бытовой адаптации одни проблемы было решить проще (например, научиться водить машину и получить права, понять, как работает налоговая система), а к другим пришлось приспособиться, поскольку они касаются экономического устройства страны. Так, большинство изумлялись организации медицинской помощи, более дорогой и менее удобной, чем в России.

Первый момент, конечно, столкновения с американской медициной шокирует немножко, потому что мы в Петербурге привыкли, что докторов много, что вы можете попасть к врачу в любой момент, за деньги — легко и быстро к самым разным врачам, и врач придет к вам домой. Здесь никто к вам домой не едет и к вашему ребенку домой тоже, что выглядит странным. (Канд. полит. наук, 41 год)

Эта система здравоохранения абсолютно, скажем так, не интуитивная. И ты понимаешь, что без страховки тут лучше не болеть. (Биолог, без степени, 29 лет)

Несколько человек отметили проблемы безопасности, которых, по их мнению, нет в Европе.

...какое-то, на мой взгляд, беспрецедентное количество наркозависимых людей. Это, по крайней мере, видно в Сиэтле по определенным улицам. Чего на самом деле я не наблюдал в Европе. (Биолог, без степени, 29 лет)

Если ты можешь совершенно спокойно ходить по своему благополучному району, то в других районах всякие вещи случаются. Вот это про Америку напрягает. Здесь безопасность — это некоторый concern, про который надо всегда помнить. (Канд. социол. наук, 45 лет)

Профессиональная адаптация была самой легкой у тех, кто имел опыт работы или учебы в США, а также у оказавшихся в международном коллективе.

Я в Америке уже и жил, и приезжал, то есть не то чтобы для меня Америка была открытием с точки зрения культуры. Я не могу сказать, что чем-то ошаращен. Тут мне, наверное, не надо адаптироваться. (Д-р ист. наук, 60 лет)

...в целом мой основной круг общения — это мои же коллеги по лаборатории. А лаборатория у нас очень международная. У нас там, собственно, американцев, может быть, даже меньше половины. (Д-р психол. наук, 41 год)

Профессиональная адаптация связана с пониманием американской академической среды. Большинство информантов оказались в хороших университетах, и в России они работали в лучших вузах. Поэтому не раз говорилось о сопоставимости российских и американских университетов. У информантов не было ощущения, что они из другого мира. Преимущество США видели в богатстве университетов и концентрации ведущих ученых. Многие признают, что в США работают ученые мирового уровня.

Плюс американский в том, что действительно там мировые величины. Да, имена, которые всем известны в философской среде в любой точке мира. (Канд. филос. наук, 40 лет)

В некоторых случаях сложности профессиональной адаптации были связаны с необходимостью преподавания на английском языке.

В целом я не испытала проблем с тем, чтобы понять, как работает университет. Но с преподаванием у меня все равно времени на подготовку уходит несравненно больше. И все равно я промазываю. Это тоже для меня, собственно говоря, часть адаптации в профессиональных навыках. (Д-р психол. наук, 47 лет)

Оценки своего нового профессионального статуса были в основном через сравнение с тем, каким он был в России, включая материальные возможности. У многих жизнь в России была благополучной, в новом месте она сложнее.

С социально-экономической точки зрения, конечно, это был хороший статус. Даже сравнивая с тем, что можно было получить здесь, делая регулярную карьеру, это было очень неплохо. Сравнивая какие-то возможности стандартного потребления, которые были, с тем, которые есть в Америке и за пределами Америки, видимо, можно сказать, что это была хорошая позиция. (Канд. социол. наук, 47 лет)

Уровень нашей жизни, конечно, просел. По ощущениям, наверное, надо считать, что мы откатились лет на десять назад. Может, немножко больше. (Д-р физ.-мат. наук, 45 лет)

Статус определяется и типом визы. У временных позиций, на которых находились большинство информантов, он невысокий.

Понятно, что visiting scholar — это человек, который находится на краях системы. То есть помимо тех людей, которые его туда позвали, он не интересен, не нужен никому. (Канд. полит. наук, 30 лет)

Отмечалась сложность перехода с временной на постоянную позицию. Особенно непросто найти работу по завершении возраста постдока.

Вот это доминирование soft money — минус, конечно: короткие контракты с очень понятными финансовыми обязательствами со стороны работодателя, но с не очень понятными обязательствами с твоей стороны. Они очень короткие и без каких-то понятных механизмов, что ты должен сделать, чтобы их продлили. (Канд. социол. наук, 42 года)

Нестабильность влияет на продуктивность, под которой информанты в первую очередь понимали публикационную активность. Были и те, кто смотрел шире, оценивая интенсивность преподавания и работы в целом.

Большинство отмечали снижение продуктивности в первые год-два, некоторые говорили о ее постепенном восстановлении. Снижение продуктивности в основном обусловлено стрессами и неопределенностью будущего, а также продолжающимися поисками следующей работы. Среди гуманитариев высказывались сожаления о том, что они больше не могут заниматься прежними тематиками, особенно если они касались российской проблематики.

Поскольку я еще не получил никакой стабильности, пока нет продуктивности. Мне сейчас надо искать какую-то работу. То есть я по-другому стал все время свое планировать. Но я надеюсь, что как только у меня будет на какое-то время какая-то стабильность, все-таки книжку я напишу и продуктивность вернется. (Д-р ист. наук, 60 лет)

Продуктивность поначалу была не очень большой, потому что область была совсем новой для меня. И, несмотря на абсолютно добродушное отношение коллег, администрации и всех остальных, продуктивность была ниже. Ну, сейчас продуктивность, на мой взгляд, как-то повысилась. (Биолог, без степени, 29 лет)

Связанная тема — о том, что происходит с областью специализации в России, и стоит ли продолжать исследования, связанные с Россией. Второе, конечно, относится к обществоведам и гуманитариям.

Большинство с сожалением говорили об обеднении или даже исчезновении своей конкретной области исследований. Последнее наиболее характерно для политологов. Гуманитарии также упоминали ограничения, невозможность заниматься определенными исследовательскими вопросами.

Наша специализация оголилась. Совершенно, совершенно однозначно. Причем сразу на несколько поколений. Потому что уехало поколение условно мое и следующее, те, кому было 30–40 лет. Уехали свежевыращенные бакалавры, магистры, аспиранты. Надо расти новые. Новых расти особо некому. Это в разных областях на самом деле. (Д-р психол. наук, 47 лет)

Сфера исследования, которой я занимался, очень узкая. По большому счету, в России в ней было несколько десятков человек. Причем несколько десятков — это очень широкая, максимальная оценка. Примерно половина из них страну покинули, а оставшиеся стараются что-то делать в условиях очень жестких ограничений. (Канд. социол. наук, 42 года)

Среди обществоведов и гуманитариев было больше тех, кто не хочет оставлять российскую проблематику, особенно если есть планы или надежды на возвращение. Те, кто отказывается от исследований, связанных с Россией, тем не менее продолжают рассматривать ее как область своей экспертизы.

Я не презентую себя как специалист именно по России, потому что тогда я очень сокращаю свои опции. Я не country specialist, хотя я могла бы себя так представлять. Но в научном мире это мне невыгодно. А вот в экспертном мире я представляю себя как специалист по России. (Д-р полит. наук, 60 лет)

Исследования, связанные с изучением России, не так видимы, приносят меньше профессиональных дивидендов. Были также получены противоречивые оценки того, будет ли спрос на исследования России в будущем.

Я полностью переориентировался на Россию, поняв, что этот проект мне неплохо бы расширить. Но в дальнейшем я не убежден, что на это будет очень большой спрос на рынке. Скорее, мне представляется, что экспертиза по России может, например, удачно дополнить научный профиль человека. (Канд. полит. наук, 40 лет)

Случаев полных отказов заниматься российской проблематикой было мало, и они преимущественно обусловлены не идеяными, а прагматическими соображениями.

Возможности остаться в США и перспективы возвращения в Россию

Перспективы дальнейшей работы практически у всех были неопределенные, у наиболее удачливых ситуация была понятной на ближайшие 2–3 года. В первую очередь это касается тех, кто решил обучаться в аспирантуре, либо постдоков. Горизонт планирования определялся перспективами найти работу или сроком найденной работы.

Рассуждая о перспективах, некоторые информанты обозначили свое отношение к возможности переехать из США в другие страны, в первую очередь в Европу. Здесь были оценки как «за» (в Европе приятнее, культура, общение, ближе к России), так и «против» (небольшой рынок, ниже зарплата). Это коррелирует с причинами, по которым те, кто предпочитал Европу, оказались в США, — в первую очередь речь идет о емкости академического рынка.

Как мы себе представляем планы? Плохо. Для нас приоритетным остается быть в академии. Америка — Канада кажутся приоритетными направлениями, в первую очередь из-за языка и во вторую очередь из-за просто обширности рынка в нашей конкретно сфере. Американские университеты, где это хоть как-то представлено, исчисляются десятками, а в Евросоюзе — по пальцам одной руки. (Канд. филос. наук, 40 лет)

Горизонт планирования, знаете, был примерно неделя, а затем месяц, потом снова неделя... Я очень надеюсь, что у меня получится получить визу и остаться здесь на срок действия PhD, получить это PhD. (Канд. полит. наук, 31 год)

Найти работу сейчас — вот такой горизонт. Ну, и дальше, видимо, уже за пределами академии искать. Если сейчас, в этот год, не найдется. (Канд. социол. наук, 32 года)

Несмотря на сложности поиска академической позиции, о смене профессии думали немногие, для большинства важно работать в университетах, им это нравится, и они считают себя профессионалами. Возможности смены рода деятельности снижаются с возрастом и зависят от области специализации. Проще «прикладникам» — экономистам, политологам. Они могут уйти в аналитику, что не означает радикальной смены рода занятий.

Дело в том, что все-таки экономистам легче, у нас есть все-таки частный рынок. Консалтинговая фирма, компания, финансовая корпорация, полит-анализ — тут же много очень всего. (Канд. экон. наук, 41 год)

Некоторые готовы подумать об уходе из академии, и отдельно можно выделить тех, кто оставит науку только в самом крайнем случае, например при невозможности содержать семью.

Если припрем так, что будет просто нечего есть ребенку, то, конечно, да, я готов буду сменить профессию. Разумеется, в этой ситуации я постараюсь не пиццу доставлять, а делать что-то типа интеллектуальное. Но черта, за которой начинается моя готовность, это черта реально физического, фактического отсутствия денег на еду и крышу. (Канд. филос. наук, 40 лет)

Многие информанты не собираются возвращаться в Россию, есть те, кто считает это возможным при выполнении определенных условий. Лишь единицы однозначно хотели бы вернуться.

Не планирующие возвращаться резко отзываются о политической ситуации в России и полагают, что она не изменится в обозримом будущем.

Я не делаю ставок на Россию больше вообще. И я никогда не буду больше работать с этими людьми. Я не сторонник сохранения контактов, я ни с кем не общаюсь. (Д-р полит. наук, 60 лет)

Еще одна причина: были потрачены время и усилия на то, чтобы устроиться в новой стране, ломать это все сложно.

Чем больше ты живешь в другой стране, чем больше ты врастешь в это все, тем меньше тебе хочется опять что-то менять. Все равно это опять начинай сначала. (Канд. социол. наук, 31 год)

Не отрицающие возможность возвращения связывают его в первую очередь с изменением условий в России.

Когда-нибудь — конечно. Как только это станет возможно. Первым рейсом. Я первым рейсом улечу абсолютно. И даже не буду раздумывать. Но это отдельный вопрос, когда это будет возможно. (Канд. полит. наук, 31 год)

...я абсолютно не отвязался еще пока от жизни в России и живу в модусе, что это все временно и что я когда-нибудь туда потом обратно поеду. Через пару лет это все закончится, и после этого мы все счастливо туда поедем. (Д-р биол. наук, 46 лет)

Таким образом, в отличие от предыдущих волн, среди переехавших в США ученых нет единства мнений по поводу возможного возвращения в Россию, несмотря на неопределенность их дальнейшего пребывания в США и возможности найти работу в других странах.

Выводы и прогнозы

Изучение последней эмиграционной волны показывает, что она имеет заметные отличия от прошлых периодов «утечки умов», прежде всего выражающиеся в спонтанности, поспешности отъезда и его причинах. Они выходят далеко за рамки проблем научной сферы. В прошлые волны пусть отъезд мог происходить и в неблагополучное время, как, например, в период кризиса начала 1990-х гг., но он не был внезапным, напоминающим эвакуацию. Новая волна именно такая, и она связана с опасениями закрытия границ, мобилизации, роста автаркии, потери связи с мировой наукой, а не с недовольством условиями работы. Однако это не политическое беженство в его классической трактовке, поскольку далеко не все уехавшие подвергались каким-либо ограничениям и тем более репрессиям.

В то же время это и не добровольная экономическая эмиграция. Основными были политические мотивы, которые в профессиональной сфере выразились в перспективах потери академических свобод, что особенно коснулось гуманитариев. Именно поэтому в новой волне, в отличие от предыдущих, много представителей общественных и гуманитарных наук. Это, по сути, беженцы без официального статуса, им помогают, но относятся к ним, скорее, как ко временно приехавшим. Поэтому мы классифицируем их как «академических переселенцев», которые могут остаться в США или переехать в другие страны.

Программы поддержки «перемещенных ученых» рассчитаны на тех, кто может официально подтвердить статус беженца, поэтому зарубежную помощь в связи с вынужденным отъездом никто не получил. Диаспорные сети — как давно сложившиеся, так и вновь образованные — не играют значимой роли с точки зрения содействия в поиске работы. Опорой стали личные связи как с русскоязычными, так и с зарубежными коллегами. Абсолютное большинство именно через них нашли позицию в США, что демонстрирует значимость накопленного социального капитала [38]. Как неофициальных беженцев их не всегда трудоустраивали в соответствии с научными заслугами, предлагая позиции ниже их уровня квалификации, что подтверждает выводы исследований на примере других стран [27]. В то же время у переселившихся в США ученых был хороший карьерный трек в России и зарплата, часто превышающая среднюю. Большинство имели устойчивые международные контакты. Новое положение давит, ученые становятся менее продуктивными [20], преобладает чувство нестабильности. Для ученых среднего возраста время для попадания в традиционный карьерный трек упущено. Для ученых молодого возраста ситуация немного проще, поскольку даже кандидаты наук могут заново поступить в аспирантуру и за счет этого получить дополнительные шансы встроиться в типовой американский академический трек с последовательным прохождением от защиты диссертации к выходу через постдокторские стажировки на должности, которые позволяют получить постоянную позицию.

При этом скорость адаптации не является решающим фактором, помогающим сделать положение более стабильным. Казалось бы, поскольку уезжали те, кто уже обладал социальным капиталом, это должно было амортизировать спонтанность перемен. И, действительно, профессиональная адаптация многим не требовалась. Однако простота или сложность адаптации и перспективы дальнейшей работы — слабо связанные параметры, и возможности оставаться в стране, получив более-менее постоянную академическую позицию, зависят в первую очередь от состояния рынка.

В дальнейшем для многих наиболее реалистичен переход с одной временной позиции на другую. Ситуация усугубляется новой политикой президента Трампа в отношении науки. В стране начались сокращения финансирования науки и кадров [35], что еще больше снижает шансы приехавших в США российских ученых найти академическую позицию. Менее определенными становятся и перспективы для тех, кто относительно молод и заново поступил на программы PhD. В США и ведущих странах Западной Европы фиксируется перепроизводство специалистов с ученой степенью. Большинство выпускников аспирантуры в этих странах теперь работают вне академии [25]. В этой ситуации трудоустройство новых выпускников программ PhD в академической сфере становится все более сложным [40]. Все это

подталкивает к поиску работы за пределами США. Однако решение уехать из США может быть связано и с проблемами бытовой адаптации. Действующие системы медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения, криминогенная ситуация в месте проживания могут подталкивать к переезду туда, где этих проблем меньше.

Переезд возможен в первую очередь в СНГ, где после опыта работы в США могут предложить достойные позиции в местных университетах. Шансы получить работу в Европе ниже, поскольку там всегда был менее емкий академический рынок, и, кроме того, там ожидают увеличения притока американских ученых [39], которые, по всей видимости, будут приоритетной категорией при найме.

Для российских ученых, равно как и для лиц, принимающих решения, важным является понимание того, насколько реалистично в перспективе поддержание связей оставшихся и уехавших. В 2010-х гг. на начальном этапе расширения международных контактов правительство поощряло кооперацию именно с представителями российской научной диаспоры. По данным нашего исследования обобщающий вывод о перспективах развития взаимодействий сделать сложно, поскольку многое зависит от области специализации. Если судить по интервью, может начаться ослабление связей между уехавшими и оставшимися, особенно в гуманитарных и общественных науках, в связи с изменением фокуса работы эмигрировавших ученых и сокращением исследований, связанных с Россией.

В свою очередь, это влияет и на решение, стоит ли когда-нибудь вернуться назад. Если ослабевают связи, происходит встраивание в новую среду, а тем более смена рода деятельности, возвращаться и начинать все заново не имеет большого смысла. Особенно если нет каких-то особых причин, которые мотивируют к возвращению в Россию.

Ограничением данного исследования является то, что рассматривалась ситуация, которая была в 2023–2024 гг., то есть на начальном этапе адаптации информантов, в условиях, когда еще не была обнародована новая политика администрации США в отношении науки в целом и эмигрантов в частности. Поэтому в исследовании зафиксировано положение дел в исторической ретроспективе, хотя и сделан прогноз возможных траекторий развития с учетом новой политико-экономической ситуации в США. Дальнейшие исследования планируется проводить на той же выборке, чтобы проследить реальные изменения в профессиональной сфере уехавших ученых в тех странах, где они в итоге оказались.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дежина Ирина Геннадиевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. **Телефон:** +7 (985) 461-27-01. **Электронная почта:** irina_dezhina@mail.ru

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 4.
P. 87–110. DOI: [10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.5)

Research Article

IRINA G. DEZHINA¹

¹ Gaidar Institute for Economic Policy.

Bl. 1, 3-5, Gazetny lane, 125993, Moscow, Russian Federation.

“ACADEMIC EMIGRANTS”: RUSSIAN SCIENTISTS IN THE US AFTER 2022

Abstract. The article analyzes the employment experiences, adaptation and career prospects of scientists who left Russia for the United States after 2022. The study is based on 32 semi-structured interviews conducted in 2024. Unlike earlier post-Soviet waves of scientific emigration, this new wave of “brain drain” was mostly unplanned, with many scientists leaving without job offers from abroad. These people not being refugees in the traditional sense, as in they were without officially confirmed status, meant that they were not entitled to support from special programs. This further complicated their search for jobs.

Most had successful careers at leading Russian universities and had maintained contacts abroad. These connections did help them in finding academic positions, but in most cases only temporarily. Due to previous experience, professional adaptation proved to be relatively uncomplicated. In the longer term, career prospects are constrained by the job market, which is particularly unfavorable for middle-aged and senior immigrant scientists, who were the majority interviewed. For many the most realistic path forward would be cycling through temporary positions or exiting academia altogether. Relocating to other countries, especially those in the CIS, could provide stable opportunities, as work experience in the US is valued there. Views of returning to Russia or collaborating with former colleagues who stayed there were divided, without a common perspective.

Keywords: “brain drain”; academic emigration; forced and voluntary emigration; motives; refugees; adaptation abroad; forecast; Russia.

For citation: Dezhina, I.G. “Academic Emigrants”: Russian Scientists in the US after 2022. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 87–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.5)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Dezhina — Doctor of Economical Sciences, Leading Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy. **Phone:** +7 (985) 461-27-01. **Email:** irina_dezhina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Борусяк Л.* Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России? // Palladion. 2022. № 3 (2). С. 98–115. DOI: [10.55167/29b32cb46280](https://doi.org/10.55167/29b32cb46280) EDN: [TCAAMU](#)
Borusyak L. New wave of highly educated emigration: why are they leaving Russia? *Palladion*. 2022. Vol. 3. No. 2. P. 98–115. DOI: [10.55167/29b32cb46280](https://doi.org/10.55167/29b32cb46280) (In Russ.)
2. *Герасимчук Д.Н.* Функции социального капитала на региональном рынке труда // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2015. № 2 (54). С. 889–894.
Gerasimchuk D.N. Functions of social capital in the regional labor market. *Politematicheskii Zhurnal Nauchnykh Publikatsii “Diskussiya”*. 2015. No. 2 (54). P. 889–894. (In Russ.)
3. *Гуреев В.Н., Гус'ков А.Е., Мазов Н.А.* Российские ученые в мировых научных миграционных процессах // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 7. С. 648–659. DOI: [10.31857/S0869587321070070](https://doi.org/10.31857/S0869587321070070) EDN: [QVHHTЕ](#)
Gureev V.N., Gus'kov A.E., Mazov N.A. Russian scientists in global scientific migration processes. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2021. Vol. 91. No. 7. P. 648–659. DOI: [10.31857/S0869587321070070](https://doi.org/10.31857/S0869587321070070) (In Russ.)
4. *Гусев А.Б., Юрьевич М.А.* Научная политика России — 2022: профессия не дороже Родины. М.: Изд-во «Перо», 2022. — 64 с.
Gusev A.B., Yurevich M.A. *Science policy of Russia — 2022: profession is not more important than the Motherland*. Moscow: Izdatel'stvo "Pero" publ., 2022. 64 p. (In Russ.)
5. *Гусев А.Б., Юрьевич М.А.* Санкции против российской науки: ментально-ресурсный ущерб // Вестник Российской академии наук. 2025. Т. 95. № 2. С. 55–68. DOI: [10.31857/S0869587325020075](https://doi.org/10.31857/S0869587325020075) EDN: [AGPEEU](#)

- Gusev A.B., Yurevich M.A. Sanctions against Russian science: mental-resource damage. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2025. Vol. 95. No. 2. P. 55–68. DOI: [10.31857/
S0869587325020075](https://doi.org/10.31857/S0869587325020075) (In Russ.)
6. Дежина И. «Утечка умов» из постсоветской России: эволюция явления и его оценок // Науковедение. 2002. № 3. С. 25–56.
Dezhina I. The “Brain Drain” from Post-Soviet Russia: The Evolution of the Phenomenon and its Assessments. *Naukovedenie*. 2002. No. 3. P. 25–56. (In Russ.)
7. Дежина И. «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // Науковедческие исследования. 2010: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Отв. ред. А.И. Ракитов. М.: ИНИОН, 2010. С. 47–74.
Dezhina I. “Headhunting”: How to Develop Ties with the Russian Scientific Diaspora? *Science Studies. 2010: Collection of scientific papers*. Ed. by A.I. Rakitov. Moscow: INION RAN publ., 2010. P. 47–74. (In Russ.)
8. Дежина И. Русскоязычная научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 134–149. EDN: [WDIHBN](#)
Dezhina I. Russian-Speaking Research Diaspora: Experience and Perspectives of Cooperation with Russia. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2016. Vol. 7. No. 1. P. 134–149. (In Russ.)
9. Малахов В.А., Смирнова А.В. Взгляд из-за рубежа: проблемы и перспективы взаимодействия с русскоязычной научной диаспорой // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 4. С. 584–611. DOI: [10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611) EDN: [HIOUKP](#)
Malakhov V.A., Smirnova A.V. A look from abroad: problems and prospects of interaction with the Russian scientific expatriate community. *Upravlenie naukoi i naukometriya*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 584–611. DOI: [10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611) (In Russ.)
10. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–34. EDN: [QBDQJJ](#)
Ryazantsev S.V., Pis'mennaya E.E. Emigration of scientists from Russia: “circulation” or “brain drain”. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. No. 4. P. 24–34. (In Russ.)
11. Руденкин Д. Специальная научная эмиграция: почему из России уезжают ученые? // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 3–4 (25). С. 14–22. EDN: [ZQXJIW](#)
Rudenkin D. Special scientific emigration: why are scientists leaving Russia? *Sotsiodigger*. 2023. Vol. 4. No. 3–4 (25). P. 14–22. (In Russ.)
12. Шереги Ф.Э. Деятельность сотрудников научных подразделений вузов: Отчет. М.: Центр социол. исслед. М-ва образования РФ, 2000. — 185 с.
Sheregi F.E. *Activities of employees of scientific departments of universities: Report*. Moscow.: Center for Sociological Research of the Ministry of Education of the Russian Federation publ., 2000. 185 p. (In Russ.)
13. Axyonova V., Kohstall F., Richter C. *Academics in Exile*. The Academy in Exile Book Series. 2022. Vol. 2. 278 p. DOI: [10.1515/9783839460894-002](https://doi.org/10.1515/9783839460894-002)
14. Bloch A., Dona G. *Forced Migration: Current Issues and Debates*. L.: Routledge, 2018. 190 p. DOI: [10.4324/9781315623757](https://doi.org/10.4324/9781315623757)
15. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.

16. Chankseliani M., Belkina E. Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis. *Journal of Comparative & International Higher Education*. 2024. No. 16 (3). P. 97–105. DOI: [10.32674/jcihe.v16i3.6304](https://doi.org/10.32674/jcihe.v16i3.6304)
17. Chimni B.S. The Birth of a ‘Discipline’: From Refugee to Forced Migration Studies. *Journal of Refugee Studies*. 2008. Vol. 22. No. 1. P. 11–29. DOI: [10.1093/jrs/fen051](https://doi.org/10.1093/jrs/fen051)
18. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 1988. No. 101. P. S95–S120. DOI: [10.1086/228943](https://doi.org/10.1086/228943)
19. Demintseva E. Understanding Russia’s Brain Drain in the 2010s. *Problems of Post-Communism*. 2021. Vol. 68. No. 6. P. 521–530. DOI: [10.1080/10758216.2021.1905533](https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1905533)
20. Ergin H., de Wit H., Leask B. Forced Internationalization of Higher Education: An Emerging Phenomenon. *International Higher Education*. 2019. No. 97. P. 9–10. DOI: [10.6017/ihe.2019.97.10939](https://doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10939)
21. Ganguli I. Scientific Brain Drain and Human Capital Formation After the End of the Soviet Union. *International Migration*. 2014. Vol. 52. No. 5. P. 95–110. DOI: [10.1111/imig.12165](https://doi.org/10.1111/imig.12165)
22. Gewin V. How researcher visa curbs threaten science careers. *Nature*. 2025. No. 645 (8079). P. 271–274. DOI: [10.1038/d41586-025-02293-4](https://doi.org/10.1038/d41586-025-02293-4)
23. Ghorbanpour F., Malaguth T.Z., Akbaratabar A. Differentiating Emigration from Return Migration of Scholars Using Name-Based Nationality Detection Models. *Proceedings of the Nineteenth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM2025)*. 2025. Accessed 10.08.2025. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/35836/37990>
24. Kamalov E., Kostenko V., Sergeeva I., Zavadskaya M. Russia’s 2022 Anti-War Exodus: The Attitudes and Expectations of Russian Migrants. *IERES, PONARS Eurasia, Policy Memo*. 2022. No. 790. Accessed 07.09.2025. URL: <https://hdl.handle.net/1814/76530>
25. Know D. How many PhDs does the world need? Doctoral graduates vastly outnumber jobs in academia. *Nature*. 2025. No. 643. P. 16–17. DOI: [10.1038/d41586-025-01855-w](https://doi.org/10.1038/d41586-025-01855-w)
26. Kou A., van Wissen L., van Dijk J., Bailey A. A Life Course Approach to High-skilled Migration: Lived Experiences of Indians in the Netherland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. Vol. 41. No. 10. P. 1644–1663. DOI: [10.1080/1369183X.2015.1019843](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1019843)
27. Leung M.W.H. Social Mobility via Academic Mobility: Reconfigurations in Class and Gender Identities Among Asian Scholars in the Global North. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43. No. 16. P. 2704–2719. DOI: [10.1080/1369183X.2017.1314595](https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1314595)
28. Machlis G.E., Rhodes T.K., Carrero-Martínez F.A. Perspectives: the challenges of displaced and exiled scientists. *Science and Public Policy*. 2025. Vol. 52. No. 4. P. 649–652. DOI: [10.1093/scipol/scaf019](https://doi.org/10.1093/scipol/scaf019)
29. Mallett R., Hagen-Zanker J. Does policy matter? Journeys to Europe and the Dynamics of Migration Decision-Making. *Trajectories and Imaginaries in Migration*. L.: Routledge, 2018. P. 165–181. DOI: [10.4324/9781351119665-10](https://doi.org/10.4324/9781351119665-10)
30. Mendoza C., Staniscia B., Ortiz A. ‘Knowledge Migrants’ or ‘Economic Migrants’? Patterns of Academic Mobility and Migration From Southern Europe to Mexico. *Population, Space and Place*. 2020. Vol. 26. No. 2. P. e2282. DOI: [10.1002/psp.2282](https://doi.org/10.1002/psp.2282)
31. *OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption*. Paris: OECD Publishing, 2023. 227 p. DOI: [10.1787/0b55736e-en](https://doi.org/10.1787/0b55736e-en)
32. Özdemir S.S. Pity the Exiled: Turkish Academics in Exile, the Problem of Compassion in Politics and the Promise of Dis-Exile. *Journal of Refugee Studies*. 2021. Vol. 34. No. 1. P. 936–952. DOI: [10.1093/jrs/fey076](https://doi.org/10.1093/jrs/fey076)

33. Pherali T. ‘My Life as a Second-Class Human Being’: Experiences of a Refugee Academic. *Education and Conflict Review*. 2020. No. 3. P. 87–96. Accessed 07.09.2025. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10108656>
34. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action. *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98. No. 6. P. 93–115. DOI: [10.1086/230191](https://doi.org/10.1086/230191)
35. Ro C. The economic effects of federal cuts to US science — in 24 graphs. Is US science facing a recession? Growing evidence points to a looming downturn. *Nature*. 25 June 2025. DOI: [10.1038/d41586-025-01830-5](https://doi.org/10.1038/d41586-025-01830-5)
36. Snel E., Bilgili Ö., Staring R. Migration Trajectories and Transnational Support Within and Beyond Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 47. No. 14. P. 3209–3225. DOI: [10.1080/1369183X.2020.1804189](https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1804189)
37. Steinmo M., Rasmussen E. The interplay of cognitive and relational social capital dimensions in university-industry collaboration: overcoming the experience barrier. *Research Policy*. 2018. Vol. 47. No. 10. P. 1964–1974. DOI: [10.1016/j.respol.2018.07.004](https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.07.004)
38. Wit-de-Vries E., Dolsma W.A., van der Windt H.J., Gerkema M.P. Knowledge transfer in university-industry research partnerships: a review. *The Journal of Technology Transfer*. 2019. Vol. 44. No. 4. P. 1236–1255. DOI: [10.1007/s10961-018-9660-x](https://doi.org/10.1007/s10961-018-9660-x)
39. Udesky L., Leeming J. Exclusive: a Nature analysis signals the beginnings of a US science brain drain. *Nature*. 22 April 2025. DOI: [10.1038/d41586-025-01216-7](https://doi.org/10.1038/d41586-025-01216-7)
40. Udesky L. Survey of US postdocs finds threefold increase in job losses. *Nature*. 2025. No. 643 (8074). P. 1439–1440. DOI: [10.1038/d41586-025-02140-6](https://doi.org/10.1038/d41586-025-02140-6)

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025; поступила после рецензирования и доработки: 06.10.2025; принятая к публикации: 09.10.2025.

Received: 10.09.2025; revised after review: 06.10.2025; accepted for publication: 09.10.2025.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.6

EDN: LCENGJ

Е.А. КОЛОСОВА¹, С.Д. ЛЕБЕДЕВ², С.Н. МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА³

¹ Российский государственный гуманитарный университет.

125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, Белгород, ул. Победы, д. 85.

³ Московский государственный психолого-педагогический университет.

107143, Москва, Открытое шоссе, д. 24, стр. 27.

СОБЫТИЙНЫЙ АСПЕКТ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В результате эмпирического анализа выявлены закономерности религиозной социализации детей в современной России: высокая распространенность ключевых событий приобщения к конфессиональной традиции к периоду совершеннолетия (до % опрошенного детского населения) при устойчивой последовательности событий в разных группах детей. Предложено определение события религиозной социализации ребенка как значимого механизма первичного приобщения к конфессиональным нормам и традициям и возможного дальнейшего воцерковления. Важной характеристикой события признается точное темпоральное указание дебюта на жизненном пути личности. На основе эмпирического проекта событийности современного российского детства у разных групп внутри детской когорты (2023 г., N = 1210) отслежены масштаб и возраст наступления событий, связанных с приобщением к религии. Интенсивность данных событий отмечена в группах детей — городских жителей, в семьях с низким доходом (по самооценкам), проживающих с прародителями, имеющих сиблиングов. Установлена значимая позитивная корреляция событий детства с удержанием от некоторых видов девиаций, с приобщением к просоциальной активности (волонтерству и участию в детском движении) и с оценкой детства как счастливого. Сделаны выводы о необходимости поиска индикаторов становления религиозности в детском периоде как значимого фактора политического, этнического позиционирования, социально-демографического поведения. Перспективы этих поисков связаны со вторичными гипотезами субъективного смысла: причинами обращения большой доли молодежи к религиозному самосознанию могут выступать реакция на актуальную историческую ситуацию в России; придание событиям религиозной социализации особого значения для выстраивания жизненной траектории; объединение благополучных, позитивно настроенных детей в религиозные общности и др.

Ключевые слова: религиозная социализация; событийность детства; биографическое событие; дети в современной России; первичная социализация; религиозная идентичность.

Для цитирования: Колосова Е.А., Лебедев С.Д., Майорова-Щеглова С.Н. Событийный аспект религиозной социализации детей в современной России // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 111–127. DOI: 10.19181/soc-jour.2025.31.4.6 EDN: LCENGJ

Введение

Проблематика религиозной социализации, в особенности ее раннего — первичного — этапа, вновь актуализируется в последние десятилетия. «Поздняя» современность (Э. Гидденс) характеризуется парадоксальным совпадением двух трендов: ревитализации религий и ослабления традиционных способов воспроизведения социальности. «Второе дыхание» религии, очевидное укрепление ее социальных позиций и возрастание политического и культурного влияния как в мировых, так и в региональных масштабах сочетаются с демонтажем и сворачиванием механизмов транслирования религиозной культуры в семье, характерных для традиционных и раннемодерных обществ.

Указанная ситуация заставляет исследователей обратиться к более активному изучению глубинных корней витальности религии, а именно к процессу, практикам и паттернам религиозной социализации в детском возрасте. Такая ситуация позволяет предположить, что именно в этот период в человеке закладывается «зерно» традиции, которое в дальнейшем прорастает в самоосознание и самоопределение его как верующего.

Религиозная социализация детей в современном обществе серьезно отличается как от их социализации в традиционных обществах, так и от самосоциализации взрослых сегодня. Первая в целом осуществляется в рамках традиции, исподволь, «в фоновом режиме» формируя у ребенка и впоследствии подкрепляя у взрослого стереотип предписанного самосознания и поведения. Вторая имеет характер рефлексивного жизненного проекта с доминантой осознанного выбора и конструирования собственной идентичности [12, с. 129–130]. Религиозная социализация в современности, как нам представляется, сочетает характерные черты той и другой, совмещая их как два последовательных временных этапа, поэтому насущным является вопрос о необходимости отслеживания, фиксации и о возможности корректировки/управления этим процессом.

Особую роль в данном процессе играют ключевые события биографии, которые становятся островками концентрированного смысла, структурирующего будущие нарративы жизненного мира личности. Такой событийный каркас религиозной социализации молодого человека в современной России мы постарались сконструировать в этой статье.

Изучение религиозной социализации в детстве: историко-социологическая традиция и современность

Традиция социологического и педагогического изучения религиозного воспитания в России была заложена в 1920–1930 гг. и связана с актуальной на тот момент задачей антирелигиозного воспитания юного поколения. Многочисленные опросы и наблюдения пытались установить группы детей и семей, в наибольшей степени сохраняющие веру и совершившие религиозные обряды, а также выявляли действенные меры антицерковной пропаганды [3; 7; 10; 16].

При изучении сопротивляемости религиозному влиянию большие коллективы авторов под руководством С.М. Риверса в 1920-е гг. обосновали и применили методики коллизий: когда опрашиваемому ребенку предъявлялся какой-то текст с описанием ситуации из реальной жизни, связанной с религиозными праздниками, отношениями между верующими и атеистами и т. п., и юному респонденту предлагалось оценить поведение героев текста, привести аргументы в защиту своего мнения [18].

Лишь в конце 1950-х гг. при возрождении методов социально-педагогических исследований ученые Челябинска, Иркутска, Перми и Москвы вновь обращаются к изучению детского пространства в семье, образовании, досуговой сфере, однако в них не звучит напрямую тема о роли религии в жизни ребенка, например, таких вариантов нет при исследовании видов досуга, жанров читаемой литературы, совместной семейной деятельности [20]. Более поздние исследования, построенные на анализе автобиографических мемуаров и устной истории, выявили наличие в этот период опривыченных, широко распространенных, но не стандартизованных практик включения детского населения России в поле религиозного сознания и поведения, например, участие в подготовке атрибутов Пасхи, институт крестных и др. [1; 2]. Однако этот вывод сделан гораздо позже; именно же в описываемый период 1950–1970-х гг. ученые исходили из позиции полного отчуждения советских детей в процессе социализации от религии, и научные работы проводились с прикладной целью доказательства успешности иных технологий социализации в рамках семьи и пионерской организации [20].

В последующие десятилетия тема религиозности детей при проведении социально-педагогических и социально-философских исследований с использованием массовых опросов и интервью была завуалирована: например, при изучении ценностей и представлений старших подростков звучали общие вопросы о вере в высшие силы, школьников просили оценить масштаб участия в антирелигиозных мероприятиях [8]. Лишь в ходе серьезного репрезентативного всесоюзного исследования 1990 г. впервые включили вопросы, непосредственно раскрывающие некоторые повседневные практики религиозной социализации. Любопытно, что начало 1990-х гг. характеризуется довольно частыми обращениями к социологическому изучению детской, а точнее, подростковой, аудитории, в том числе и по вопросам религиозной идентификации, приобщения к ритуалам и праздникам. Сохранились данные мониторинговых замеров, которые свидетельствуют о значительном росте с 20 до 27,6% за три года (с 1990 по 1993 г.) доли детей, считающих, что и человек, и природа зависят от каких-то необъяснимых высших сил. Ребята стали ощущать, что наравне с базовыми правами они также пользуются свободой совести. Учитывая

возрастные особенности, исследователи предложили выбрать вариант своей реакции на прожективную ситуацию: «Представь, что твой друг (подруга) ходит в церковь (костел, мечеть, синагогу, молитвенный дом и др.), слушает проповеди, участвует в молитвах и других обрядах. Как ты к этому относишься?» В 1993 г. в 2 раза по сравнению с 1990 г. увеличилось число юных респондентов, указавших, что они сами исполняют религиозные обряды, посещают культовые заведения, зафиксированы и гендерный перевес в пользу девочек, и большая степень религиозной ориентации детей из малых городов. Лишь менее 3% ребят считали возможным убеждать друга, что не нужно этим заниматься [23]. Международное сравнительное исследование подростков в 1992 г. определило, что доля верующих российских детей совпадает с долями верующих американских и японских детей (1/4), и столько же точно определили себя вне религиозной веры [23].

Вероятно, эти многочисленные данные дали возможность В.Г. Безрогову сделать предположение, что именно дети в 1990-е гг. стали той группой, которая активно включилась в возрождение религиозного сознания в постсоветском обществе, и в этом даже виделось одно из доказательств развития префигуративной культуры (по М. Мид, это эпоха, когда младшие становятся для старших «проводниками по новой реальности») [1].

С начала нового века российские социологи К.С. Дивисенко, Е.В. Пруцкова, Е.И. Уфимцева, Т.А. Фолиева и др. определяют новые векторы теоретического осмысливания процессов, механизмов, акторов и институтов социализации детей в поле религии [5; 17; 21; 22].

Проекты последнего десятилетия сосредоточены на двух актуальных направлениях религиозной социализации. Первое направление: изучаются возможности для укрепления ценностей патриотизма и для использования конфессиональной составляющей в профилактике противоправных, в том числе экстремистских, действий [14; 25]. Второе направление: уточнение эффективных способов и механизмов традиционного религиозного воспитания для противодействия вовлечению детей в современные деструктивные религиозные течения и секты [4].

Зарубежные исследователи в этот же период активно изучали иные аспекты процессов религиозного воспитания и его влияние на социальное развитие ребенка. Например, по результатам исследования 2019 г. у американских детей 8–9 лет выявлена зависимость адаптации и социальных навыков коммуникации в системе образования от различных факторов включенности в пространство религии. Один из авторов анализа поясняет этот факт тем, что любая религия делает акцент на моральных правилах, и это способствует установлению таких социальных качеств, как самоконтроль, компетенции по взаимодействию в разных образовательных группах. Однако такая зависимость наблюдалась только в том случае, когда оба родителя были воцерковлены и в семье не было религиозных конфликтов. Вместе с тем было зафиксировано, что развитие социальных навыков идет в определенной степени в ущерб академическим успехам: когда результаты тестов по математике, естественным наукам и чтению соотнесли с религиозностью, была установлена более низкая успеваемость религиозных детей [27]. В проекте исследователей из Словакии обсуждаются опыт использования цифровых технологий в религиозном образовании и обратный потенциал формируемых религиозных норм для профилактики интернет-зависимостей [30].

Европейские исследования также констатируют рост числа атеистов и нерелигиозной молодежи, связывая этот процесс с информатизацией и ослаблением семейных связей [28; 29]. Обзор работ отечественной науки указывает на иные тенденции: для российских реалий остается важной роль семьи в воспитании вообще и характерно наличие религиозной социализации по префигуративному типу — от повзрослевших верующих детей к их родителям, на основе механизмов приобщения к религиозным практикам и одновременного собственного духовного поиска [5, с. 87–88].

Цель данного исследования — выявление некоторых закономерностей религиозной социализации современных российских детей; для ее реализации последовательно поставлены следующие задачи:

- 1) уточнить определение события религиозной социализации ребенка;
- 2) определить ключевые события религиозной социализации в детстве, масштабы их распространенности в современной России и границы дебютов;
- 3) выделить дополнительные характеристики включения в события религиозной социализации современных российских детей (пол, место проживания в детстве, полнота семей, социально-экономическое положение и др.);
- 4) провести поиск возможных взаимосвязей между включенностью в события религиозной социализации и некоторыми другими значимыми эпизодами детства.

Методология и методика изучения события религиозной социализации

Социализация в детском периоде жизни — это усвоение детьми моделей поведения, ролей, которые значимы прежде всего для окружения, и здесь имеют важное значение события социального взаимодействия с близкими (ситуации, эпизоды, ритуалы). Именно через эти события происходят наблюдение, исследование, имитация поведения значимых других. Это подтверждают данные ученых, которые обнаружили, что православная молодежь Поволжья подчеркивает неосознанное и несамостоятельное, по инициативе родных и близких, обращение в религию именно в детском возрасте, выделяя при этом именно эпизоды и яркие моменты как основу православного воспитания в семье [21]. И лишь начиная с подросткового возраста происходит постепенная осознанная интериоризация или отторжение предлагаемых в раннем возрасте ценностей. Именно среди подростков и юношества сегодня наблюдается массированное влияние новых коммуникаций, самостоятельной (или провоцированной) мобильности в онлайн-пространстве при одновременном сужении освоения реального пространства и общения, связанного с религией [17; 26]. Полученные на первом этапе социализации основы религиозного поведения нуждаются не только в подкреплении и стимулировании, часто в современной обстановке требуется обучение критическому осмыслению влияния иных образцов, персон.

Предлагаемая в этой статье трактовка события религиозной социализации детей в определенной степени может «примирить» два основных подхода в российской социологии религии относительно понятия «социализация» [22]. При

первом во главу угла ставят усвоение религиозных ценностей и норм, при втором главным выступает процесс воцерковления, вхождения человека в традицию конфессиональной жизни. Событие религиозной социализации ребенка — это механизм первичного приобщения к конфессиональным нормам, ценностям в целях дальнейшего воцерковления, обладающий точным временными маркером на жизненном пути ребенка. Исходя из такой трактовки процесса религиозной социализации, имеет значение отслеживание возраста наступления событий, связанных с приобщением к религии, у разных групп внутри всей детской когорты.

Для реализации второй задачи мы обращаемся к данным исследования 2023 г. «Событийность детства 2.0». Дизайн эмпирического исследования включал структурированный онлайн-опрос по формализованной анкете, состоящей из вопросов о том, в какой период биографий респондентов (в интервале от 3 до 18 лет) имели место 100 событий. При обосновании выборки исследования (и как достаточного объема опрашиваемых, и как процесса сбора данных) мы приняли во внимание две важные отмечаемые психологами особенности биографических воспоминаний о детстве: 1) наибольшее количество воспоминаний, не тронутых ретроспективной переоценкой из взрослого возраста, сохраняются на выходе из детства, у молодежи 17–23 лет; 2) запоминание событий серьезно различается в женской и мужской аудиториях, именно поэтому в событийно-биографических исследованиях наблюдается типичный перевес участия респондентов-женщин [8; 15]. Поскольку молодежь является группой с интенсивной интернет-включенностью и ее максимальная концентрация наблюдается в учебных заведениях, для распространения онлайн-анкеты были использованы следующие способы «добраться» до целевой аудитории: анонсы на онлайн-сервисах молодежных сообществ, учебных заведений уровня среднего профессионального и высшего образования, обращения к профессорско-преподавательскому составу этих учреждений с призывом о помощи в организации опроса среди обучающихся.

Выборка исследования — неслучайная потоковая, итоговый отбор респондентов был сформирован на основе двух критериев: представленность молодежи интересующего нас возраста (17–23 года, с ядром 18-летних); охват разных регионов и типов поселения, где респонденты проживали в детстве. В результате исключения нерелевантных экземпляров в базу для анализа было включено 1210 анкет. Охвачены все федеральные административные округа РФ. Выборочная совокупность включала 3/4 девушек, 1/4 молодых людей. Возрастной состав выборки представлен следующими группами: младше 18 лет (10,5%), 18 лет (45,5%), 19 лет и старше (44%). 4/5 опрошенных на момент исследования были студентами (79,8%), еще одна большая группа — обучающиеся в системе СПО (12,6%). У 24,4% респондентов детство прошло в сельской местности, местом проживания 23,3% и 30,4% были крупные и небольшие города соответственно, каждый пятый опрошенный (21%) являлся с рождения жителем города-миллионника. По собственным оценкам респондентов, 14,7% из них проживали в семьях с низкими доходами; к высокодоходным родительским семьям отнесли 28%; 57,3% сообщили о среднем доходе. Основная масса опрошенных жила в полных семьях хотя бы часть детства (около ¾), пятая часть — вместе на одной площади и с родителями, и со старшим поколением, бабушками и дедушками.

Общими задачами исследования выступали: определение возраста дебютов и превращения различных событий в детстве в стабильные поведенческие конструкты; фиксирование ключевых особенностей детского периода жизни современной молодежи через группы отдельных событий (в образовании, информатизации, освоении пространства и гендерных ролей, девиации и др.). Среди 100 важнейших событий детства были два события собственно религиозной социализации, детальный анализ которых мы проводим ниже.

Основные закономерности религиозной социализации в детстве: результаты и обсуждение эмпирического исследования молодежи

Согласно полученным данным, 80,3% опрошенных молодых людей к 18-летнему возрасту успели осознать, что принадлежат к определенной конфессии (христианство, мусульманство, буддизм и т. п.). 62,2% молодежи посещали до совершеннолетия какие-либо религиозные учреждения (церковь, храм, мечеть и т. п.). Обнаружена взаимосвязь между наступлением события в жизни респондентов и местом их проживания в детстве. Чем меньше населенный пункт, тем больше вероятность наступления события (87% в сельской местности, 75,5% в городе-миллионнике).

Средний возраст, в котором дети осознают свою принадлежность к тому или иному религиозному течению, составил 6,7 года. Опрошенные начали посещать религиозные учреждения в среднем в возрасте 7,1 года. Для большинства детей осознание принадлежности к определенной конфессии произошло в возрастном коридоре от 5 до 8 лет включительно, тогда как первое посещение специализированных религиозных учреждений происходит у большинства в возрасте от 4 до 9 лет.

Гендерных отличий не зафиксировано (и девочки и мальчики осознали свою принадлежность к той или иной конфессии в среднем в 6,8 года, посещение религиозных учреждений началось с 7 лет). Существуют точки зрения, объясняющие гендерный разрыв в религиозности разными социально-экономическими статусами мужчин и женщин в обществе (большая представленность мужчин на рынке труда и доминирующая роль хозяйки и матери у женщины привели к тому, что женщины более религиозны [24]). В отличие от взрослых, дети находятся в равных статусах на раннем этапе социализации и, благодаря взрослым, знакомятся с различными религиозными практиками и посещают специализированные учреждения. Очевидно, что более осознанный выбор практик, характеризующих различия в религиозности между гендерными группами, происходит на более поздних этапах развития и социализации.

Обнаружена связь включенности ребенка в религиозные практики и материального положения семьи. Чем лучше материальное положение, тем позже дети осознают свою принадлежность к той или иной конфессии и значительно позже начинают посещать религиозные учреждения (табл. 1).

Таблица 1

**Средний возраст ребенка во время наступления события
в зависимости от материально-экономического положения семьи, лет**

Материально-экономическое положение семьи	Событие	
	Я впервые осознал(-а), что принадлежу к определенной конфессии (христианство, мусульманство, буддизм и т. п.)	Я стал(-а) посещать церковь, храм, мечеть или другое религиозное, культовое учреждение
Высокое	7,0	8,0
Выше среднего	6,4	6,6
Среднее	6,9	7,2
Ниже среднего	6,5	6,8
Низкое	6,7	6,2

Примечание. Коэффициент Спирмена составил 0,38, $p = 0,232$.

Источник: Расчеты авторов по данным исследования «Событийность детства 2.0».

Другой значимый фактор, влияющий на включенность детей в религиозные практики, — это место их проживания в детстве. Если на осознание принадлежности к той или иной конфессии место жительства в детстве не влияет, то показатель посещения религиозных учреждений от него в определенной степени зависит (коэффициент Спирмена составил 0,167, $p < 0,001$). Проживающие на селе позже включаются в данный вариант религиозных практик, в отличие от жителей городов-миллионников (8,1 против 6,3 года) (см. табл. 2).

Таблица 2

**Средний возраст ребенка во время наступления события
в зависимости от места проживания, лет**

Место проживания	Событие	
	Я впервые осознал(-а), что принадлежу к определенной конфессии (христианство, мусульманство, буддизм и т. п.)	Я стал(-а) посещать церковь, храм, мечеть или другое религиозное, культовое учреждение
Город-миллионник	6,8	6,3
Крупный город	6,5	6,7
Небольшой город	6,9	7,2
Село	6,8	8,1

Примечание. Коэффициент Спирмена составил 0,167, $p < 0,001$.

Источник: Расчеты авторов по данным исследования «Событийность детства 2.0».

Как мы выяснили, на приобщение к религиозным практикам влияют родители и старшие родственники, особенно бабушки и дедушки. Видимо, последние чаще других сохраняют традиции и приобщают детей дошкольного возраста к определенному религиозному поведению (в 6,5 года — помочь в осознании принадлежности к конфессии, в 6,8 года — посещение специализированных учреждений).

Кроме того, на посещение религиозных организаций влияло наличие сиблиングов в семье. Если респондент был единственным ребенком, то включение в религиозные практики начиналось в 7,4 года, а если имел братьев или сестер, то раньше — до 7 лет. То есть чем больше детей в семье, тем раньше происходит приобщение к религии.

Одной из задач нашего исследования было определение связи включенности в события религиозной социализации с некоторыми иными видами социализации. Анализ позволил выявить позитивную корреляцию распространенности событий религиозной социализации и просоциальной деятельности юного поколения. Более 100 лет назад важной целью общественных детских и молодежных организаций пионеров и комсомольцев было антирелигиозное просвещение и отвлечение юных «от культа» [3; 9; 19]. Сегодня же мы наблюдаем, что такого противостояния нет, более того, есть зафиксированный эффект вступления в общественные движения именно активной религиозной молодежи. Участники общественных организаций на полгода раньше, согласно нашему эмпирическому исследованию, осознали свою принадлежность к конфессии (средний возраст 6,5 года против 7 лет неучастников движений). Среди членов организаций 88% осознавших конфессиональную принадлежность, в то время как неучастники указали это лишь в 74,8% случаев (напомним: общая доля — 80,2%).

Одновременно с этим среди тех, кто осознал свою принадлежность к какой-либо религии, в 1,5 раза выше доля тех, кто участвовал в волонтерском проекте (помогал, организовывал что-то без денег, от души), чем среди тех, кто свою принадлежность еще не осознал. «Религиозные дети» на год раньше прочих включаются в волонтерскую деятельность.

Также обнаружена аналогичная корреляция: посещение различных религиозных и культовых учреждений влияет на участие в добровольчестве. Мы можем предположить, что добровольческая деятельность зачастую организуется в рамках самих религиозных учреждений (участие в строительстве, реставрации, уборке прилегающих территорий, безвозмездная и бескорыстная помощь пожилым, инвалидам, многодетным, тяжелобольным, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей).

Одновременно с этими фактами мы обнаружили важные корреляции с некоторыми видами девиантного поведения. Так, среди тех, кто осознал свою религиозную принадлежность, меньше доля имевших серьезные конфликты с родителями в детстве, чем среди тех, кто таковой не осознал (60% против 65%). Те, кто не был к 18-летию включен в религиозные практики, чаще обманывали родителей в детстве (79,5% против 69,7%).

На полгода раньше начали курить те, кто до момента проведения опроса, то есть до 18-летия, не начал посещать религиозные и культовые учреждения (13,9 против 14,4 года); аналогичная зависимость выявлена и для алкоголя: среди детей, не причисляющих себя к религиозным, его до 18 лет пробовали чаще.

При этом нами зафиксированы парадоксальные факты. Так, среди тех, кто начал посещать религиозные учреждения уже в детстве, выше доля тех, кто начал курить в детском возрасте, но дебют события у них наблюдался позже, чем у «нерелигиозных детей». Данная картина противоречит ожиданиям и социальным установкам общества, так как обычно предполагается, что религиозность может снижать риск раннего курения и иных аналогичных традиционно неодобряемых форм поведения.

Противоречия содержат и данные о распространенности в детской среде практик манипулирования с телом. Современные психологи относят татуирование, пирсинг, шрамирование к возрастным экспериментам современных подростков, способам идентификации с молодежным сообществом. Мы предполагали, что религиозные нормы, установки на традиционность и конформность нивелируют этот эффект. Однако была зафиксирована парадоксальная связь: осознавшие свою принадлежность к определенной конфессии в среднем в 14,2 года сделали пирсинг, в 15,9 года татуировку, тогда как у «нерелигиозных» эти события произошли позднее — в 15,4 и 16,5 года соответственно. Но среди «нерелигиозных» детей к возрасту совершеннолетия больше доля имеющих на теле последствия такого экспериментирования.

Установки на активную, просоциальную жизнь в будущем являются проекцией субъективных оценок человеком своего детства как счастливого, поэтому в современной социологии производятся попытки найти достаточные и информативные маркеры по конструированию подобной оценки [11]. Как показал наш анализ, такими маркерами счастливого/несчастливого детства могут выступить и рассматриваемые в этой статье события, так как выявлен относительно высокий, по сравнению с иными зависимостями, коэффициент связи позитивных оценок своего детства и принятия принадлежности к конфессии (Хи-квадрат, коэффициент связи $\chi^2 = 18,46$, $df = 1$, $p < 0,001$, $V = 0,123$).

Осознание принадлежности к конфессии уже в раннем детстве повышает на 11 п. п. ощущение собственного детства как счастливого, и в группе «счастливых» осознание принадлежности к конфессии наступило раньше (средний возраст дебюта 6,7 против 7,3 года у тех, кто оценил свое детство как несчастливое) (см. рис.).

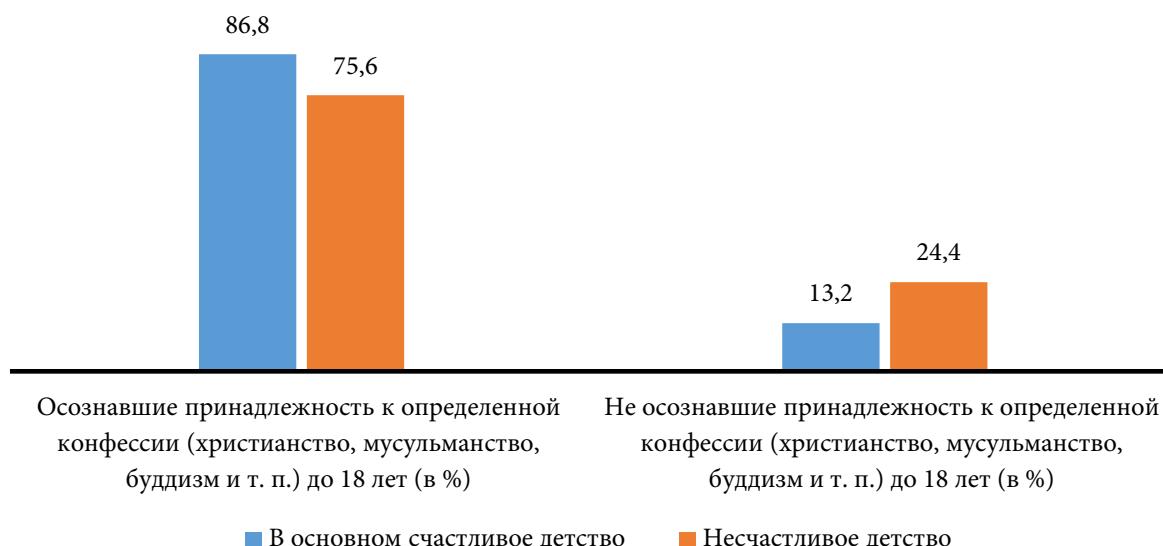

Рис. Сопряженность осознания конфессиональной принадлежности и самооценки благополучия детства

Источник: Расчеты авторов по данным исследования «Событийность детства 2.0».

Одно из возможных объяснений выявленному факту состоит в том, что вхождение в конфессиоанальные традиции противостоит негативным влияниям извне, создает ощущение защищенного пространства, единения, дети получают дополнительную поддержку в религиозной группе, и, таким образом, события религиозной социализации выступают «протекторами» подготовки к будущей взрослой жизни.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Мы признаем справедливым мнение современных социологов о том, что в аспекты изучения социальных общностей (например, религиозная молодежь, современная молодежь, этнические группы и др.) нужно включать биографический метод, поскольку существенны особенности не только состояния, положения, но и формирования этих общностей [6]. Поиск наличия в биографическом пути членов этих общностей значимого базиса может привести к фокусировке на событиях детства. Сама религиозность сегодня, по мнению специалистов социологии религии, предстает активным фактором и этнического самоопределения, и политического позиционирования, и семейно-демографического поведения. А значит, важно найти некоторые индикаторы этого процесса уже на первом этапе жизненного пути гражданина России.

Наше исследование доказало значимость изучения событийности в процессе религиозной социализации ребенка и наличие парадоксов, которые возникают при попытке найти прямые зависимости ее влияния в процессе социальной активности юного поколения. События детства являются действенным механизмом формирования определенных поведенческих практик подрастающего поколения в части не только противостояния различным девиациям, но и способствования просоциальному поведению в юном возрасте. Выявлено позитивное влияние религиозных практик на отношения в семье, на включенность в общественную, волонтерскую деятельность. При этом обнаружена неоднозначная, парадоксальная корреляция с эпизодами употребления табака, алкоголя, манипуляций с телом, которая заслуживает отдельного прицельного изучения. Можно лишь высказать предположения для последующей проверки. Именно: на развитие такого девиантного поведения влияют иные социальные факторы, а собственно религиозное образование и воспитание эти современные тренды в поведении детей и подростков пока оставляют без внимания. Некоторые дети могут начать курить из протеста против строгих правил или ожиданий, связанных с религией. Можно также предположить, что дети, приобщивающиеся к религиозности, предстают более рефлексирующими, активными, что может привести к раннему экспериментированию, в том числе и в практиках с телесностью и курением. Осознание собственной религиозной идентичности и закрепление ее через практики посещения культовых учреждений приводят подростков к принятию себя как активной личности, которая хочет показать свою самостоятельность. Эти экспериментирования, как мы выявили в ходе эмпирического анализа, могут принимать просоциальные формы, но, вероятно, и провоцировать такие неодобряемые взрослыми и обществом действия, как курение и манипуляции с телом.

Для верификации в последующих исследованиях предлагаются вторичные гипотезы субъективного смысла (М. Вебер), характеризующего установленные нами статистические зависимости. Так, мы предполагаем, что молодые люди с положительной религиозной и конфессиональной идентичностью («верующие») гораздо чаще придают соответствующим событиям своего детства важное и положительное значение, чем не обладающие такой идентичностью. Также возможно, что их субъективное благополучие в детстве и приводит их в лоно религии. Отдельного рассмотрения требует связь конфессиональных и активных просоциальных установок как отклик на актуальную историческую ситуацию в России. Возможен и дополнительный фокус на проверке гипотезы о том, что у верующей молодежи наблюдается более широкий диапазон терпимости к некоторым спорным практикам, чем у людей «неверующих».

Особенности религиозной социализации современных российских детей состоят, по нашему мнению, в установленных закономерностях: в единообразии последовательности событий вхождения в религиозную традицию в разных группах детей, в высокой распространенности этих событий среди достигших совершеннолетия (до 80%), в связности с иными событиями детства и при этом нетривиальности, нелинейности сопряженности между ними. Основное ограничение проведенного анализа — невозможность оценить глубину принятия религиозных норм количественными методами, что приводит нас к необходимости применения в будущих исследованиях иных, в том числе проективных и качественных, методик.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колосова Елена Андреевна — кандидат социологических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет. **Телефон:** +7 (495) 250-65-62. **Электронная почта:** the_shmiga@mail.ru

Лебедев Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук, доцент, руководитель лаборатории «Социология религии, культуры и коммуникаций», Белгородский государственный национальный исследовательский университет. **Телефон:** +7 (4722) 30-12-83. **Электронная почта:** serg_ka2001-dar@mail.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна — доктор социологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет. **Телефон:** +7 (499) 966-27-67. **Электронная почта:** sheglova-s@yandex.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 4.
P. 111–127. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.6**

Research Article

**ELENA A. KOLOSOVA¹, SERGEY D. LEBEDEV²,
SVETLANA N. MAYOROVA-SHCHEGOLOVA³**

¹ Russian State University for the Humanities.

20, Bolshaya Dmitrovka str., 107031, Moscow, Russian Federation.

² Belgorod State National Research University.

85, Pobedy str., 308015, Belgorod, Russian Federation.

³ Moscow State University of Psychology and Education.

24, bl. 27, Open highway, 107143, Moscow, Russian Federation.

THE EVENT ASPECT OF RELIGIOUS SOCIALIZATION OF CHILDREN IN MODERN RUSSIA

Abstract. Empirical analysis has allowed for identifying the patterns of childhood religious socialization in modern Russia: a high prevalence of key events of initiation into the confessional tradition prior to reaching adulthood (up to % of the surveyed child population), with a stable sequence of events among different groups of children. The definition of the event of a child's religious socialization has been proposed as a significant mechanism of primary initiation into confessional norms and traditions and possible further churching. An important characteristic of the event is the precise temporal indication of such a debut on the individual's life path. Based on the empirical project on the timeline of modern Russian childhood, the scale of events related to religious initiation and age at which they occur were tracked for different groups within the child cohort (2023, N = 1210). The intensity of these events was observed in groups of urban children, those from families that identify as low-income, those living with grandparents and those with siblings. A significant positive correlation has been established between childhood events and the avoidance of certain types of deviance, as well as involvement in pro-social activities (volunteering and participation in children's movements), and the perception of childhood as a happy period. The study concludes that it is necessary to identify indicators of the development of religiosity during childhood as a significant factor in political, ethnic, and socio-demographic behavior. The prospects of these searches are related to secondary hypotheses of subjective meaning; the reasons for a large proportion of young people turning to religious self-awareness may be a reaction to the current historical situation in Russia; attributing special importance to the events of religious socialization in order to build a life trajectory; uniting prosperous, positive-minded children into religious communities, etc.

Keywords: religious socialization; childhood events; biographical event; children in modern Russia; primary socialization; religious identity.

For citation: Колосова, Е.А., Лебедев, С.Д., Майорова-Шчеглова, С.Н. The Event Aspect of Religious Socialization of Children in Modern Russia. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 111–127. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.6)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Kolosova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities. **Phone:** +7 (495) 250-65-62. **Email:** the_shmiga@mail.ru

Sergey D. Lebedev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory “Sociology of Religion, Culture and Communications”, Belgorod State National Research University. **Phone:** +7 (4722) 30-12-83. **Email:** serg_ka2001-dar@mail.ru

Svetlana N. Mayorova-Shcheglova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow State Psychological and Pedagogical University. **Phone:** +7 (499) 966-27-67. **Email:** sheglova-s@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Безрогов В.Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 131. EDN: [KCKFJN](#)
Bezrogov V.G. Between Stalin and Christ: Religious Socialization of Children in Soviet and Post-Soviet Russia (Based on Childhood Memories). *Antropologicheskii Forum*. 2006. No. 4. P. 131. (In Russ.)
2. Богатова О.А. Семья и семейная память как фактор сохранения традиционных религиозных ценностей в советский период (по данным качественных социологических исследований в Республике Мордовия) // Историческая этнология. 2025. Т. 10. № 3. С. 409–424. DOI: [10.22378/he.2025-10-3.409-424](https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.409-424) EDN: [LGNTYI](#)
Bogatova O.A. Family and Family Memory as a Factor in the Preservation of Traditional Religious Values in the Soviet Period (Based on Qualitative Sociological Research in the Republic of Mordovia). *Istoricheskaya etnologiya*. 2025. Vol. 10. No. 3. P. 409–424. DOI: [10.22378/he.2025-10-3.409-424](https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.409-424) (In Russ.)

3. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932: Сборник / Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии; Под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М.: ОГИЗ, 1932. — 525 с.
Militant Atheism in the USSR over 15 Years. 1917–1932: Collection. Central Council of the Union of Militant Atheists and the Institute of Philosophy of the Communist Academy; Ed. by M. Enisherlov, A. Lukachevsky, M. Mitin. Moscow: OGIZ publ., 1932. 525 p. (In Russ.)
4. Грива О.А. Дети и религия: традиции и вызовы времени // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10 (76). № 2. С. 64–70. EDN: [XQEGDS](#)
Griva O.A. Children and religion: Traditions and Challenges of the Time. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Sociology. Pedagogy. Psychology.* 2024. Vol. 10 (76). No. 2. P. 64–70. (In Russ.)
5. Дивисенко К.С., Белов А.Э., Дивисенко О.В. Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 75–92. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.4.6098](#) EDN: [YROUHB](#)
Divisenko K.S., Belov A.E., Divisenko O.V. Transmission of religiosity in the family from parents to children: an analytical review of research. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2018. Vol. 24. No. 4. P. 75–92. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.4.6098](#) (In Russ.)
6. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. К методологии междисциплинарного исследования биографии социальной общности // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 140–160. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.8](#) EDN: [VSXVEP](#)
Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Towards the methodology of interdisciplinary research of the biography of a social community. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal.* 2025. Vol. 31. No. 1. P. 140–160. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.8](#) (In Russ.)
7. Иорданский Н.Н. Черты из быта школьников: (По материалам г. Сергиева, Моск. губ.). [М.]: Новая Москва, 1925. — 68 с.
Jordansky N.N. *Traits of schoolchildren's everyday life: (Based on materials from the city of Sergiev, Moscow province).* [Moscow]: New Moscow publ., 1925. 68 p. (In Russ.)
8. Калашников М.Ф. Молодое поколение и религия: Опыт конкретно-социального и социально-психологического исследования / Науч. ред. А.В. Щеглов; Перм. гос. пед. ин-т. Пермь: Книжное изд-во, 1977. — 312 с.
Kalashnikov M.F. *The younger generation and religion: The experience of concrete social and socio-psychological. Research.* Ed. by A.V. Shcheglov; Perm State Pedagogical Institute. Perm: Knizhnoe izdatel'stvo publ., 1977. 312 p. (In Russ.)
9. Ключко О.И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 13–29. DOI: [10.17759/sps.2022130402](#) EDN: [KGYQNG](#)
Klyuchko O.I. The concept of gender mentality as the methodological basis of the gender approach in socio-psychological research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo.* 2022. Vol. 13. No. 4. P. 13–29. DOI: [10.17759/sps.2022130402](#) (In Russ.)
10. Колотинский П.Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов // Труды Кубанского педагогического института. Вып. 2–3. Краснодар, 1929. С. 151–152.
Kolotinsky P.N. The experience of long-term study of the worldview of graduate students. *Proceedings of the Kuban Pedagogical Institute.* Iss. 2–3. Krasnodar, 1929. P. 151–152. (In Russ.)

11. Кученкова А.В., Майорова-Щеглова С.Н. Счастливое детство: поиск информативной системы признаков сквозь призму событийности // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 3. С. 125–149. DOI: [10.19181/snsp.2024.12.3.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.6) EDN: **OONHMX**
Kuchenkova A.V., Mayorova-Shcheglova S.N. Happy childhood: the search for an informative system of signs through the prism of eventfulness. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo*. 2024. Vol. 12. No. 3. P. 125–149. DOI: [10.19181/snsp.2024.12.3.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.6) (In Russ.)
12. Лебедев С.Д. Рефлексивный потенциал православной культуры в России, 1990–2000-е гг.: к социологическому анализу проблемы // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 129–142. EDN: **PELCKH**
Lebedev S.D. The reflexive potential of Orthodox culture in Russia, 1990–2000: towards a sociological analysis of the problem. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2012. No. 3. P. 129–142. (In Russ.)
13. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Социокультурное воспроизведение поколения через событийность детства // Обсерватория культуры. 2021. № 18 (5). С. 452–466. DOI: [10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466](https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466) EDN: **URZHVE**
Mayorova-Shcheglova S.N., Kolosova E.A., Gubanova A.Yu. Sociocultural reproduction of a generation through the eventfulness of childhood. *Observatoriya kul'tury*. 2021. No. 18 (5). P. 452–466. DOI: [10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466](https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466) (In Russ.)
14. Никитская Е.А. Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 150–162. DOI: [10.17759/psylaw.2021110112](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110112) EDN: **OSQDLQ**
Nikitskaya E.A. The use of confessional and pedagogical forms of work with minors in the education of patriotism and the prevention of extremism. *Psichologiya i pravo*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 150–162. DOI: [10.17759/psylaw.2021110112](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110112) (In Russ.)
15. Оsipova И.С., Никишов С.Н., Пронькина Е.Г. Возрастные особенности речевых способов выражения автобиографических воспоминаний // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. Т. 6. № 1. Дата обращения 01.07.2025. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN118.pdf> EDN: **UQANGO**
Osipova I.S., Nikishov S.N., Pronkina E.G. Age-related features of speech methods of expressing autobiographical memories. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2018. Vol. 6. No. 1. Accessed 01.07.2025. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN118.pdf> (In Russ.)
16. Петров В.В. Быт деревни в сочинениях школьников. М.: Посредник, 1927. — 46 с.
Petrov V.V. *The life of the village in the writings of schoolchildren*. Moscow: Posrednik publ., 1927. 46 p. (In Russ.)
17. Пруткова Е.В. Религиозная социализация: проблемы концептуализации и соотнесения микро- и макроуровней анализа // Социология религии в обществе позднего модерна. Сборник статей по материалам IV Международной научной конференции. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2014. С. 80–88. EDN: **WJDBGX**
Prutskova E.V. Religious socialization: problems of conceptualization and correlation of micro- and macro-levels of analysis. *Sociology of religion in Late Modern Society. Collection of articles based on the materials of the IV International Scientific Conference*. Belgorod: Belgorod Publishing House, 2014. P. 80–88. (In Russ.)
18. Ривес С.М. Религиозность и антирелигиозность в детской среде / С.М. Ривес; Предисл.: В.Н. Шульгин. М.: Работник просвещения, 1930. — 120 с.

- Reeves S.M. *Religiosity and antireligiousness in children's environment*. Preface: V.N. Shulgin. Moscow: Rabotnik prosvetshcheniya publ., 1930. 120 p. (In Russ.)
19. Слезин А.А. Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 956–973. DOI: [10.21638/spbu24.2023.416](https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.416) EDN: CMNVDC
Slezin A.A. *Children in the “anti-religious offensive” at the turn of the 1920s and 1930s*. *Noveishaya istoriya Rossii*. 2023. Vol. 13. No. 4. P. 956–973. DOI: [10.21638/spbu24.2023.416](https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.416) (In Russ.)
20. Соколова Э.С., Лихачев В.М. Идеалы и ценности современных детей: опыт изучения // Советская педагогика. 1990. № 9. С. 47–55.
Sokolova E.S., Likhachev V.M. Ideals and values of modern children: learning experience. *Sovetskaya pedagogika*. 1990. No. 9. P. 47-55. (In Russ.)
21. Уфимцева Е.И. Культовые практики обращения в православие: опыт современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: «Социология. Политология». 2025. Т. 25. Вып. 2. С. 142–155. DOI: [10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155) EDN: IHNOCX
Ufimtseva E.I. Cult practices of conversion to Orthodoxy: the experience of modern Russian youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: “Sotsiologiya. Politologiya”*. 2025. Vol. 25. Iss. 2. P. 142–155. DOI: [10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-142-155) (In Russ.)
22. Фолиева Т.А. Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9). Ч. 1. С. 205–212. EDN: PJIBQZ
Folieva T.A. Religious socialization: concepts and problems. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologiya. Religiovedenie”*. 2012. No. 2 (9). Part 1. P. 205–212. (In Russ.)
23. Цымбаленко С.Б., Щеглова С.Н. Кто они, подростки 90-х? М.: Юнпресс, 1995. — 49 с.
Tsymbalenko S.B., Shcheglova S.N. *Who are they, teenagers of the 1990s?* Moscow: Yunpress publ., 1995. 49 p. (In Russ.)
24. Шахбанова М.М. Гендерная специфика религиозного поведения (на примере дагестанского населения) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 457–467. DOI: [10.28995/2073-6401-2022-1-457-467](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-457-467) EDN: UCDPUQ
Shakhbanova M.M. Gender specificity of religious behavior (on the example of the Dagestani population). *Vestnik RGGU. Seriya “Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie”*. 2022. No. 1. Part 3. P. 457–467. DOI: [10.28995/2073-6401-2022-1-457-467](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-457-467) (In Russ.)
25. Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107) EDN: VPMFFV
Shorokhova V.A., Khukhlaev O.E., Dagbaeva S.B. Interrelation of values and religious identity among Buddhist schoolchildren. *Kul’turno-istoricheskaya psichologiya*. 2016. Vol. 12. No. 1. P. 66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107) (In Russ.)
26. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268. EDN: UIXFLH

- Hervier-Leger D. In search of certainty: the paradoxes of Religiosity in Advanced Modern Societies. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2015. No. 1 (33). P. 254–268. (In Russ.)
27. Bartkowski J.P., Xu Xiaohe, Bartkowski S. Mixed Blessing: The Beneficial and Detimental Effects of Religion on Child Development among Third-Graders. *Religions*. 2019. No. 10. P. 37. DOI: [10.3390/rel10010037](https://doi.org/10.3390/rel10010037)
28. Beider N. Religious residue: The impact of childhood religious socialization on the religiosity of nones in France, Germany, Great Britain, and Sweden. *The British Journal of Sociology*. 2023. No. 74. P. 50–68. DOI: [10.1111/1468-4446.12982](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12982)
29. Herranz de Rafael G., Fernández-Prados J.S. Religious Beliefs and Socialization: An Empirical Study on the Transformation of Religiosity in Spain from 1998 to 2018. *Religions*. 2024. No. 15. P. 848. DOI: [10.3390/rel15070848](https://doi.org/10.3390/rel15070848)
30. Niklová M., Hanesová D. *Religious Education as a Platform for Pupils' Social Development and Prevention of Internet Addiction: The Case of Slovakia*. *Religions*. 2024. No. 15. P. 585. DOI: [10.3390/rel15050585](https://doi.org/10.3390/rel15050585)

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 20.10.2025; принята к публикации: 27.10.2025.

Received: 31.07.2025; revised after review: 20.10.2025; accepted for publication: 27.10.2025.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.7

EDN: LZBJBL

А.Н. МАЛИНКИН

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ» А.А. ЗИНОВЬЕВА: РЕКОНСТРУКЦИЯ И АНАЛИЗ

Аннотация. В статье реконструируется и анализируется социально-антропологический аспект «логической социологии» А.А. Зиновьева (1922–2006). Основные положения его социально-антропологических взглядов формулируются в виде четырех тезисов. Первым в качестве отправного пункта в построении социальной теории полагается двуединство индивида и социума («социального атома» и «человейника»). Вторым утверждается наличие у каждого народа своего особого характера. Третьим декларируется двусторонняя зависимость характера народа и социальных условий его жизни. Четвертым провозглашается существование двух социально-антропологических типов: «западоидов» и «*homo soveticus*’ов» — как результатов развития двух направлений социально- и культурно-исторической эволюции западноевропейской цивилизации. В заключении автор высказывает собственное мнение о социально-антропологических взглядах Зиновьева и о причинах его пессимизма в отношении будущего постсоветской России.

Ключевые слова: А.А. Зиновьев; «человейник»; качество «человеческого материала»; характер народа; социально-антропологический тип; «западоид»; «*homo soveticus*»; коммунальный индивид; западнизм; коммунизм.

Для цитирования: Малинкин А.Н. Социально-антропологический аспект «логической социологии» А.А. Зиновьева: реконструкция и анализ // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 128–145. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.7) EDN: LZBJBL

А.А. Зиновьев (1922–2006) — выдающийся советский и российский логик, методолог науки, писатель, автор многочисленных публикаций в созданном им жанре «социологических романов», а также социологических исследований коммунистического и западного обществ. В своем итоговом социологическом трактате «Логическая социология» (2002) [6] он выдвинул уникальную в истории советской и российской социальной мысли доктрину теоретической социологии. Она разработана с позиций неопозитивизма и в методологическом плане основывается на логической обработке языка социальной науки. В содержательном плане

в «Логической социологии» затрагивается большой круг тем, предлагаются оригинальная трактовка исторически новых социокультурных реалий и собственные решения проблем гуманитарных и социальных наук конца XX – XXI в.

В данной статье мы рассмотрим лишь один из аспектов «логической социологии» — социально-антропологический. Эта тема выделяется среди прочих особой значимостью. Социально-антропологический мотив появляется в самом начале «Логической социологии». Там он еще скрыт за абстрактными формулировками и малозаметен. Но уже в первой трети трактата социально-антропологическая тема выходит из кокона абстрактных формулировок, получает конкретное терминологическое выражение и концептуальное звучание. Пройдя через понятийную метаморфозу (о ней будет сказано ниже), она становится лейтмотивом, постепенно набирает силу и в последних девяти главах поднимается до мощного крещендо. Но от метафор и общих слов перейдем к реконструкции и анализу.

«Социальный атом» и «человейник»

«Логическая социология» представляет собой социально-научную теорию, или научно-теоретическую социологическую доктрину. Она начинается с констатации, что сфера изучения социальных объектов, то есть вся предшествующая социологическая мысль, отечественная и западная, находится на донаучном уровне¹. Чтобы подняться на научный уровень познания (в терминологии Зиновьева, «логический»), необходимо осуществить, как он утверждает, логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают обо всех «социальных объектах», а также осуществить логическую обработку методов исследования этих объектов. Такую обработку языка и методов Зиновьев называет собственно логической социологией. Ее главные цели: создать «методологическую основу для научного подхода к социальным объектам» [6, с. 12] и открыть «социальные законы» [6, с. 21–30].

Принципы научного мышления и подхода к исследованию Зиновьев детально описывает во многих публикациях. Кратко он сформулировал их (через противопоставление идеологическому способу мышления) так: «...непредвзятость, беспристрастность, объективность, профессиональность, логичность и диалектичность. Идеологический способ мышления является с этой точки зрения антиподом научного» [6, с. 143] (курсив наш. — А. М.). Несколько Зиновьеву удалось реализовать свою концепцию «логической социологии», вопрос далеко не простой, он заслуживает рассмотрения в отдельной статье и выходит за рамки нашей работы.

«Логическая социология» Зиновьева изучает «социальные объекты». Последние — это «человеческие объединения», объединения людей. Они, как пишет Зиновьев, многочисленны и разнообразны. «Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человейником», — пишет он [6, с. 40]. Таким образом, «человейник» оказывается основополагающим, системообразующим понятием «логической социологии». Но что такое «человейник»? Зиновьев дает определение этого понятия

¹ Более подробно Зиновьев представил свое видение актуального состояния социальных исследований в работе «На пути к сверхобществу» [5, с. 3–9].

через перечисление ряда признаков, которые отличают «человейника» от различных скоплений людей, их соединений, группировок и т. п. как явлений внутри самого «человейника». Перечислим эти признаки.

1. «Члены человейника живут совместно исторической жизнью, то есть из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей».

2. «Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человейника».

3. «Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человейнике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человейника».

4. «Члены человейника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человейника».

5. «Человейник занимает и использует определенное пространство (территорию)…».

6. «...обладает относительной автономией в своей внутренней жизни...», «...производит или добывает средства существования...».

7. «...защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию».

8. «Он обладает внутренней идентификацией, то есть его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих».

9. «Он обладает также внешней идентификацией, то есть люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человейника осознают их как чужих» [6, с. 40].

Свой первый и главный социально-антропологический тезис о социальной сущности человека, о его природной (естественной) социальности Зиновьев формулирует так: «Человек в качестве социального атома возникает и существует лишь как член человейника, а человейник — лишь как объединение людей в этом качестве» [6, с. 41]. Эта, казалось бы, простая формулировка *implizite* заключает то, что Зиновьев называет «объективной диалектикой» или «диалектикой бытия» [6, с. 29–38]: реальное двуединство, перманентно воспроизводящееся через борьбу двух противоположностей — «социальных атомов» и «человейника» как единого целого.

Очевидно, что смысловое содержание понятия «человейник» прямо связано с культурно- и социально-антропологической проблематикой. Отчасти оно перекликается с тем смыслом, который Ф. Тённис вкладывал в понятие «жизненная общность», проецируя его на такие социальные реалии, как семья, род, клан, крестьянская община, племя. Зиновьев косвенно признает это, когда объясняет, что такое «человеческий материал». Члены «человейника» есть его «человеческий материал», пишет он. «Люди суть биологические существа. <...> Происходит регулярное воспроизведение человеческого материала. <...> Биологический механизм воспроизведения человеческого материала и его разрастание является исторически исходной и фундаментальной формой человеческого материала человейника. Это — семьи, их разрастание, роды, племена, союзы родов и племен» [6, с. 42].

Управляющий орган «человейника», продолжает Зиновьев, образует один человек, воплощающий в нерасчлененном виде все функции «мозга» объединения. Прочие члены объединения в столь же недифференцированном виде воплощают функции «тела». Все совместно занимаются воспроизведством и обучением «человеческого материала». Это, по выражению Зиновьева, «одноклеточный» «человейник». За тысячелетия образовались современные гигантские «человейники», состоящие из миллионов человек. Сложнейшая структура «многоклеточных» «человейников» стала следствием роста числа людей и сформировалась в результате действия множества социальных законов, утверждает он.

«Человейник» характеризуется вещественным материалом («материальной культурой»), из которого он строится, и своей социальной организацией, продолжает Зиновьев. «Материал человейника образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования, — орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Будем называть это материальной культурой. <...> Объектом внимания становится организация материала — социальная организация людей как социальных атомов. Так что логическая социология может считаться теорией социальной организации человейников» [6, с. 41] (курсив наш. — A. M.).

Качество «человеческого материала» и «характер народа»

Второй социально-антропологический тезис Зиновьева представляет собой постулат о наличии у каждого народа особого характера.

«Народ», в понимании Зиновьева, есть новый уровень «человеческого материала», соответственно, новый уровень социальной организации «человейника», более высокий по сравнению с «одноклеточным» «человейником» и даже племенем или союзом племен, — это «объединение социобиологическое, хотя и возникающее из биологического материала, но возникающее и живущее по социальным, а не по биологическим законам»² [6, с. 42]. В силу длительного совместного существования в человеческом объединении, которое складывается в единый народ, вырабатывается единый язык, продолжает Зиновьев, устанавливаются личные контакты и деловые связи, формируются бытовые традиции, образовательные учреждения, браки заключаются главным образом внутри него. Люди проводят почти всю жизнь в этой среде. «Образуются некая единая человеческая масса и среда, воспроизводящаяся в более или менее устойчивом виде из поколения в поколение. Люди оказывают влияние друг на друга, приспосабливаются к общим для них условиям бытия. Изобращаются средства искусственного воздействия на людей, вынуждающие их быть средне-нормальными представителями целостности. Формируется то, что можно назвать характером этого феномена именно как целого, характером этого народа» [6, с. 42] (курсив наш. — A. M.).

² «Игнорирование этого (на мой взгляд, банального) обстоятельства, — пишет Зиновьев, — служит логическим основанием для непомерно усложненных гумилево-образных мистификаций феномена народа» [6, с. 42].

Зиновьев выделяет две группы отличительных признаков народа. К первой он относит признаки, характеризующие народ «как множество людей». Имеется в виду социально-демографический состав народа. Люди разделяются на различные категории: возрастные, половые, этнические, по роду занятий и т. д., подсчитываются величины и пропорции этих категорий. Несводимость таких признаков к признакам отдельных людей очевидна, констатирует Зиновьев. Ко второй группе он относит признаки, характеризующие народ как целое, то есть «как единое существо, отвлеченно от его разделения на отдельных людей и их группы». «При этом народ рассматривается по тем же признакам, что и отдельные люди, — с точки зрения интеллекта, творческих потенций, смелости, предприимчивости, жестокости, доброты, склонности к панике и предательству, стойкости, чувства собственного достоинства, общительности, сдержанности, степени организованности и других социально значимых признаков» [6, с. 42] (курсив наш. — А. М.).

Характер народа включает комплекс признаков, черт, свойств, которые распределены между различными представителями народа в различных комбинациях, пропорциях и величинах, подчеркивает Зиновьев. В большом народе можно обнаружить все возможные варианты, тогда как индивид, обладающий всем комплексом этих признаков и к тому же в развитой форме, в действительности существовать не может. В комплекс признаков народа могут входить такие, которые окажутся несовместимыми в характере отдельно взятого индивида. Но как же выяснить, какой именно характер у того или иного народа?

«Характер того или иного конкретного народа выясняется опытным путем, — заявляет Зиновьев. — Причем до сих пор это делается лишь на уровне обыденского сознания. Чаще это делали и делают писатели и иностранные наблюдатели — народы сами правду о себе не любят» [6, с. 44] (курсив наш. — А. М.). Можно согласиться с Зиновьевым: действительно, не любят. Но писатели, особенно поистине великие — например, такие как И. Гёте, Ф. Шиллер у немцев, Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов у нас, У. Шекспир, Ч. Диккенс в Англии, Дж. Лондон, М. Твен в США, — на наш взгляд, в целом правдиво описывают характеры своих народов, хотя в силу самой специфики художественно-литературного творчества преувеличивают их достоинства или недостатки. Впрочем, последнее достаточно очевидно и легко учитывается.

А вот насколько могут быть правдивы суждения иностранных наблюдателей о характере чужого им народа — всегда большой вопрос. Нередко в них просматривается склонность идти на поводу индивидуально-личных вкусов, симпатий и антипатий либо нежелание понимать другой народ, мотивированное ксенофобией. Следствием ксенофобии оказываются предвзятость, злопыхательство, ложь, клевета. Классическим примером русофобской клеветы являются мемуары А. де Кюстина. Критикуя самодержавный строй России Николая I, он комментирует найденное им у Н.М. Карамзина письмо 300-летней давности барона Герберштейна, посланного императору Максимилиана при великом князе Василии Ивановиче таким образом: «Я не знаю, характер ли русского народа создал таких властителей, или же такие властители выработали характер русского народа. <...> Но мне все же кажется, что здесь налицо обоюдное влияние. Нигде, кроме России, не мог бы возникнуть подобный государственный строй, но и русский народ не

стал бы таким, каков он есть, если бы он жил при ином государственном строе. <...> Да, можно сказать, что весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания» [9, с. 72, 73]³.

Иногда, продолжает Зиновьев, предпринимались попытки специального изучения характера народа, главным образом когда планировалось его покорение. Так, немцы перед нападением на Советский Союз в 1941 г. изучали характер народов, его населявших, особенно русского народа. В подтверждение слов Зиновьева укажем на исследование Альфреда Розенберга «Миф XX века». Человек далеко не глупый и образованный, он не смог пробиться через пелену нацистских идеологических иллюзий к правде о русском человеке, превратно истолковал Достоевского и стал жертвой самообмана. «В 1917 г. с “русским человеком” было покончено, — писал идеолог Розенберг. — Он распался на две части. Нордическая кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмык-татарин Ленин стал правителем. <...> Смердяков управляет Россией <...> Большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане, которое не могло решиться на честь, а только на бескровную “любовь”» [12, с. 157] (курсив наш. — А. М.).

На Западе в период холодной войны характер народов СССР, прежде всего русского, изучался советологами в еще больших масштабах, констатирует Зиновьев. Результаты этого изучения эффективно использовались западным миром в идеологической борьбе против СССР, отмечает он. «В наше время изучение характера народов, включая точные количественные измерения и вычисления, становится жизненно важным делом. Печальный опыт Советского Союза после 1985 г. может служить классическим примером того, что произойдет со страной, если ее руководители в своей реформаторской деятельности не считаются с характером человеческого материала своей страны» [6, с. 44].

Как Зиновьев предлагает изучать то, что называет «характером народа»?

«Для измерения величин, определяющих характер народов, необходимо изобрести особые средства измерения и вычисления, — заявляет он. — Это должны быть особые тесты (эталоны), подобные тем, какие уже применяются социологами для других целей, а также логико-математическая обработка определенным образом отобранных и собранных статистических данных. Характеристики народа нельзя точно оценить путем приведения примеров выдающихся личностей и событий из истории этого народа» [6, с. 45] (курсив наш. — А. М.). Здесь с приверженцем строго научной социологии, каким был Александр Александрович, можно спорить.

На наш взгляд, в деле изучения характера народа, его ценностей, его души или ментальности не стоит целиком полагаться на результаты применения различных инструментов из арсенала эмпирической социологии, равно как и на логико-математическую обработку собранных данных. Конечно, какую-то информацию об этих нематериальных реалиях они несут. Но способны ли мы точно узнать, какую именно? Ведь здесь одна проблема незаметно подменяется другой: как превратить *количественную информацию в основанное на понимании качественное знание* о том, что называется «характером народа»? Между тем Зиновьев сам не

³ Ср. третий социально-антропологический тезис Зиновьева.

раз критиковал «террор эмпиризма»⁴. Более того, как увидим ниже, для описания качеств «человеческого материала», из которых в конечном счете складывается характер различных народов, ему самому не потребовались ни тесты, ни логико-математическая обработка статистических данных.

В конце XX — начале XXI в. возникли сложные социальные проблемы, решение которых зависит от фактических качеств и потенций народов, продолжает Зиновьев. «Тут отделаться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы у всех и безграничны, уже нельзя, — справедливо утверждает он. — *Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предпримчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в владении современной технологией и т. д.* Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме значит сохранять идеологические заблуждения другого рода» [6, с. 45] (курсив наш. — A. M.).

Характер народа, продолжает Зиновьев, формируется «путем поощрения одних прирожденных способностей людей и препятствования другим». Этот процесс он считает «искусственным». Отчасти это так, но лишь отчасти. В действительности социокультурная (воспитательная) селекция, как правило, не есть следствие произвольных решений и желаний руководителей народа, но является реакцией на типичные для данной страны естественные процессы (например, природно-климатические), а также геополитически вынужденные (например, войны с агрессивными соседними племенами и народами). Однако верно, что «искусственный отбор индивидов с определенными природными способностями» детерминирован социальными, а не биологическими законами. Складывается механизм сохранения народного характера и передачи его от поколения к поколению, который является важнейшим компонентом механизма самосохранения народа, подчеркивает Зиновьев. Этот механизм «социальной наследственности», по его мнению, «содержит в себе в снятом виде механизм биологической наследственности». Главными в нем являются «система воспитания, культура, идеология, религия, моральные нормы и другие социальные факторы» [6, с. 46] (курсив наш. — A. M.).

Нельзя не согласиться с Зиновьевым в том, что касается понимания характера народа как определенной индивидуальной целостности, которая исторически устойчива, несмотря на постоянные изменения социокультурных реалий. «Народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же характера. — пишет он. — Характер народа устойчив и даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как единого этнического образования. Если он разрушается, восстановить его можно с таким же успехом, как оживить мертвого. <...> Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже его историческая гибель. Думаю, что такая ситуация наступила для русского народа после антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы» [6, с. 46].

⁴ «Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и оболовивания масс» [5, с. 7]. Нашу позицию в отношении научного познания качественных аспектов социальной реальности, среди которых выделяются прежде всего ценности, мы изложили в работе [10].

Двусторонняя зависимость характера народа и социальных условий жизни

Третий социально-антропологический тезис Зиновьева состоит в утверждении двусторонней (обоюдной) зависимости характера народа и социальных условий жизни. Сложившись, механизм социальной наследственности «вынуждает народ приспосабливать сами условия жизни к своему характеру», — утверждает он [6, с. 46]. Более определенно автор высказывает об этом, когда вводит концептуально важные понятия «социальная организация» и «тип социальной организации». В контексте логической социологии они выступают аналогами таких понятий, как «общественный строй», «социальный строй», «общественное устройство», «социальная система» и т. п. Иногда Зиновьев сам использует перечисленные понятия, подразумевая при этом «социальную организацию» или «тип социальной организации».

Принято считать, пишет Зиновьев, что социальная организация «человека» влияет на характер народа, обладающего такой организацией. Это правда, поскольку люди приспосабливаются к условиям своего социального бытия. «Но столь же верно и то, что *люди сами в какой-то мере приспосабливают условия своего бытия к своим качествам, — люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип социального устройства*. Тут зависимость двусторонняя, — пишет Зиновьев⁵. — А между тем вторая часть истины не только не общепризнана, а, скорее, обще-отвергнута. *Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм*. Смысл этого табу очевиден. Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения. Она не может допустить даже намека на то, что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе. Еще недавно коммунистическая идеология стремилась навязать человечеству убеждение, будто коммунистический социальный строй пригоден для всех народов» [6, с. 65–66] (курсив наш. — А. М.).

Социальный строй западных стран, подчеркивает Зиновьев, создавался, сохранялся и завоевывал себе место на планете не абстрактными человеческими существами, а конкретными народами. «Аналогично коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру русского народа» [6, с. 66]. Когда социальный строй определенного типа складывается у какого-то народа, он может быть заимствован другими народами или навязан им извне силой. «Но когда речь идет об исторически первом или спонтанном возникновении того или иного социального строя, оно было бы невозможно без определенных качеств человеческого материала. <...> Убеждение, будто различные типы социальных систем суть ступени в развитии одного и того же абстрактного “человечества” и будто любой народ может пройти эти ступени в своей имманентной эволюции, есть предрасудок» [6, с. 66, 67] (курсив наш. — А. М.).

⁵ Эту мысль, полемизируя с К. Марксом, Зиновьев высказал еще в 1980 г., правда, в несколько иной форме: «Люди сами суть продукт истории и как таковые обладают такими свойствами, которые не зависят ни от каких социальных преобразований и от которых, наоборот, зависят возможности самих этих преобразований» [3, с. 16].

Среди многочисленных «аспектов» «человейника» Зиновьев особо выделяет четыре: «деловой» (связанный с производством) и коммунальный (связанный с общением). В западных обществах преобладает деловой аспект, в коммунистических — коммунальный. Они сосуществуют в одном измерении, постоянно друг с другом взаимодействуя⁶. В другом измерении находятся и аналогичным образом взаимодействуют два других аспекта «человейника»: *телесный* и *ментальный*. Зиновьев оговаривается: это именно всего лишь аспекты, во всех социальных объединениях они сосуществуют. Ментальный аспект превращается в обществах и сверхобществах в «идеосферу» как необходимый компонент социальной организации, связанный с необходимостью идейно-ценостного направления сознания людей и управления им с целью сохранения единства и сплоченности социума.

Зиновьев выделяет в «человейниках» три уровня: микроуровень, макроуровень и сверхуровень⁷, рассматривает общества западного и коммунистического типов на каждом из них. Поскольку эти структурные особенности «человейника» не имеют *прямого* отношения к социальной антропологии, не будем заострять на них внимание. В плане рассматриваемой нами темы важнее другой вопрос: чем мотивировался выбор Зиновьевым основания для деления «человейников» на два указанных выше типа? При том что он был обусловлен объективными социально- и культурно-историческими процессами в современных обществах и миропорядке в целом, на наш взгляд, в нем явно отразились личные исследовательские интересы Зиновьева.

«Западоид» и «*homo soveticus*» как социально-антропологические типы

Четвертый социально-антропологический тезис Зиновьева состоит в утверждении о существовании двух социально-антропологических типов.

Разумеется, речь идет об идеальных типах, рациональных конструкциях как составных элементах той *логической модели* реальной истории и миропорядка XX — начала XXI в., которую выстраивает Зиновьев. Оба они — порождения

⁶ О способе их взаимодействия в каждом большом и развитом обществе Зиновьев ранее писал так: «Западнизм есть единство этих аспектов, в исторически исходном пункте и в основах которого доминирующую роль играет деловой аспект, а коммунизм есть единство этих аспектов, в исторически исходном пункте и в основах которого доминирующую роль играет коммунальный аспект. Это доминирование означает, что в одном случае законы делового аспекта оказывают самое сильное влияние на все жизненно важные явления общества, а в другом — законы коммунального аспекта. При этом явления одного аспекта принимают формы другого, становятся средством другого» [4, с. 228].

⁷ Терминология Зиновьева изобилует понятиями с приставкой «сверх-». Чтобы пояснить их смысл, приведем общую дефиницию понятий такого рода. «Социальный объект А, — пишет Зиновьев, — я называю сверхобъектом по отношению к социальному объекту В и употребляю при этом выражение “сверх В”, если и только если объект А содержит в себе в “снятом” виде основные признаки объекта В и, сверх того, обладает признаками, выходящими за рамки В. В сверхобъекте А можно, таким образом, различить две части: 1) базисную, в которую входят свойства объекта В, содержащиеся в А в “снятом” виде; 2) надстроечную, в которую входит то, что не входит в базисную часть, но вырастает на ее основе. Эта надстроечная часть образует новый эволюционный уровень, новое качество, отличающее А от В именно в эволюционном плане» [6, с. 206]. Ключевые слова здесь: «базис», «надстройка», «в “снятом” виде», «новое качество». Они отсылают к одному из принципов научного способа мышления, принятому Зиновьевым, — *диалектичности* — и указывают на неомарксистские предпосылки его теоретической социологии.

западноевропейской цивилизации, двух тенденций, «линий» в ее эволюции: «западнистской (или американской)» и «коммунистической (или советской, или русской)» [6, с. 203]. Оба являются результатами практического осуществления двух антропологических проектов, сформировавшихся в лоне этих тенденций. Речь идет, с одной стороны, о «западоиде», а с другой — о «*homo soveticus'e*», или «гомо советикусе», или просто о «гомососе» (так Зиновьев назвал коммунистический тип человека, прежде всего русского, в одном из своих социологических романов⁸). «Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что ряд западных теоретиков выдвинули концепцию их сближения. Каждый из них содержал какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты» [6, с. 203].

Другой социально-антропологический термин, который Зиновьев использовал в своем исследовании советского общества «Коммунизм как реальность»: «*простейший коммунальный индивид*», или просто «*коммунальный индивид*». Это такой индивид, который плывет по течению «*коммунальности*» с ее социобиологическими законами, согласно которым выживает сильнейший, хитрейший, подлейший. Термин «*коммунальность*» также характеризует этос советского человека. Зиновьев дает развернутое (отметим: нелицеприятное) описание типичной жизненной стратегии, типичного способа социального поведения советского человека, как он его понимает [3, с. 66–68]. «Человек от природы не есть ни злодей, ни добряк, — резюмирует он. — Но если человеку нужно сделать что-то в силу фундаментального принципа его коммунального бытия и он может сделать это безнаказанно, он это сделает, вернее, в нем самом по себе нет никаких ограничителей, препятствующих осуществлению такого рода действий. С этой точки зрения человек есть на все способная тварь» [3, с. 67]⁹.

«С учетом такого определения “человека” может показаться, что Зиновьев — убежденный мизантроп, — пишет Л.В. Поляков. — Однако следует помнить, что понимание исключает эмоцию и оценку. Зиновьев всего лишь констатирует, что в до-моральном, до-цивилизованном состоянии “человек” есть “коммунальный индивид”, и управляет им принцип, сформированный в ходе его “биологической эволюции”. И человек “не в силах отменить его. Он способен преодолеть его, только подчиняясь ему”» [11, с. 81–82]. Что же это за парадоксальная зиновьевская социальная диалектика? Как советский человек мог стать «цивилизованным», подчинившись нецивилизованным законам «коммунальности»?

Поляков показывает, что социальное целое («коммуна», ибо коммунистическое общество состоит из коммун) — трудовой коллектив, партия, общественная организация и др., — состоящее из «коммунальных индивидов», готовых на любую мерзость, приобретает новое добродетельное качество (псевдоморальности), поскольку внутри него происходит взаимное погашение эгоистических пополз-

⁸ Зиновьев и себя объявил «гомососом» (правда, устами героя своего «социологического романа») [2, с. 7]. В «Логической социологии» такого термина нет.

⁹ Приходят на ум слова Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено». Зиновьев исходит из того, что советский простой человек («коммунальный индивид») — такой же безбожник, как и он сам.

новений каждого индивида в отдельности [11, с. 82–84]. Фигурально выражаясь, клин вышибается клином, минус на минус дает плюс. В этом смысле коллектив действительно воспитывает. Такова специфика зиновьевского понимания знаменитого «коллективизма» советского человека.

А.С. Ушаков полагает, что Зиновьев противопоставляет «логику человека — участника общества реального коммунизма» «логике социальной атомизации и доминирования эгоистических мотивов». «Тут у Зиновьева открывается пространство ценностного подхода, который преодолевает узы социологического описания и привносит нотку антропологического оптимизма, — пишет он. — Оказывается, общество может быть выстроено на основаниях, глубоко противоречащих персональному эгоизму. Общество реального коммунизма не только бросает вызов привычным устоям “человейника”, но и преодолевает главное описание человека как участника социума. Индивидуальный эгоизм оказывается характерным только для обществ, которые предшествовали сверхобществу реального коммунизма. В рамках идеологии этого общества развивается новая линия участника общественного устройства. По сути, общество реального коммунизма требует нового социологического описания. И это социологическое описание возникает как описание общества “коммунистических ангелов”»¹⁰ [15, с. 151].

Однако в фокусе внимания автора «Логической социологии» находятся не «коммунальные индивиды» и «коммунизм», но «западоиды» и «западнизм». Именно эти социально-антропологические понятия лежат в основе тех социально-исторических реалий, критическому анализу которых посвящены последние две трети этого трактата. Речь идет о реалиях современного «западного общества», «западного сверхобщества», «западной цивилизации», «западной сверхцивилизации», «глобального человейника», «глобализации» и всего, что с ними так или иначе связано.

Надо заметить, что смещение фокуса внимания Зиновьева с критического анализа советского общества, «коммунизма как реальности» на критический анализ западного общества и феномена «западнизма» во всех его ипостасях произошло в середине 1980-х гг. — с началом горбачевской «перестройки». О мотивах этого перелома в творчестве Зиновьева есть разные мнения. На наш взгляд, ведущим мотивом было глубокое патриотическое чувство русского человека, ветерана Великой Отечественной войны, прежде малозаметное, поскольку скрывалось за едкой критикой коммунистического режима СССР. Мы полагаем, что Зиновьеву стало «обидно за державу». До 1985 г., начиная с «Зияющих высот», да и позднее он написал о коммунизме, о характере советского народа, о советском (русском)

¹⁰ Зиновьев использует этот термин, чтобы отличать советского человека в идеальном образе коммунистической идеологии от советского человека в реальности. В СССР «поощрялись самые лучшие качества — честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность Родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т. д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами — дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и тому подобного. И это не было лицемerie. *Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами.* Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941–1945 гг. Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты» [6, с. 203] (курсив наш. — A. M.).

человеке так много, что в «Логической социологии», одной из своих поздних работ, вероятно, не счел нужным повторять ранее написанное. Анализ существа той угрозы, что в очередной раз нависла с Запада над его родиной, был для него в конце XX — начале XXI в. куда важнее.

Говоря об отличительных чертах «западоидов», Зиновьев специально проговаривает методологию своей идеальной типизации. Эти черты «...не присущи каждому из них по отдельности. Они “растворены” в массе их. Люди западоидного типа и качества западоидности встречаются у всех достаточно больших и сравнительно развитых народов. Но у западных народов процент людей с качествами западоидов и концентрация “раствора” западоидности выше, чем у других народов, причем величина этого “выше” оказалась достаточной, чтобы образовать качественное отличие» [6, с. 152] (курсив наш. — A. M.).

Понятие «западоид» впервые появляется в «Логической социологии» в главе «Западнистское сверхобщество»¹¹. Термин «западнизм» — производное от понятия «западоид». «Словом “западнизм” я называю социальный строй современных стран западного мира», — пишет Зиновьев [6, с. 151]. К числу этих стран он относит США, Францию, Германию, Англию, Италию, Канаду, Австралию, Австрию, Бельгию и другие западноевропейские страны. Автор не считает корректным называть социальный строй этих стран словами «капитализм» и «демократия», потому что, по его мнению, слово «капитализм» характеризует эти страны лишь с точки зрения экономики, да и то односторонне, а слово «демократия» обозначает лишь одну из сторон политической системы этих стран. К тому же — тут он делает оговорку как логик — эти слова стали многозначными идеологическими выражениями, утратив значения научных терминов. «Реальный социальный строй современных западных стран содержит элементы капитализма и демократии, но не сводится к ним» [6, с. 152].

В этом важнейшем месте «Логической социологии» вступает в игру третий социально-антропологический тезис, согласно которому не только социальная организация (общественный строй) определяет качество «человеческого материала», характер народа, но и, наоборот, качество «человеческого материала», характер народа определяют социальную организацию (общественный строй). «Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в человечестве благодаря усилиям народов западноевропейских. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы. Они сформировались в составе единой западноевропейской цивилизации. У них выработались сходные черты, позволяющие говорить о народах и о людях западнистского типа. Назовем их западоидами» [6, с. 152] (курсив наш. — A. M.).

Вот как Зиновьев характеризует качества «западных народов (народов из “западоидов”)»: «Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень (сравнительно с другими народами, конечно). Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчетливость. Конкурентоспособность. Авантуристичность. Любознательность. Эмоциональная черствость. Холодность. Тщеславие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосход-

¹¹ Как социологическое понятие «западоид» впервые используется Зиновьевым в трактате «Запад. Феномен западнизма» (1993).

ства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов» [6, с. 152] (курсив наш. — А. М.).

Последняя констатация нуждается в пояснении. Завоеватели и колонизаторы, чтобы таковыми быть, должны по натуре своей обладать *агрессивностью, склонностью к внешней экспансии*. Такие качества требуют авантюристического, хищнического видения и осмысления мира. Вспомним, что об образе мыслей европейцев честно написал Э. Трёльч: «В европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор и миссионер» [13, с. 608]. Но каким образом сформировался тип «западоида»? Зиновьев возвращается к своему второму социально-антропологическому тезису, конкретизация которого включала понятие «искусственный отбор». Это аналог дарвиновского «естественного отбора», понимаемый как процесс, происходящий на сверхбиологическом уровне: одновременно социетальном и культурно-историческом. Смысл этого понятия, прежде казавшийся абстрактным, теперь наполняется конкретным содержанием.

«Упомянутые свойства существовали у предков западоидов в виде каких-то природных задатков, — пишет Зиновьев. — Люди с такими задатками оказались жизнеспособными. Со временем число их росло. Они становились примером для других, культивировали эти свойства у своих детей. Эти свойства доказывали свою полезность и выгодность для отдельных людей и их объединений в целом. Происходил процесс, подобный выведению культурных растений и животных. Только тут активными деятелями процесса были сами выводимые существа. Потом вступили в дело средства воспитания, образования, обучения, идеологии, пропаганды, культуры. Они сделали селекционный стихийный процесс сознательным и целенаправленным. В результате сформировался человеческий материал, благодаря которому западная цивилизация стала самой значительной в истории человечества, породила самые высокоразвитые общества и заняла лидирующее положение в современном эволюционном процессе человечества» [6, с. 153] (курсив наш. — А. М.).

Здесь в «логической социологии» происходит принципиально важная концептуальная трансформация, которая влечет за собой также понятийную метаморфозу: социально-антропологическая тема превращается в *геополитическую и политически-идеологическую*. Противопоставление западного «человеческого материала» («западоидов») советскому и постсоветскому «человеческому материалу» («*homo soveticus*») трансформируется в противостояние Запада и Советского Союза, в их идейно-ценностное противоборство и, как считал Зиновьев, катастрофическое поражение СССР в холодной войне. Вместе с тем социально-антропологическая тема получает *мировоззренческо-ценностное, философско-историческое звучание*. В нем слышны не только отголоски исторического прошлого с его войнами, но и зловещие отзвуки событий новейшей истории — последовавшее за распадом СССР уничтожение в постсоветской России коммунистического строя и насаждение «колониальной демократии».

Характеризуя «западоида» как более жизнеспособного социально-антропологического типа, одержавшего по факту истории победу над «гомососом», Зиновьев одновременно пытается осмыслить не только социально-психологические

корни «горбачевизма» и «катастройки»¹², но и заглянуть в историю народов Запада и России, где проявлялись их характеры. Но там ученый-атеист не находит для себя ничего утешительного, того, что вселяло бы в него надежду на возрождение России и русского человека. Остаются лишь ностальгия по советскому прошлому («Я считаю советский период вершиной российской истории» [8]) и горечь от его утраты, которая выражается в пессимистической оценке будущего родной страны.

С социологической точки зрения будущее России уже предопределено чуть ли не на век вперед тем антикоммунистическим переворотом, который произошел в горбачевско-ельцинские годы, писал Зиновьев в 2002 г. Вследствие него «... Россия была сброшена с вершины эволюционного прогресса на уровень страны третьестепенной важности, обретенной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма или американизма. Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет» [7, с. 4]. Что касается жизнеспособности Российской Федерации, то Зиновьев не питал в этом отношении никакого оптимизма: по его мнению, это «...социальный гибрид из обломков советизма, из подражания западнизму и из реанимации загrimированных призраков дореволюционной России», который «был сляпан на скорую руку специально с таким расчетом, чтобы не допустить возвышения России на уровень державы, играющей первостепенную роль в дальнейшей эволюции человечества. <...> В постсоветском гибиде слились воедино далеко не лучшие черты коммунизма, западнизма и феодализма, скорее — худшие» [7, с. 4].

Чем мотивировано убеждение Зиновьева в фатальной неизбежности плачевного будущего России? На наш взгляд, — верой в неотвратимость действия тех «социальных законов», которые им же самим и были *научно «изобретены»* (в понимании Зиновьева, «социальные законы» учеными не открываются, но именно «изобретаются»). В «Логической социологии» он доказывает, что «западоиды» рвутся к тотальному мировому господству посредством установления западнистской социальной организации («колониальной демократии») не потому, что они такие плохие, просто они не могут жить и действовать иначе, являясь своего рода заложниками собственного этоса и соответствующих их этосу новых типов социальной организации. «Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человечейник не ради каких-то абстрактных идеалов, а как к необходимому средству формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества» [6, с. 205]. Между тем «человеческий материал» современной России отнюдь не таков, считает Зиновьев, чтобы выдержать навязанную Западом агрессивную geopolитическую конкуренцию, в которой он готов пустить в ход любые средства для достижения своих целей.

Заключение

Социально-антропологическая тема в «логической социологии» Зиновьева может показаться второстепенной, поскольку находится в тени таких понятий, как «логическая обработка языка», «социальный атом», «социальные законы», «социаль-

¹² Названия публицистических работ Зиновьева.

ная организация». На самом деле она является важнейшей. Если указанные понятия образуют формальный структурный костяк социологической теории Зиновьева, то понятия «человейник», «человеческий материал», «качество человеческого материала», «характер народа», «западоид», «западнизм», «*homo soveticus*», «коммунальный индивид», «коммунизм» формируют ее содержательно-смысловую сердцевину. Четыре социально-антропологических тезиса, условно выделенные нами в результате анализа итогового социологического труда Зиновьева, представляют собой этапы «восхождения от абстрактного к конкретному» — шаги, которые он делает посредством метода, впервые апробированного им в молодые годы в кандидатской диссертации [1].

Конечно, чудесное превращение социально-антропологической темы в геополитическую и политически-идеологическую вызывает вопросы и сомнения. Ведь описания конкретных качеств «человеческого материала», характеров народов, geopolитических трендов, актуальных угроз для России не могут претендовать на ценностную стерильность. И описания ли это вообще в строго научном смысле слова? На наш взгляд, они, скорее, претендуют на статус «социальных законов» (в понимании Зиновьева), имеющих отчасти сущностный, отчасти статистический характер. Между тем за ними стоит не только «отнесение к ценностям» — за ними просматривается личностная мировоззренческая позиция. Этот факт констатируют и другие авторы. Так, А.С. Ушаков пишет: «Изучая работы Зиновьева, нельзя отказаться от мысли, что вся социология не более чем элемент личного высказывания автора, который не прячется за заявленной нейтральностью высказывания социологического. Такая индивидуализация социологической теории проявляется в разных аспектах. Почти всегда в ее основании лежит антропологический проект» [15, с. 145].

Что привело к скачку из ценностно-нейтрального царства логической необходимости в царство свободы отнесения к ценностям и даже оценочных суждений? Возможно, отчасти скачок объясняется стремлением автора собрать в форме компендиума, логически увязать и систематизировать свои идеинные наработки в одном суммирующем труде. Ведь ко времени написания «Логической социологии» все темы, которые в ней затронуты, в основном уже были раскрыты им в предшествующих трактатах¹³.

Мы вполне разделяем скептицизм Зиновьева в отношении новых российских реалий, сложившихся после государственного переворота 1991 г., но не разделяем его пессимизм в отношении будущего России. Причины последнего мы усматриваем в глубинных противоречиях его личности, которые типичны для многих постсоветских интеллектуалов.

Будучи русским человеком и патриотом родной страны, Зиновьев как личность сформировался в СССР, когда в нем господствовали навязанные большевиками западные (марксистские) идеи и ценности. Их ядром был научный атеизм. Зиновьев выбрал путь атеиста или — если воспользоваться выражением Л.В. Полякова — «...не то чтобы атеиста... атеизм — это примитивно, а выбрал путь веры в абсолют знания, в абсолют разума» [14, с. 175]. Став советским ученым-атеистом, воскресившим в себе энтузиазм и яростный дух эпохи Просвещения, Зиновьев осознал идеологический характер и теоретическую ограниченность

¹³ «Коммунизм как реальность» (1980), «Кризис коммунизма» (1990), «Запад. Феномен западнизма» (1993), «Глобальный человейник» (1997), «На пути к сверхобществу» (1998).

марксизма, однако сохранил верность западной мыслительной традиции, на которой был воспитан интеллектуально. Он сохранил ее даже после того, как в конце 1980-х и в 1990-х гг. разочаровался в Западе, ибо не смог обрасти мировоззренческую альтернативу ни в русской религиозной философии, ни в духовной традиции русской национальной культуры. Отсюда его мировоззренческий пессимизм, а также не вполне сбалансированные, по нашему мнению, «описания» человеческих качеств «западоидов», с одной стороны, советских и, с другой — постсоветских людей.

Л.В. Поляков считает, что Зиновьев рискнул, наперекор известным словам Ф.И. Тютчева, понять Россию умом, и ему удалось-таки это сделать с помощью логики, то есть научно-rationально [14, с. 175]. Мы придерживаемся иного мнения. Это верно, что никто лучше Зиновьева не *описал* феномен коммунизма. Но разве *объяснил* он его абсолютно верно? Нет, едва ли. Можно ли согласиться с его логикой, исходя из которой русские, расставшись с коммунизмом, навсегда вычеркнули себя из истории? Нет. Разве не стоят за этим фаталистическим приговором ошибочные (поскольку полные) отождествления российского с советским и русского с коммунистическим? Но историческая Россия глубже и шире СССР, как и русский человек глубже и шире *«homo soveticus»*. Да и сам Зиновьев как личность всегда глубже и шире тех образов строгого ученого, которые создает в своих социологических трактатах. Об этом свидетельствуют его социологические романы, эссе, живописные произведения, стихи, в частности, стихотворная молитва Богу из книги «Зияющие высоты», которую цитирует Л.В. Поляков [14, с. 190–191].

С тех пор как Зиновьев ушел из жизни, минуло почти 20 лет. За это время наметилась тенденция к возрождению России как суверенного государства-цивилизации. В «Логической социологии» ученого не нашлось места — по крайней мере, системно обоснованного — для понятия «личность», для концепции «роли личности в истории». В социально-научных трактатах Зиновьева личность, как у Гегеля и Маркса, — всего лишь марионетка социально-исторических сил¹⁴. Рационалистическая (а следовательно, и чисто логическая) трактовка личности и ее роли в истории должна быть, наконец, отвергнута. В реальной истории России роль личности всегда была чрезвычайно велика, и наше время вовсе не исключение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Телефон: +7 (499) 120-82-57. Электронная почта: lo_zio@bk.ru

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 128–145. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.7

Research Article

ALEXANDER N. MALINKIN¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

¹⁴ Напротив, «социологические романы» Зиновьева переполнены анонимными личностями, ведомыми, как в кукольном театре, многоликой личностью самого автора.

THE SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF “LOGICAL SOCIOLOGY” BY A.A. ZINOVIEV: RECONSTRUCTION AND ANALYSIS

Abstract. The article reconstructs and analyzes the socio-anthropological aspect of “logical sociology” by A.A. Zinoviev (1922–2006). The main provisions of his socio-anthropological views are formulated in the form of four theses. The first, as a starting point in the construction of social theory, is the duality of the individual and society (“social atom” and “cheloveinik”). The second asserts the presence of each nation’s own special character. The third declares the two-way dependence of the character of the people and the social conditions of their life. The fourth proclaims the existence of two socio-anthropological types — “zapadoids” and “homo soveticus” — as the results of the development of two directions of the socio- and cultural-historical development of Western European civilization. In conclusion, the author expresses his own opinion on Zinoviev’s socio-anthropological views and on the reasons for his pessimism regarding the future of post-Soviet Russia.

Keywords: A.A. Zinoviev; cheloveinik; quality of human material; character of the people; socio-anthropological type; zapadoid; homo soveticus; communal individual; zapadnizm; communism.

For citation: Malinkin, A.N. The Social-anthropological Aspect of “Logical Sociology” by A.A. Zinoviev: Reconstruction and Analysis. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 128–145. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.7)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФРАН, 2002. — 321 с.
Zinoviev A.A. *Ascent from the Abstract to the Concrete (Based on K. Marx's "Capital")*. Moscow: IFRAS publ., 2022. 321 p. (In Russ.)
2. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. — 199c.
Zinoviev A.A. *Homo soveticus*. Lausanne: L'Age d'Homme publ., 1982. 199 p. (In Russ.)
3. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. — 495 с.
Zinoviev A.A. *Communism as a Reality*. Moscow: Centerpoligraf publ., 1994. 495 p. (In Russ.)
4. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. — 461с.
Zinoviev A.A. *The West. The Phenomenon of Zapadnizm*. Moscow: Centerpoligraf publ., 1995. 461 p. (In Russ.)
5. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. — 638 с.
Zinoviev A.A. *On the Way to Supersociety*. Moscow: Centerpoligraf publ., 2000. 638 p. (In Russ.)
6. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. — 260 с.
Zinoviev A.A. *Logical sociology*. Moscow: Socium publ., 2002. 260 p. (In Russ.)
7. Зиновьев А.А. Постсоветизм // Завтра. 2002. № 5 (428). С. 4.
Zinoviev A.A. Post-Sovietism. *Zavtra*. No. 5 (428). P. 4. (In Russ.)
8. Зиновьев А.А. Александр Зиновьев о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. — 240 с.
Zinoviev A.A. *Alexander Zinoviev on the Russian Catastrophe. From Conversations with Viktor Kozhemyako*. Moscow: Algorithm: Eksmo publ., 2009. 240 p. (In Russ.)
9. Кюстин А. де Николаевская Россия / [Пер. с фр. Я. Гессена и Л. Домгера; Вступ. ст., ред. и примеч. С. Гессена, А. Предтеченского]. М.: ACT; Хранитель, 2008. — 411 с.

- Kyustin A. de *Nikolaevskaya Russia*. Transl. from French; Ed. by S. Gessen, A. Predtechenskiy. Moscow: AST publ., Khranitel publ., 2008. 411 p. (In Russ.)
10. Малинкин А.Н. Ценности: может ли их изучать наука? К истории, теории и методологии вопроса // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 128–138. DOI: [10.31857/S0132162524040111](https://doi.org/10.31857/S0132162524040111) EDN: QTWYRC
Malinkin A.N. Values: Can Science Study them? On the History, Theory and Methodology of the Issue. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 4. P. 128–138. DOI: [10.31857/S0132162524040111](https://doi.org/10.31857/S0132162524040111) (In Russ.)
11. Поляков Л.В. Коммунистический антикоммунизм Александра Зиновьева // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-политических и экономических исследований, 2023. С. 75–88. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-75-88](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-75-88) EDN: OYFQJO
Polyakov L.V. Communist anti-communism of Alexander Zinoviev. *Notebooks on Conservatism: Almanac. No. 1.* Moscow: Non-profit foundation — Institute of Socio-Political and Economic Research publ., 2023. P. 75–88. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-75-88](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-75-88) (In Russ.)
12. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин: Schildex, 1998. — 540 с.
Rozenberg A. *Myth of the XXth Century. Assessment of the Spiritual and Intellectual Struggle of Figures of Our Time*. Tallin: Schildex publ., 1998. 540 p. (In Russ.)
13. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. — 720 с.
Troeltsch E. *Historicism and its Problems. The Logical Problem of the Philosophy of History*. Transl. from Germ. Moscow: Jurist publ., 1994. 720 p. (In Russ.)
14. Триалог. Пониматели России: Достоевский, Бердяев, Зиновьев // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-политических и экономических исследований, 2023. С. 173–191. EDN: FLYNCS
Triologue. Understanding Russia: Dostoevsky, Berdyaev, Zinoviev. *Notebooks on Conservatism: Almanac. No. 1.* Moscow: Non-profit foundation — Institute of Socio-Political and Economic Research publ., 2023. P. 173–191. (In Russ.)
15. Ушаков А.С. Энтузиасты или фанатики? Некоторые аспекты антропологических проектов Зиновьева и Юма // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-политических и экономических исследований, 2023. С. 145–156. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-145-156](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-145-156) EDN: PVCDWQ
Ushakov A.S. Enthusiasts or Fanatics? Some Aspects of Zinoviev and Hume's Anthropological Projects. *Notebooks on Conservatism: Almanac. No. 1.* Moscow: Non-profit foundation — Institute of Socio-Political and Economic Research publ., 2023. P. 145–156. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-145-156](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-145-156) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.11.2025; принятая к публикации: 20.11.2025.

Received: 15.08.2025; revised after review: 15.11.2025; accepted for publication: 20.11.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.8

EDN: QUKIEH

Л.А. КОЗЛОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: «ПРОГРАММА» К.Д. КАВЕЛИНА

Аннотация. В статье исследуются представления Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885), русского социального мыслителя и общественного деятеля, о задачах социально-научного познания его времени. Даются историческое описание интеллектуальных влияний, феноменологическое описание личного опыта Кавелина, сделан текстологический анализ его поздних работ, затронуты некоторые источниковедческие вопросы, касающиеся идейной атмосферы эпохи и творчества мыслителя. Предпринимается попытка исследовать позднее наследие Кавелина с историко-социологической, социально-философской и эпистемологической точек зрения, в разрезе эволюции его идей, направленных на разработку методологии социального познания, чему ранее не уделялось внимание в научной литературе. Использованы труды 1870–1880-х гг., письма и воспоминания Кавелина и его окружения, а также работы современных российских обществоведов.

Показано, что интерес К.Д. Кавелина к духовно-нравственной жизни российских людей, «нашему умственному строю» имел личностные основания и смыслы, связан с его мировоззрением, чертами характера, влияниями интеллектуального окружения и общественными интересами. Приводятся оценки Кавелиным главных направлений российских философии и науки. Критикуя их, он предлагает собственное видение развития социального познания, которое с долей условности можно назвать теоретико-методологической «программой». В ее центре — внимание к изучению человека, его потребностей и путей духовно-нравственного, психического развития; отдельная личность, по Кавелину, — главный элемент общества и двигатель общественного прогресса. Комплекс теоретико-методологических идей Кавелина основан на синтезе психологических и этических воззрений, развитие социальной мысли ставится им в зависимость от состояния и перспектив психологии и этики как приоритетных наук для познания человека и общества современной ему России.

Выявлено, что «программа» позднего Кавелина эволюционирует от постановки задач психологических к задачам этико-философским и в конечном итоге определяется синтезом его психологических и социально-философских представлений. В его мировоззрении и предлагаемой методологии социального познания прослеживаются принципы социологического номинализма, антропоцентризма, психологизма. Сделаны выводы о вкладе учения К.Д. Кавелина в историю русской мысли, о культурологическом значении «программы», о связи теоретических идей мыслителя с дореволюционными социально-научными традициями в России.

Ключевые слова: К.Д. Кавелин (1818–1885); история русской социальной мысли второй половины XIX в.; интеллектуальная атмосфера в России; «наш умственный строй»; социологический номинализм; антропоцентризм; психологизм; эпистемология; психология; этика; социальная философия; традиция русской мысли.

Для цитирования: Козлова Л.А. Задачи социального познания во второй половине XIX в.: «программа» К.Д. Кавелина // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 146–174. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.8) EDN: QUKIEH

Введение

Русскую мысль второй половины XIX в. можно считать прелюдией к институциональному становлению социальных и гуманитарных наук. Идеи, связанные со становлением истории, психологии, этнографии, антропологии, развивались в университетах, в научно-публицистических изданиях. После отмены крепостного права и знакомства русских интеллектуалов с трудами О. Конта появились начатки новой науки — социологии. Известный историк отечественной социальной мысли И.А. Голосенко отмечает, что с середины 1860-х гг. в отдельных работах под определением «философия истории “на научной основе”» упоминается термин «социология» [6, с. 3]. Первый историограф русской социологии Н.И. Кареев указывает, что в 1880-е гг. «самые слова “социология” и “социологический”» становились все популярнее. Однако они далеко не всегда соответствовали этой науке содержательно [5, с. 4]. Тем не менее к концу века было издано немало статей и книг с попытками определить предмет и метод социологии, под знаками позитивизма, неокантианства, марксизма, религиозной философии складывались различные идеинные направления; также публиковались переводы западных авторов (см., например, библиографический указатель изданий второй половины XIX – начала XX в., составленный И.А. Голосенко: [5]).

К настоящему времени история отечественной социальной мысли рассматриваемого периода насчитывает немало исследований. В фокусе историко-социологических работ, как правило, объективистской ориентации, — содержание идей и направлений, биографии и вклады видных мыслителей. Еще одна обязательная тема — социально-политическая обстановка в России, влиявшая на их творчество. В этой статье речь идет о духовно-нравственной и социокультурной атмосфере, в которой формировалась русская социальная мысль. Подробно рассмотрено позднее творчество видного историка, публициста, правоведа, философа и социолога Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885) на предмет его представлений о путях и методах социального познания. В течение десятилетий мыслитель находился в гуще интеллектуальной и общественной жизни, в его научно-публицистических работах сочетались идеи ведущих направлений социальной мысли, анализировалась ее динамика. Духовно-нравственную атмосферу общества своего времени он в широком смысле определял как «наш умственный строй», понимая под ним российские особенности, воплощавшиеся в культуре, науке, образовании, народном быте. Из особенностей «умственного строя» он выводил и характерные черты социального познания, свои представления о его должном развитии. В 1870–1880-е гг. Кавелин предложил собственное видение путей социального познания, основанное на пси-

хологических и этических знаниях того времени и своих интерпретациях. С долей условности мы назовем это видение теоретико-методологической «программой» совершенствования социальной мысли и общественной жизни в России. Как нам представляется, именно такой смысл в свои поздние работы вкладывал их автор, хотя ни сам он, ни кто-либо из его окружения не воспользовались этими идеями как исследовательской программой в буквальном смысле. Причины тому, по-видимому, кроются в становящемся, пульсирующем характере социального познания того времени, многоголосии подходов и позиций.

Идеи психологические и этические не полностью покрывают вклад Кавелина в копилку интересующей нас проблематики. Ему принадлежат программные труды по русской истории и истории права, историографии, историософии, посвященные народному быту, освобождению крестьян, правовым вопросам российского общества, в которых автор также касался методов познания¹. Статья посвящена поздним трудам Кавелина 1870–1880-х гг., ставшим своего рода духовным и научным завещанием. В них мыслитель специально сосредоточился на изучении проблем духовной и нравственной жизни науки и общества, связывая их развитие с необходимостью познания внутренней жизни личности, с разработкой соответствующих подходов и методов. Заметим, что к этому кругу вопросов он последовательно приближался с 1840-х гг. и в позднем творчестве имел возможность рассмотреть российскую мысль в исторической ретроспективе, в текущем состоянии и в перспективе. Исторические, историософские и правоведческие размышления и подвели Кавелина к мысли, что административных реформ российского общества будет недостаточно для его переустройства, что необходимо усовершенствование нравственности, определение духовных взаимоотношений личности и общества. Его «программа» посвящена обоснованию значения этики и психологии для достижения этих целей.

В советское время работы Кавелина не пользовались активным вниманием исследователей². В последние десятилетия интерес к ним возобновился — главным образом среди историков и философов. Исследователей преимущественно привлекали исторические, общественно-политические и правоведческие идеи мыслителя, его вклад как основоположника русского либерализма, одного из основателей государственной школы русской историографии³. В известных нам публикациях мы не находим специального анализа рефлексии К.Д. Кавелина над

¹ Например: «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), «Мысли и заметки о русской истории» (1866), а также «Краткий взгляд на русскую историю» (опубликованный в 1887 г. конспект лекций, прочитанных в Бонне в 1863–1864 гг.) и др.

² Первый послереволюционный сборник его трудов был опубликован только в 1989 г., см.: [16].

³ В этих работах, в частности, рассмотрены философские взгляды Кавелина как системы [10; 29], гуманистические мотивы его философии [26], философский анализ русской истории [24; 33], философский анализ культуры [9], история русского либерализма [8], история Российского государства (см., например: [1; 31]). А.Н. Медушевский проанализировал социологическую концепцию юридической школы [25]. Опубликованы диссертации и статьи, рассматривающие наследие Кавелина с точки зрения специальных областей знания и посвященные анализу психологических (см., например: [35]), этических (см., например: [4; 11; 23; 34]), эстетических [23] взглядов мыслителя. Отметим крупное исследование историка Р.А. Арсланова (2000) [2], в котором впервые проведен комплексный анализ личности и государственного мировоззрения Кавелина с точки зрения его вклада в теорию русского либерализма, а также в разработку либеральных принципов, связанных с разрешением проблем пореформенной России; приведена эволюция его либеральных идей.

проблематикой социального познания и его интеллектуальной среды. Лишь в немногих статьях анализируются кавелинские интерпретации «умственного строя» России и интеллектуальной среды социальной мысли (см., например: [7; 29]).

Прежде чем перейти к анализу произведений Кавелина, уделим внимание его личности, черты которой, факты из жизни, на наш взгляд, во многом объясняют его отношение к науке и социальной действительности, своеобразие стиля мышления. Далее остановимся на анализе вопросов, которые мыслитель решает в наиболее значимых работах второй половины века: какова интеллектуальная и духовно-нравственная атмосфера, или «наш умственный строй», в котором развивалась российская социальная мысль? каковы состояние мыслящей и действующей личности, соотношение личности и общества? в чем заключаются насущные задачи и способы научного осмысливания общественной жизни? в каких направлениях и какими методами следует развивать социальную мысль? Кавелин был частью интеллектуальной среды, во многом предопределявшей основы академического обществознания, а его поздние идеи представляют собой одну из попыток осмыслить ростки социальной науки.

В статье дано историческое описание интеллектуальных влияний на творчество Кавелина, феноменологическое описание его личного опыта, сделан текстологический анализ поздних работ, затронуты некоторые источниковедческие вопросы, касающиеся творчества мыслителя и его интеллектуального окружения. В качестве материала использованы социально-научные труды 1870–1880-х гг., письма и воспоминания Кавелина и его современников, а также более поздние работы российских обществоведов.

Личность К.Д. Кавелина: идейные влияния и мировоззрение

Выбору Кавелиным проблематики духовной и научной жизни России, антропоцентризму его подхода, как представляется, немало способствовали мировоззрение, личные качества и общественные интересы мыслителя. В кратком феноменологическом описании попытаемся рассмотреть личный опыт и смыслы, которые он вкладывал в свою научно-публицистическую деятельность.

Многоплановые идеи Кавелина как публициста, ученого, профессора и литератора, общественного деятеля подкреплялись началами личной высокодуховности и нравственности, о чем свидетельствовали современники (см., например: [20; 21])⁴. В свое время он был хорошо известен в интеллектуальных кругах России. По поводу ухода из жизни Кавелина в 1885 г. было опубликовано 67 статей, некрологов и кратких заметок в 35 периодических изданиях. Посмертно, в 1897–1900 гг., вышло второе, расширенное, издание полного четырехтомного собрания сочинений Кавелина⁵, включившее ранее не опубликованные рукописи.

⁴ Лучшим биографом К.Д. Кавелина был и, пожалуй, остается его племянник Д.А. Корсаков (1843–1919) — историк, профессор Казанского университета. В статье о К.Д. Кавелине «Русского биографического словаря» Корсаков приводит подробный список биографических работ о нем [20].

⁵ Первое, прижизненное, издание четырехтомника вышло в 1859 г. при участии К.Д. Кавелина.

Кавелин был активным участником общественных и интеллектуальных движений своего времени. Менее года поучившись на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета, он в 1839 г. закончил там же юридический факультет. Стоит отметить роль профессоров-правоведов П.Г. Редкина и Н.И. Крылова, обучавших Кавелина логическому мышлению и научным приемам анализа исторических и правовых явлений. Получив образование, Кавелин занимался вопросами права, изучал историю России, вел активную общественную деятельность, познавая российское общество не только научно, но и практически, о чем свидетельствует его работа по подготовке крестьянской реформы 1861 г. Идейный фон в 1830–1880-х гг. создавали представители двух главных направлений — славянофилы и западники, спорившие об историческом развитии России и Запада. В спектр их обсуждений попадали и некоторые социально-научные проблемы. Кавелин в пору студенчества примыкал к славянофилам, чуть позже — к западникам, а в последний период жизни старался идейно примирить оба направления, выделяя в каждом позитивное и полезное для дальнейшего развития российского общества и науки⁶. Значительное внимание он уделил анализу соотношения развития России и Европы в духовной и в научной сферах. Идеи Кавелина встречали не только поддержку, но и критику со стороны противников из разных лагерей, и это зависело от того, какой из них в данный период оказывался предпочтительным для самого мыслителя, а также от его попыток, особенно явных в 1870-е гг., встать между направлениями с целью их примирения.

Еще в 1840-е гг. большое влияние на Кавелина оказало участие в московском салоне А.П. Елагиной — матери славянофилов П.В. и И.В. Киреевских; несколько позже он познакомился с другими главными представителями этого направления А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самариным. В это же время Кавелин был вхож в литературно-философский кружок В.Н. Станкевича в Московском университете, где встречался с западниками: П.Я. Чаадаевым, историком Т.Н. Грановским, с которым сложились дружеские отношения. Переехав в Петербург, Кавелин сблизился с литераторами, входившими в кружок либерального западника В.Г. Белинского (своего бывшего домашнего учителя), — И.И. Панаевым, Н.А. Некрасовым, И.С. Тургеневым и др. Находясь в Москве и читая лекции в Московском университете с 1844 по 1848 г., сблизился с А.И. Герценом. Несмотря на активные связи с западниками, Кавелин не стал их абсолютным последователем, но испытывал с их стороны заметное влияние. В середине 1850-х сблизился с М.Н. Катковым — редактором «Русского вестника», одного из консервативно ориентированных журналов того времени, который оказывал огромное влияние на развитие общественно-политической мысли и литературную жизнь России. Работая в Санкт-Петербургском Императорском университете, общался с литературными критиками и публицистами, представителями революционной демократии Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, чьи социально-политические идеи во многом были противоположны кавелинским, хотя в общественной деятельности Кавелин был с ними во многом солидарен, в частности по вопросу отмены крепостного права.

⁶ Конструктивно-критическую оценку Кавелиным славянофильства в сравнении с западничеством подробно анализирует Е.Е. Михайлова: [27].

В историографии социальной мысли его определяют как «умеренного западника» (или «западника»), «умеренного либерала» и «полупозитивиста» (В.В. Зеньковский [12, с. 334–336]). Для научного стиля мыслителя было характерно соединение различных направлений, особенно в поздний период. Слова, адресованные им своему другу историку Т.Н. Грановскому, можно отнести и к нему самому: Кавелин умел «понимать и ценить долю истины, заключавшуюся в каждом направлении, в каждой мысли, и потому он оставался связующей нитью между противоположными взглядами...» [16, с. 257]. Однако еще В.Г. Белинский в своем кружке упрекал его за такую балансировку между разными идеяными направлениями, называя ее «прекраснодушием».

О специфике мировоззрения мыслителя хорошо знал его юрист и литератор А.Ф. Кони писал: «Кавелина называли чуждые ему люди узким западником. Но близкие, в дружеской беседе, иногда в шутку говорили ему, что он отъявленный славянофил. А он не был ни тем, ни другим. Он был самим собою» [19, с. xiv]. Кавелин в письме Д.А. Корсакову в конце 1860-х гг. отмечал: «Идеалисты и материалисты, обскуранты и нигилисты, воззрения аристократов, бюрократов, демократов и “буржуев”, радикалов и консерваторов, — всё это старый хлам, и умеренные доктрины так же противны, как остальные. Источники современных взглядов иссякли, оттого они так бесплодны и пусты. *Нужно копать глубже, и опять, как всегда, в человеческой душе, где ключ всем воззрениям*» (курсив наш. — Л. К.) [22, с. 460]. Можно сказать, что в этих словах Кавелин выразил свое социально-научное кредо.

Славянофилы главным условием социального благоденствия считали развитие общины, западники в этом вопросе делали ставку на совершенствование личности. Кавелин предложил собственную теорию развития личности, как бы соединявшую обе позиции. Иными словами, в этой теории автор пытался объединить микро- и макроуровни исследования, а в их разъединенности видел источник всех главных общественных проблем России. Для изучения личности он выделял два аспекта: личный — интересы человека, его материальная собственность и т. д. — и общественный, то есть объективные условия и возможности общественного бытия. «Больное место всех мировоззрений, научных и ненаучных, — писал Кавелин, — есть глубокий мрак, которым до сих пор окружена связь между единственным, индивидуальным, личным существованием и его объективными условиями. Раскрытие этой связи есть высшая из всех задач науки, последнее слово всех научных систем, главная цель стремлений самых светлых умов и благороднейших сердец» [15, с. 928]. В философском плане Кавелин был социологическим номиналистом, так как реальность общества определял только как совокупность личностей.

Возможно, главные черты самостийности Кавелина как социального мыслителя — его взгляд на человека и общество, опосредованный этическими критериями и гражданским чувством. Это выражалось в оценках людей, их деяний, общественных явлений, истории с духовно-нравственной точки зрения. Личность была ядром всех его размышлений, «человек, и только человек», как подмечал В.В. Зеньковский [12, с. 336].

Часто оценки Кавелина были весьма резкими — даже в печати. Но это не помешало А.Ф. Кони характеризовать его как «человека “сороковых годов” по образу мыслей и идеалам... потому и одним из лучших людей всех последующих

годов», как отдавшего «всю жизнь свою на службу развития русского общества... до постоянного забвения собственных интересов» [19, с. xii]. Кстати, именно за связь Кавелина с идеями 1840-х гг. и неверную трактовку отношения западников к крестьянской общине в своих «Записках профана» его резко критиковал Н.К. Михайловский, тяготевший к западничеству.

Характеризуя личные качества Кавелина безотносительно к его научным взглядам, Кони использовал эпитеты: «прямой и честный человек, уважающий свою правоту», «нравственный судья»; писал о таких его свойствах, как «благородная нетерпимость», «неподкупность суждений». Все эти качества Кони называл «работой высоких душевых требований и тонкого, проницательного, аналитического ума». Не вызывает сомнений, что в общественной жизни Кавелин был гуманным человеком. «О его личной доброте и разумной благотворительности едва ли нужно распространяться, — писал Кони. — Школы и крестьянский банк на его “землице” в Тульской губернии — и венок на его гроб от приходского попечительства с надписью “другу бедных и страждущих” говорят сами за себя» [19, с. xii]. На венке от слушателей Военно-юридической академии, где преподавал Кавелин, была надпись: «Учителю права и правды».

Вместе с тем современники подчеркивали, что Кавелин, жестко следя своим принципам и нравственным идеалам, мог быть сух и безжалостен к тем, кого не уважал. Кони вспоминает такой эпизод: «Что вы скажете о смерти Н. Н.? — пишет он [Кавелин. — Л. К.] одному из своих друзей, — кажется, Россия ничего не потеряла с его кончиной. Слышал я его в заседании... *Незнаменито*, как говорил покойный Никита Иванович Крылов⁷. От такой знаменитости я ожидал гораздо больше. Да и карьерист был изрядный!» [19, с. xi–xii].

Можно заключить, что «умственное» развитие России входило в круг личных интересов и размышлений Кавелина как одна из насущных задач духовно-нравственного и интеллектуального толка. Возможно, это давало ему моральное право критически судить о развитии российских человека и общества, а иногда и осуждать их, о чем речь пойдет далее. Как представляется, истоки критической линии Кавелина связаны с идейным влиянием критики В.Г. Белинского.

Кавелин не раз анализировал состояние научной печати своего времени и взгляды современников на развитие социальной мысли в России — славянофилов 1840-х гг., а также В.Г. Белинского, Т.Н. Грановского. Для «Русского биографического словаря» Д.А. Корсаков скрупулезно составил список работ Кавелина за 1859–1885 гг. [20, с. 362]. Характеризуя в целом идейную обстановку и намекая на общие контуры своей будущей умеренной и центристской программы, Кавелин писал в 1868 г. Корсакову: «Оргии прогресса и оргии реакции нейтрализовались; я считаю такое время чрезвычайно благоприятным для того, чтобы мысль зрела и новое успело осесться и пустить корни... Даже лучшие журналы не имеют программы. Это — знамение времени! Все программы надоели и износились в тряпки. И давно пора!» [22, с. 461].

⁷ Ректор юридического факультета Московского университета во время учебы там Кавелина. — Л. К.

От задач нравственно-психологического развития личности к этико-философским вопросам и «решению общечеловеческих задач»

В 1870-е – начале 1880-х гг., как отмечалось, К.Д. Кавелин попытался предложить свою «программу» социальных исследований. В видении настоящего и будущего социальных наук, сохраняя преемственность ключевых представлений, он постепенно перешел от идей психологических к идеям этико-философским. Лейтмотивом всегда оставалась необходимость исследования индивидуального бытия человека как центрального элемента общества. Науками, которые могут содействовать развитию в российской личности качеств общественного деятеля, Кавелин считал психологию и этику. Эволюция его идей прослеживается в серии поздних работ: «Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований» (1872), «Наш умственный строй» (1875), «Идеалы и принципы» (1876), «Злобы дня» (1883, посмертная публикация в «Русской мысли» — 1888), «Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания» (дописана в 1884 г., прижизненно вышла отдельным изданием в 1885 г.). Далее рассмотрим ключевые идеи кавелинской «программы».

О необходимости умозрительного познания внутренней жизни человека

Как отмечал Д.А. Корсаков, работа «Задачи психологии» стала главной в творчестве Кавелина. Ее он писал и переписывал в течение 10 лет, первоначально опубликовав в «Вестнике Европы», но в том же 1872 г. — отдельным сборником [14]. «Задачи психологии» автор назвал «связно изложенными психологическими заметками, мыслями и наблюдениями». Но, по сути, речь идет о выработке методов программного изучения внутреннего бытия личности на основе историософского осмысления ее значения как движущей силы общества и представителя человеческого рода с учетом происходящих в ней (личности) с течением времени психических/нравственных изменений: «Движущий элемент общества суть люди, из которых состоят народы и весь человеческий род... Первый стимул всякого движения и развития лежит в отдельных лицах, из которых слагаются человеческие общества» [14, с. 210]. С индивидуальным психическим, нравственным развитием Кавелин связывает прогресс человечества во всех сферах, а упадок — с отсутствием развитой личности. Прослеживает это, рассматривая примеры разных этапов человеческой истории, исследует современное ему состояние философского и научного знания. В общем плане Кавелин критикует распространенное «историософское заблуждение», что всемирная история, большие задачи народов и простые желания людей никак между собой не связаны. Его автор объясняет тем, что «посредствующие звенья», их соединяющие, обычно остаются без внимания, и тем самым теряется «преемство звеньев» [14, с. 210–212]. Другие заблуждения, препятствующие адекватному познанию, связываются с исторической изменчивостью действительности («фактов материальных и психических»), а также самого человека.

«Задачи психологии» всецело проникнуты мотивом духовно-нравственного возрождения российской личности. Еще в 1847 г. в работе «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелин поставил вопрос о «юридическом и политическом

ничтожестве» личности и позже многоократно возвращался к этой проблематике. В «Задачах психологии» коренную причину такого состояния он связывает с «ошибочным пониманием психической жизни и ее значения посреди окружающего материального мира» [14, с. VII], то есть с игнорированием познания внутреннего — психического — бытия человека. Автор считает, что интерес научной мысли с индивида перенесен на общество, человек же «смотрит на себя только как на зависимую часть целого», «для его внутренней жизни и деятельности нет самостоятельного критерия, потому что эта жизнь и эта деятельность, независимо от общественной среды, ни во что не ценятся» [14, с. 2]. «Люди обратились бы в злейших из хищных зверей, — пишет он, — если бы современные взгляды, как думают многие, действительно выражали собою последнее слово науки, а не были, как мы убеждены, ошибочным, неумелым ее применением к психической жизни» [14, с. 386]. Корень заблуждений современных ему социальных мыслителей Кавелин видит в смешении законов общих, отвлеченных, то есть законов общества, с законами бытия личности, а также в попытках строить жизнь человека по законам бытия отвлеченного.

Однако Кавелин не отвергает необходимость изучения человека как «члена государства, общества или какого-либо частного союза: ученой или промышленной корпорации, сословия и т. п.», не отвергает и влияние на человека «внешних обстоятельств», то есть социальной среды, общества в целом [14, с. 8]. Социальное у Кавелина служит только фоном и в какой-то мере источником «внутренних мотивов» человека. Под ними понимаются принципы и ценности личности, которые определяют ее общественный и гражданский выбор, общественную деятельность. Если личность обладает соответствующими качествами, то она общественно-политически и юридически состоятельная и самостоятельная, или, как пишет мыслитель, самодеятельная. Бытие человека он не растворяет в бытии общества.

Кавелин считает, что современные ему воззрения — философские и научные — расходятся с «требованиями нравственной личности» и даже противоречат им [14, с. 6]. Так, философия в начале 1870-х гг. пребывает в опале, а науки отказались от умозрительных знаний, однако отвергать можно только те из них, которые не соответствуют фактам. Причины, по мнению Кавелина, кроются «в целом строе современной мысли», и предубеждения касаются неспособности изучать психику человека, для чего требуются умозрительные методы: «Отвергая умозрение, мы, большей частью бессознательно, отрицаем... целый ряд психических фактов, на которых держится индивидуальная жизнь. <...> В чем состоит эта жизнь, какие законы этой деятельности — вот чем современная наука мало интересуется» [14, с. 4–5]. Ведущиеся психологические исследования не отвечают на эти вопросы, так как заняты разъяснением «физиологических условий психической жизни» — деятельностью мозга и нервной системы, не пытаясь изучить соответствие между физиологическими и «психическими фактами».

Почва для нравственной личности, по Кавелину, — свобода воли, представления о добре и зле, убеждения, вера, надежда, любовь, умение ставить цели и достигать их, а также осуществлять свои духовно-нравственные идеалы в общественной жизни. Однако существующие «ходячие философские теории», рассматривая деятельность человека с точки зрения целесообразности, пренебрегают свободой воли, в каждом «психическом явлении видят неизбежное произведение обстоятельств». «Реальные», или «положительные», науки мыслитель критикует

за интерес только к материальным фактам и законам. Таким образом, «личность и условия ее нравственного характера и деятельности выпадают из господствующих современных воззрений» [14, с. 7].

Вместе с тем Кавелин считает, что исследование «психических фактов» вполне доступно для научного изучения и что точные науки не имеют преимуществ «перед науками о психической стороне человека». Доказательство он видит в следующем: «Как те, так и другие основывают свои выводы на критически обработанных впечатлениях; разница только в том, что первые имеют дело с впечатлениями, непосредственно получаемыми от физического мира, последние — с впечатлениями, получаемыми от внешних следов психической жизни и деятельности»⁸. Идя по пути этих рассуждений еще дальше, он попадает в область философии истории и социологии: утверждает, что эти следы имеют «объективную определенность» и что благодаря ей «стала возможна даже история верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, наук, философии, культуры» [14, с. 24].

Несостоятельность философии и науки, по Кавелину, грозит превращением людей в «безличную массу», и это уже происходит, отражаясь на практической жизни обществ. Мыслитель считал, что с этим согласны все его современники — и в России, и в Европе, различны только оценки данного факта и его значения. В прогрессии растут народонаселение, обмен услугами и мыслями, но «люди все более становятся похожи на троглодитов — так равнодушны, холодны, недоверчивы... Каждый глубоко ушел в самого себя, старается отгородить себя от других каменной стеной и думает только о себе...» [14, с. 208]. Человек в таком состоянии не может созидать. Из-за пренебрежения к его внутреннему миру становится «все менее и менее способным настойчиво преследовать задуманные планы и цели... бежит труда, сразу хочет получить то, что приобретается лишь долгим напряженным усилием...» [14, с. 208].

Итак, удручающее положение науки о человеке Кавелин видит в сосредоточенности на материальном, в отказе от умозрительного познания, которое должно быть направлено на психическую деятельность⁹. Главной задачей психо-

⁸ Эти рассуждения вызвали двоякую критику и длительную полемику. Одним из главных оппонентов «Задач психологии» был физиолог И.М. Сеченов, который критиковал идеи Кавелина со стороны биологии. С ним Кавелин вел полемику в «Вестнике Европы» с 1872 по 1874 г., не считая, однако, его возражения серьезными. Весьма значимым оппонентом стал славянофил Ю.Ф. Самарин, который упрекал Кавелина за игнорирование познания человеком истин через Божественное откровение. Они вели личную переписку по поводу «Задач психологии» с 1872 по 1875 г., опубликованную Самариным в 1887 г. в его «Сочинениях» [30] (см. также книгу Б.Э. Нольде: [28, глава 5]). Замечания Самарина Кавелин оценивал высоко. На его письма отвечал не только письмами, но и заметками в «Вестнике Европы», изменяя свою первоначальную позицию с учетом замечаний, на что указывал сам оппонент. Подробный анализ полемики Кавелина с Сеченовым и Самариным см. в работе их современника, психолога и философа М.М. Троицкого: [32]. Отклики на «Задачи психологии», по свидетельству Д.А. Корсакова в примечаниях к этой работе, в различных периодических изданиях также опубликовали сторонники позитивной философии Неизвестный и Литвинов (инициалы не указаны), публицист С.С. Шашков, профессор А.Ф. Гусев (см.: [18, с. 1242]).

⁹ Важно отметить, что уже в 1875 г. в критической публикации «Априорная философия или положительная наука», посвященной диссертации Вл. Соловьева, Кавелин, хотя и с оговоркой, по преимуществу занимает позицию положительной науки: в сферу метафизических фактов вырваться невозможно, все наше знание имеет положительный характер. Постановку О. Контом задач знания Кавелин считает правильной, кроме одной оговорки: французский мыслитель перенес материальную предпосылку «в выработку целого здания новой науки, даже тех ее частей, к которым такая предпосылка неприменима» (цит. по: [32, с. 48–54]), очевидно, имея в виду те же «психические факты».

логии, а следовательно, и познания общества, должно стать изучение внутренней, психической, идеальной жизни человека. Общество производно от личности, как нереальный, «отвлеченный» объект, оно вторично по отношению к индивиду. В.В. Зеньковский отметил очевидную наивность такой позиции: «Конечно, для Кавелина очень типичен его антропоцентризм — его интересует человек, и только человек. Он наивен в своей несколько патетической вере в психологию, и, конечно, он не избег опасности “психологизма”» [12, с. 336].

О «нашем умственном строе» как духовной среде социальной мысли и деятельности, а также об условиях обретения идеалов

Кавелин исследует не только изъяны самого научного познания, но более широкий духовный контекст — формы, способы интеллектуальной жизни общества в целом, то есть обращается к анализу особенностей «нашего умственного строя».

К центральному объекту своих социальных размышлений — личности — К.Д. Кавелин подходит с точек зрения историко-культурной, психологической, этической. На этой же почве делает и более широкие обобщения. Считает, что в науке, религии, в особенностях народного быта и в других проявлениях культуры общества выражаются свойства национальной психики. Он объединяет их понятием «наш умственный строй». Можно согласиться с мнением П.С. Гуревича, что «по своей сути названная категория [“умственный строй”. — Л. К.] близка к слову, которое появится в исторической науке уже в следующем веке, — менталист» [7, с. 139].

В работе «Наш умственный строй» [13] К.Д. Кавелин обобщил свои психологические изыскания, проецируя их на состояние личности и общества в России, экстраполируя выводы на уровень развития научного знания. Работа была впервые опубликована в 1875 г. в газете «Неделя» и завершила цикл размышлений автора о психологии, являясь переходом к его заключительному труду «Задачи этики». В «Нашем умственном строе» автор с историко-культурных и философских позиций попытался определить российскую духовную среду, в которой в конце XIX в., в частности, развивались интеллектуальные направления науки и философии. Статья находится в непосредственной идейной связи с критическими мыслями В.Г. Белинского и с беседами автора о нем и об «умственных течениях» 1840-х и более поздних лет с историком, этнографом, литературоведом и издателем А.Н. Пыпиным.

Кавелин критикует недостатки «нашего умственного строя» (по сравнению с европейским), накладывающие отпечаток на все проявления общественной жизни — как практической, так и интеллектуальной. Он настаивает на том, что умственный строй России конца XIX в. специфичен и не похож ни на какой современный ему европейский. Кавелин нещадно критикует российскую личность как общественный субъект, отказывая ей в способности осознавать себя и свои задачи, в умении их воплотить. Личность, имеющая такие качества, составляет у нас «редкое изъятие из общего уровня крайней распущенности», считает он [13, с. 314]. Несмотря на «развитые аппетиты», в нас нет желания бороться с препятствиями и отстаивать свои мысли. Отсюда нет обдуманной системы деятельности,

нет «преемственности от поколения к поколению, и потому нет капитализации труда, знания и культурных привычек. Сменились люди, и дело пропадает... до тех пор, пока случай не натолкнет опять на то же дело другого человека, который его... опять пустит в ход, чтоб после него оно снова было брошено и забыто» [13, с. 314]. Но раз нет устойчивости и самодеятельности в людях, то ее нет и не может быть и в общественной жизни, делает вывод Кавелин. «И вот мы прячемся за ход вещей, за логику событий, которые должны работать за нас... Стихийные силы, не заправляемые человеком, приносят нам вместо того, о чем мы мечтаем, самые причудливые неожиданности» [13, с. 315].

Аналогичную оценку Кавелин дает российскому умению не только действовать, но и мыслить. Он утверждает, что «мы слишком мало думаем... не принимаем почти никакого участия в наших делах», а потому мышление не является существенным элементом нашего мироизрещания и практической деятельности [13, с. 315]. Кавелин отмечает, что до недавнего времени мысль была лишь прерогативой «достаточных классов, избранных людей, которые одиноко стояли» в среде, жившей одними «преданиями и рутиной». С этим утверждением не поспорил бы никто из современников Кавелина, различия были лишь в размышлениях, на кого делать ставку для развития общества — на дворянство или на крестьянство, народ, поднимая уровень последних. Кавелин называет мысль «прихотью», которая не была связана с реальной жизнью и «носилась у нас свободно над действительностью... ни в чем не встречая преград, как ветер на наших необозримых равнинах». Потому такая мысль легко «улетучивалась в фантазию и бред». Достижения науки своего времени мыслитель считает «призраками», которыми мы «оправдываем наше высокомерие и безучастное отношение к нашей печальной ежедневности» [13, с. 315].

В «Нашем умственном строе», как и в «Задачах психологии», несостоятельность социальных идей в России Кавелин связывает с особенностями философского мироизрещания и естествознания. Он приходит к выводу, что и материализм, и идеализм бессильны перед познанием личности и общества в силу своей односторонности: доктрины сводят духовный мир реального индивида либо к явлениям природы, либо к метафизическим сущностям. В итоге идеи мыслящего субъекта выливаются в «миражи ума» и «чистый фатализм» [16, с. 308–309]. Истина же для Кавелина — в эмпирической двойственности подлинной реальности, к которой он относит личность и природу: «Психическая и материальная жизнь — на одной общей почве», — пишет он [18, с. 467]. И потому «одна лишь психология может разрешить задачу, на которую не дает ответа ни философия, ни естествознание» [18, с. 637].

Характерно, что причины умственного строя науки в России Кавелин выносит за пределы ее духовной жизни, так как отрицание личности не могло развиться на отечественной почве. Виной тому считает наше беспрекословное усвоение европейской теории, которая развивалась на иной почве и в непосредственной связи с другой реальностью. Этой теорией, по мнению Кавелина, давно решен вопрос о самодеятельности личности — выяснены «начала нравственной индивидуальности, личности и автономии мышления» [16, с. 308]. А поэтому внимание европейской теории переключено на общественные процессы, причем характерные для Европы; российские же науки пытаются некритично перенести эту теорию на нашу почву.

В «Идеалах и принципах» Кавелин специально сосредоточивает внимание на природе идеалов и проблеме их обретения. Он не считает, что идеалов в российском обществе нет. Напротив, их слишком много, так как люди обращены вовне, к изменчивой общественной жизни, вместо того чтобы прислушиваться к своему «душевному миру». Именно от него, по Кавелину, производны идеалы: наш «душевный мир», пишет он, «отражается в нашем чувстве как идеал» [18, с. 891]. Психическая деятельность, требование ее развития — это предпосылка всякого рода общественного успеха — «умственного, научного, нравственного». Автор еще раз призывает обратить внимание науки на необходимость изучать внутренний мир человека. Он резюмирует, что пока наука не утвердится в такой необходимости, нельзя говорить о возможности отыскать подлинные идеалы. Если связывать происхождение идеалов только с внешним миром, то это путь тщетный: ориентируясь на постоянные изменения в мире, мы будем бесконечно менять идеалы, пока в них не изверимся вовсе. В непризнании роли психического фактора как в нашей личной, так и в общественной жизни, считает Кавелин, «коренится источник всех болезней века» [18, с. 896], которые он описал на примере «нашего умственного строя».

О попытке преодолеть упадок интеллектуальной жизни, объединив идейные направления для «разрешения общечеловеческих задач»

Кавелин пытается дать рекомендации современной ему научной мысли, чтобы преодолеть ее хаотичность, наметить познанию определенную линию. В 1883 г. он пишет статью «Злобы дня», которая публикуется в «Русской мысли» только в 1888 г., уже после его смерти. Она начинается с сетования автора на то, что мыслящее общество, периодическая печать в России буквально за несколько последних лет потеряли всякий интерес к интеллектуальной жизни. Все эти явления и порождают «злобу дня» — необходимость безотлагательных мер, освобождающих от «умственной спячки». Научный прогресс Кавелин видит в компромиссном объединении разных направлений российской социальной мысли. В 1883 г. он писал Корсакову о замысле названной работы, характеризуя ее как «большую статью о современных направлениях русского духа и русской жизни с совершенно объективной и беспристрастной оценкой» разных идеиных направлений: «Мне хочется объяснить кажущийся нам умственный и нравственный упадок, уныние, апатию; причины, почему все наши направления в науке, печати и общественной деятельности потеряли прежний кредит...» [16, с. 637–638]. Автор ставил весьма амбициозные цели «подробно разобрать разные течения русской мысли, поочередно возбуждавшие общее сочувствие, показать их сильные и слабые стороны и объяснить, почему они сошли со сцены», объединить все идеиные направления, чтобы они «слились бы в дружном преследовании, с различных точек зрения, общечеловеческих целей и в разрешении общечеловеческих задач на русской почве» [18, с. 1245].

Мыслитель отмечает, что по любому вопросу в печати возникает «глубокое разномыслие», обусловленное различием взглядов на одни и те же политические и общественные процессы, индивидуальную жизнь человека, исследователи не могут договориться, чтобы совместными усилиями развивать знание [16, с. 495].

Задачи статьи Кавелин определяет так: «Перевести в сознание те неопределенные и неясные причины, которые охладили русское общество к недавно еще руководившим у нас взглядам, и попытаться заглянуть несколько вперед, в возможные и вероятные у нас направления в ближайшем будущем...» [16, с. 494]. Вряд ли можно считать, что обе задачи — критику направлений и прогнозирование будущего развития — автору удалось решить убедительно. Зато хорошо прослеживается тенденция преодолеть разногласия путем объединения направлений, опираясь при этом на собственные установки и представления о потребностях познания. Все идеиные противоречия и отрицания Кавелин рассматривает с позитивной точки зрения, то есть как возможность неизбежного совершенствования знания. Эволюцию направлений в плане совершенствования он расценивает не как их борьбу, а как их примирение и плавное чередование.

Так, критикуя позитивизм О. Конта за отказ от «всяких отвлеченных спекуляций ума», за «чистую положительную науку, объективное знание» [16, с. 493], обращаясь к аргументам Дж. Г. Льюиса, делающего «уступки чисто философско-му логическому умозрению» в работе «Вопросы жизни и духа», а также заявляя о «некоторых научных попытках» подобного рода, Кавелин приходит к выводу, что в близком или далеком будущем с помощью индуктивного метода станет возможен «точный научный анализ психических фактов». «Таким образом, резкое отрицание [ошибочных] представлений и понятий. — Л. К.]... только расчистило почву научных исследований и открыло для них новые перспективы, — заключает он. — Вопросы и идеи... не исчезли, а только получили новую постановку, соответствующую новым... потребностям знания» [16, с. 494]¹⁰.

Исследуя социальную мысль прошлого, Кавелин сопоставляет идеиные движения славянофилов и западников. Он утверждает, что похожие взгляды можно проследить у нас «чуть ли не с XV века» [16, с. 496]. Но все они были приведены в систему лишь в 1840-е гг. представителями названных направлений. С них, по мнению Кавелина, и начинается «сознательное, осмыслившее движение русской мысли» [16, с. 497]. Источники появления двух направлений — неудовлетворенность общественной жизнью и поиски нового. Славянофилы обратили внимание на несоответствие «привитых нам европейских форм» народным потребностям и народной жизни. При этом европейство отрицательно сказалось только на высших, образованных слоях общества, в то время как «простой народ свято сохранил старинные предания и обычаи», уклад, нарушенный Петром I в XVIII в. [16, с. 497]. Славянофилы, по мнению Кавелина, не решили стоящих перед обществом задач из-за своей методологической посыпки: они «обратились к старине, чтобы объяснить неблагоприятные для развития современные им условия русской жизни», и на прошлом хотели построить «светлые идеалы русского народного духа». Внимание славянофилов к религии также не принесло желаемых плодов по той же причине — из-за «исторического истолкования явлений» [16, с. 497–498]. Западники,

¹⁰ Следует обратить внимание, что при тенденциозности подхода Кавелина к механизмам изменения знания он придерживается ценной идеи: эволюция знания имеет преемственный характер, то есть последующий ее этап, даже если ему сопутствовал радикальный общественный перелом, не может полностью и окончательно отрицать предыдущий благодаря сохранению элементов социально-культурных традиций. Мыслитель постоянно пытается найти связь между этапами знания, что заслуживает исследовательского внимания, однако переходы от одного к другому расценивает не иначе как прогрессивные.

отталкиваясь от желания понять историю России, пришли к иным результатам. Со времен Петра I наша страна в поисках лучшего общественного устройства шла по стопам Европы. Но развитию европеизма мешали «запоздалые остатки допетровского византийства и татарщины» [16, с. 500]. Кавелин же считает, что для России оказалось невозможным в полной мере пойти по западному пути, поскольку она могла принять чужие общественные формы лишь в той мере, в какой они отвечали ее состоянию и потребностям.

Кавелин по своему обыкновению стремится примирить славянофилов и западников в их «идеальных целях», отмечая: оба направления впервые попытались «осмыслить русскую жизнь и осветили ее с двух сторон... Оба учения поставили во главу угла идеальные стремления и цели, совершенно одинаковые по своему существу и содержанию, носившие общечеловеческий, всемирный характер. Таким образом, — делает вывод мыслитель, — в обоих учениях русский народный гений впервые поставил себе идеальные цели, поднялся до одухотворения своих национальных задач и стремлений» [16, с. 501–502]. Но эти идеалы и цели еще не имели твердой опоры в реальной жизни: «Эпигоны славянофильства и западничества остались при словах и тезисах, лишенных живого значения, твердя — одни о народности, другие о европеизме, цивилизации и прогрессе — и не умея определить, в чем же они состоят» [16, с. 502]. Выполнив свою историческую миссию, славянофильство и западничество ушли со сцены, чтобы освободить место другим направлениям.

По мнению Кавелина, ни славянофилы, ни западники, ни затем народники не дали «путеводной нити для дальнейшего развития», что вызвало к жизни охранительное направление — консерватизм, который «отрицает все новое и отстаивает все существующее», но не во имя какого-то идеала, а «потому только, что нет в виду лучшего или не выяснилось, как к нему перейти» [16, с. 505]. Однако и в консерватизме усматриваются ростки его противоположности: отрицая новое, он заставляет это новое «вызревать до степени неотразимой и неотложной потребности» [16, с. 505].

По аналогичной схеме Кавелин интерпретирует все прошлое развитие социальной мысли в России. Различные направления сменяли друг друга как бы в рамках естественной эволюции знания по выведенной им формуле: «Раз что мы убедились, что то или другое непригодно, мы должны сами себе ответить: что же пригодно? Отрицание само собою ведет к положению» [16, с. 498]. При этом мыслитель постоянно отмечает полезность каждого направления, его вклад в последующее развитие, а также наследование новыми направлениями как передовых идей, так и ошибок предыдущих. Кавелин анализирует роль в обществе религии и науки, роль права в его отношении к обществу как к целому и к индивиду и т. д. Социальное знание как таковое, считает он, неуклонно обогащается и развивается по линии прогресса.

Науку настоящего, то есть начала 1880-х гг., Кавелин характеризует как знание бессистемное, не основанное на каком-либо миросозерцании. Наука «прежде и больше всего критика, а потому не может быть ни деистической, ни атеистической, ни спиритуалистической, ни материалистической», — отмечает он [16, с. 523]. Наука занимается общими вопросами, касающимися предмета исследования — его установлением, попытками открыть законы его существования, отношением к другим предметам, но не задумывается над *сущностью предмета*.

Но благодаря индуктивному методу наука расширяет предметный круг исследований: она, пишет Кавелин, «...в наше время стала захватывать и область явлений психического и социального порядка» [16, с. 524]. Мыслитель констатирует, что попытки изучать психические и социальные факты естественно-научными методами не смогли привести к ожидаемым результатам. Но тем не менее такие попытки принесли огромную пользу: из фактов «другого порядка», то есть психологических и социальных, они «выделили... величайшее множество явлений физического мира, которые ошибочно причисляли к области психологии и социологии, значительно очистив, таким образом, материал исследований от посторонних примесей...» [16, с. 524]. Что касается метода исследования психологических и социологических явлений и фактов, то, по мнению Кавелина, он должен быть точным, как и для исследования природы, и со временем наука его найдет даже применительно к идеальным, психологическим процессам. В такой постановке вопроса проявляется «полупозитивизм» Кавелина, отмеченный В.В. Зеньковским.

Анализируя возможности *будущей науки*, которая в первую очередь призвана отвечать потребностям общественной жизни, Кавелин переходит к своему главному предмету — духовному и нравственному развитию личности как залогу прогрессивного движения общества. Он считает, что основанием для изучения этого предмета должны стать «своя доктрина, своя догма и канон» [16, с. 527]. Философия Канта с ее категориями чистого разума оказалась беспочвенной, не разрешив вопросы «об отношении мысли и факта, идеи и действительности». Исследований экономического положения, государственного управления, научного знания, образования — всех их недостаточно для понимания духовного и нравственного развития личности. «Одна обстановка сама по себе его [человека. — Л. К.] не воспитывает, не укрепляет, не улучшает, а необходимо нечто другое — индивидуальная духовная и нравственная выработка» [16, с. 529].

Такая «выработка», по мнению Кавелина, невозможна без понимания влияний на человека со стороны общества. Но оно вводится в круг интересов мыслителя не само по себе, а как среда существования и развития индивида, которую необходимо учитывать при его изучении. Человека же следует воспринимать как «составную часть целого», поскольку он может жить и развиваться только во взаимодействии с другими людьми: «Если, таким образом, человек только в обществе себе подобных становится тем, что он есть, и делается способным к развитию и совершенствованию, — заключает Кавелин, — то на него и следует смотреть не как на самостоятельную единицу, а как на составную часть целого...» [16, с. 530–531]. Однако преимущественно это остается декларацией. Кавелин мыслил общество исключительно номиналистически: признание зависимости человека от общества (как и от природы) не означает, что важно изучать общество как самостоятельный объект. Автор делает другой вывод: общество «может служить прочной основой для научного объяснения тех вечных нравственных истин, которые хранит предание и которые должны лежать во главе угла духовного и нравственного воспитания индивидуального человека...» (курсив наш. — Л. К.) [16, с. 531]. Так Кавелин представляет себе фундамент этики как науки, фокусируя свое учение на индивиде и его субъективных идеалах, считая, впрочем, вершиной нравственного чувства приобщение к христианскому нравственному закону и утверждая взаимосвязь личности и общества в социально-философском плане, что будет показано далее.

Подытоживая смысл работы Кавелина, Д.А. Корсаков писал в примечаниях: «Рассматривая в *Злобах дня* все умственные русские направления, начиная с 40-х годов, и подвергая их критике, Кавелин высказывает свою излюбленную мысль о том, что основная причина нашей теперешней умственной и нравственной апатии заключается в низком уровне духовного и нравственного развития личности. Останавливаясь затем на анализе этой причины, он приходит к заключению, что человеческое общество только в отвлеченном представлении является единицей. «В живой, реальной действительности оно есть собрание людей, связанных единством сожительства и общения; перенесенное в сферу чувств, оно является высшим нравственным законом — любовью к ближнему», — говорит Кавелин и заканчивает статью вдохновенною проповедью этой любви, составляющей самое чистое выражение христианского учения» [18, с. 1246].

Этическое учение как соединение психологических и социально-философских идей для методологии социальной мысли

В последнее свое десятилетие важнейшими для социальной жизни и ее совершенствования К.Д. Кавелин считал изучение общечеловеческих этических ценностей. Он подошел к разработке этического учения, видя в нем возможность для разрешения многих противоречий социальной мысли, ее методологию, а также условие общественного возрождения. В «Задачах этики» нас более всего интересует связь этического учения Кавелина с социальной мыслью, в том числе социальной философией, в плане эпистемологии социального/социологического познания.

По свидетельству Д.А. Корсакова, труду «Задачи этики» Кавелин придавал «всего более значения, считая его венцом своих философских и исторических изучений по вопросу о нравственной личности, о ее индивидуальном и социальном значении» [18, с. 1244]. Во введении Кавелин посвятил свою работу молодому поколению, адресуя свои изыскания науке будущего. Главная идея автора — разрешить противоречия социальной мысли и поднять этическое учение на уровень научных теорий и современных ему методов исследования, обосновать этику как науку о субъективных идеалах, возникающих в результате психической деятельности личности. В апреле 1884 г. автор писал Корсакову: «Пока нравственная личность не оживет снова, о возрождении и думать нечего, а она не оживет, пока коренным образом не изменится все наше теперешнее мировоззрение, представляющее хаотическое смешение преданий с выводами науки, производящее теперешнее анархическое состояние умов» [18, с. 1244]. В августе Кавелин восторженно сообщал: «Милый, дорогой Дмитрий Александрович! Если бы ты только мог себе вообразить, в каком блаженном душевном состоянии я нахожусь, принимаясь за это письмо! *Мечты и желания многих лет, наконец, исполнились: «Задачи этики» написаны и совсем готовы к печати...* С моей совести гора свалилась. *Теперь я все сделал, что мог сделать хорошего, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унес с собой недосказанную мысль. Мне думается, что этой работой будет положено начало коренному преобразованию всего теперешнего научного мировоззрения, без чего научная этика немыслима и невозможна*» [18, с. 1244–1245]. Кавелин не сомневался, что предложил радикальный выход запутавшейся в противоречиях социальной мысли.

Корсаков пишет, что ему были известны четыре статьи, написанные по поводу «Задач этики», в которых авторы отмечают серьезные недостатки работы, в целом отзываясь о ней «сочувственно», «хотя далеко не придают им [“Задачам этики”. — Л. К.] того значения, какое придавал сам автор» [18, с. 1245]. Психолог и философ М.М. Троицкий иначе оценивал эту работу и ее место в творчестве Кавелина, отмечая в 1885 г.: «...в *Задачах этики* он высказался окончательно и цельно, между тем как предыдущие его труды представляют только переходные и лишенные цельности фазы»; «отразил крупные черты в истории философии в России с сороковых годов до последнего времени». Троицкий также высказал убеждение, что «философские работы Кавелина не остались без влияния на развитие истории русской мысли в последние десятилетия, и благотворность этого влияния со временем будет оценена по достоинству» [32, с. 2–3]. Современный историк русской этики В.Н. Назаров отмечает, что Кавелин положил начало развитию в России этики как науки, которая до последней четверти XIX в. фактически не разрабатывалась [27, с. 102].

По Кавелину, если наблюдаемый рост интереса к этическим проблемам в Европе имеет теоретический характер, то у нас он движим практической потребностью в выработке идеалов личности и общества. В Европе жизнь людей регулируется строгим законом, поддержаным «администрацией, судами, сословием ученых юристов и вполне сложившимися нравами общества» [15, с. 4]. В России же все обстоит иначе: «Выработкой и совершенством общественных форм мы не можем похвалиться. Люди, не находя прочного устоя в условиях общественного быта, естественно ищут его в индивидуальных нравственных качествах» [15, с. 5], а потому нарастает потребность в нравственных идеалах и в разработке этического учения. Интерес к нему — это не временное явление общественной мысли, считает Кавелин, а переход ее «с прежнего пути на новый», под которым он понимает освоение внутренней, духовно-нравственной жизни человека [15, с. 5].

Свою этику Кавелин создает с опорой на психологию личности. Чтобы доказать справедливость такого подхода, пытается определить связь этики с правоведением и социальными науками, рассматривает ее соотношение с религией и искусством¹¹, находя общность и различия. Мыслитель весьма осторожен в определении методологии своих этических поисков, касающихся представлений об обществе. Так, он отмечает «глубокий мрак, которым до сих пор окружена связь между единичным, индивидуальным, личным существованием и его объективными условиями» [15, с. 27–28]; пишет о таинственности общественных процессов: «Единичный человек и природа — реальности, но, как они относятся между собой, — окружено непроницаемой тайной. Еще таинственнее те высшие силы, которые управляют судьбами единичного человека и всего мира» [18, с. 929].

Кавелин отграничивает этику от права и социальных наук, отводя роль ее субъекта индивиду. Рассуждая о сущности нравственности, он выделяет два вида поступков — внутренние и внешние. Если первые — наше личное дело, скрытое для всех, то вторые направлены на других людей, а потому «подпадают под объективное мерило, которое совершенно не зависит от нашего личного убеждения

¹¹ Рассмотрение взглядов К.Д. Кавелина на соотношение этики с религией и с искусством не входит в наши задачи. С его точки зрения, христианская религия формирует самые совершенные нравственные идеалы; искусство облагораживает человека идеалами эстетическими.

и совести», то есть находятся в объективной области права и социальных наук [18, с. 9]. Смешению этики, нравственности с правом и социальными науками, считает Кавелин, можно «приписать и теперешнюю путаницу понятий, благодаря которой нравственный элемент действий подавлен интересом к их объективной стороне» [15, с. 9]. Соответственно, право, социальные науки и этика различаются своими предметами: «Предмет этики — внутренние, душевые движения и деятельность людей, а предмет права и социальных учений — внешние отношения людей в составе организованного сожительства» [18, с. 998]. Если право и социальные науки регламентируются государством и обществом, то нравственность — субъективными мотивами человека.

По мнению Кавелина, нравственным или безнравственным (неважно, внешний он или внутренний) поступок является только по отношению к человеку, его совершившему. Нравственность субъективна. Этим и определяется близость этики к психологии, поскольку обе науки имеют отношение к исследованию поступка действующего лица, его «душевного строя» [15, с. 10]. Таким образом, в этическом учении Кавелин снова сосредоточивается на внутреннем мире личности, считая его источником и «вместилищем» нравственности, а социальную, объективную сторону поведения относит к области права и социальных наук.

Каковы же предмет, задачи этики? Она призвана изучать нормы и идеалы, регулирующие *сознательные* поступки индивида, основанные на его высшей психической деятельности. Из этих принципов вытекает кавелинское определение предмета этики: это «...одни отношения поступка к действующему лицу, к его душевному строю — ощущениям, убеждениям и помыслам. Она изучает условия, при которых действие зарождается в душе, и законы душевной деятельности, определяет ее нормы и указывает способы, с помощью которых душевная деятельность может стать нормальной» [15, с. 10]; «учение о нравственной деятельности и нравственных идеалах есть учение о нравственности, или этика» [15, с. 53]. Кавелин считает ошибкой мнения исследователей, которые отождествляют предмет и задачи этики и общественных наук, полагая, что они изучают одно и то же, только с внутренней и внешней сторон соответственно. А.И. Вялов резюмирует, ссылаясь на Кавелина: «Главная задача этики — “указать индивидуальному лицу нормальный путь духовного развития и совершенствования”, задачи права и социальных наук — “устроить правильное общежитие, определить и создать условия, которые ему благоприятствуют”. Таким образом, право соприкасается с этикой лишь настолько, насколько это служит делу построения и нормального функционирования общества, этика же — в той мере, в какой это способствует развитию внутренней, душевой жизни» [4, с. 205]. Но склонный к синтезам Кавелин считает, что при «правильной постановке» этика и социальные науки дополняют друг друга, а индивидуальные и общественные аспекты нравственности не разделены полностью.

Как и насколько этика Кавелина связана с социальной мыслью в плане познания личности и общества? Кроме «венца всех наук и последнего заключительного слова всего знания» психологии и этики, другие науки также небесполезны: они изучают внешние, общественные, условия как «источники психической деятельности» [15, с. 10]. Кавелин в своей этике специально не рассматривает внешнее поведение человека в обществе, межличностные отношения, не дифференцирует нравственные принципы по их принадлежности к разным культурам, обществам,

социальным группам и т. п., но придает нравственным идеалам и нормам «общечеловеческое значение». В его этическом учении, обращенном к внутренней жизни индивида, можно усмотреть *социально-философские аспекты*, соединяющие личность и общество, которые автор не акцентирует, но и обойтись без них не может.

Определяя отношения этики и социальных наук, Кавелин (как и вообще в своих рассуждениях) использует гегелевскую диалектическую триаду: тезис – антитезис – синтез. Вот некоторые примеры синтеза противоположных утверждений: «Социальные науки и этика имеют разные предметы, но стремятся, как и вероучение, к одной с нею цели» [15, с. 89], «...этика, право и социальные науки, составляя особые, независимые области, в некоторых пунктах соприкасаются между собою, вплетаются взаимно и вследствие того действуют и влияют друг на друга» [15, с. 93].

Этот, пусть и неполный, синтез нравственного и общественного, субъективного и объективного проявляется в бытии как отдельного человека, так и обществ, «всего рода человеческого». Таким образом, снимается оппозиция «личность – общество»¹².

Хотя Кавелин постоянно подчеркивает, что «сожительство людей» существует по своим законам, имеет свои цели и задачи, отличающиеся от тех, по которым живут индивиды, он явно приходит к синтезу нравственности и общественного бытия в *отдельном человеке*: «Нравственно развитый человек, — пишет он, — есть наилучший из граждан, членов организованного общежития, потому что по внутреннему убеждению исполняет обязанности и приносит жертвы, необходимые для правильного сожительства людей» [15, с. 93]. Кавелин также говорит о синтезе нравственных начал и общественного бытия *социальных общностей*. Он не соглашается с мнением, будто нравственность не имеет значения в «устройении быта... обществ, народов и всего человеческого рода» [15, с. 59]. Напротив, по мере исторического развития люди сближают субъективный и объективный миры, стремясь удовлетворить свои потребности: «...чем более живет род человеческий, тем более этот объективный мир прилагается к потребностям и нуждам людей, которые... все более и более прилагаются к нему. Чем более оба мира, объективный и субъективный, между собою таким образом сближаются, тем их взаимная зависимость друг от друга будет становиться сильнее, а следовательно, нравственные элементы будут играть тем большую и большую роль в устройении объективного порядка дел и вещей» [15, с. 60].

Социально-философский аспект содержится в описании Кавелиным механизма соединения субъективных идеалов человека с идеалами общественными. Первые, зарождаясь в «душе человека», могут приобретать надличностный характер, они не замыкаются внутри души. Их субъективная идеальность, таким образом, становится объективной, общностной. Как отмечалось, общество для Кавелина — это ноумен, «отвлеченная», то есть идеальная, реальность. Но человек способен соединиться с ней благодаря собственной «идеальной реальности» — сознанию. Оно выводит человека в идеальный мир, «который подымает его до всеобщего, тянет неудержимо к совершенствованию, которое состоит в стремлении

¹² Как отмечают исследователи историко-культурных идей Кавелина, «главным противоречием, явившимся источником диалектического развития русской истории, является оппозиция “личность – общество”, которая в отечественных историко-культурных условиях приобретает следующий вид: семейный (или родовой) закон и “начало личной самостоятельности”» [3, с. 46].

к идеалу, в усилиях осуществить его в действительности» [15, с. 10]. Соединение с «всеобщим» преобразует человека как члена общества и участника истории: оно может вывести «из узкого, тесного круга обособленной индивидуальности и поднять его до идеального типа... сложившегося через отвлечение и обобщение качеств и свойств человеческой природы, признаваемых в данное время, при известных обстоятельствах и при господствующих понятиях и взглядах, за самые совершенные» [15, с. 56–57].

Другое связующее звено между индивидом и обществом, философски усматриваемое Кавелиным, — способность к сознательной, творческой деятельности¹³, благодаря которой человек приспосабливает объективный мир «к потребностям... существования людей, личного и коллективного». В сферу этических интересов мыслитель включает только субъективные идеалы и субъективную деятельность. Но считает, что изучение деятельного начала человека с его субъективной и объективной сторон дает серьезные авансы социальной мысли в широком смысле слова: «Но что еще гораздо значительнее — при таком взгляде исчезает непереступаемая граница, которая до сих пор разделяла личную, индивидуальную жизнь от общей и коллективной, субъективную от объективной», — пишет Кавелин [15, с. 33].

Еще один социально-философский аспект кавелинской этики связан с пониманием свободы воли человека. Она, являясь «психическим фактом», «совершается на материальной подкладке», то есть не ограничивается только внутренними мотивами, но, как и необходимость, определяется некими внешними условиями, «объективным материалом» общественной жизни. Свобода воли, по мнению Кавелина, «ничего не производит», но комбинирует этот «материал» в «иные сочетания»¹⁴ [15, с. 20–24]. Чтобы свобода воли стала доступной научному исследованию, мыслитель предлагает подходить к ней как к живому явлению, обнаруживающему себя вовне, а не как к логической спекуляции.

* * *

Главной целью «Задач этики» автор назвал разработку этики на научной основе, разрешение противоречий социальной мысли и поиски научного метода. В этическом учении он предполагал различать «отвлеченное» мышление и научное. «Единственною нашею целью было показать, — писал Кавелин, — что этическая точка зрения вовсе не противоречит научной, что этические идеалы совсем не общие места, а так же важны и действительны в практической жизни, как и объективные...» [15, с. 75].

Насчет научности кавелинского этического учения существуют разноречивые мнения, что, возможно, объясняется отмеченным нами его синтетическим характером. Так, В.В. Зеньковский считает, что, несмотря на отсутствие у Кавелина «поклонения» естествознанию и позитивизму, его этические построения — не научные, а философско-идеалистические. «Строгая моральная оценка действительности у Кавелина никак не может быть выведена из его “научной” этики, — на

¹³ О понимании Кавелиным субъективной и объективной деятельности, субъективных и объективных идеалов см.: [15, с. 50–54].

¹⁴ Совместимость в «психических фактах» Кавелина материального и духовного начал, проблемы их разграничения анализирует М.М. Троицкий, см.: [32, с. 10–13, 47].

самом деле эта оценка вытекает у Кавелина из чисто морального идеализма, то есть не связана ни по существу, ни в своем генезисе с его мнимо-научным построением этики», — пишет философ [12, с. 338]. Несмотря на открывшуюся Кавелину «субъективную правду этической сферы человека», он, по мнению Зеньковского, «наивно верит в “научное обоснование этики” на том основании, что ныне, благодаря успехам психологии, “доступны исследованию самые сокровенные тайны бытия”, но фактически он нисколько не стеснен “научным исследованием” фактов этической жизни. Его очень высокое этическое вдохновение *по существу самостоятельно и независимо*. Его подчинение науке не идет дальше признания того, что “свобода возможна в человеке лишь при определенных условиях, что она не есть нечто само по себе безусловное”, но, сделав эту оговорку, Кавелин затем уже свободно и смело строит этику идеалистического характера» [12, с. 337]. Поскольку сознание человека имеет дело не с реальными фактами, а с его внутренними состояниями, поясняется далее, «право этического сознания ставить человеку *свои* задачи (независимо от внешней необходимости) для Кавелина бесспорно» [12, с. 337].

Философ и психолог М.М. Троицкий назвал подход Кавелина реал-идеализмом, а его самого — «положительным мыслителем». По мнению Троицкого, «в *Задачах этики* Кавелин не обошел ни одного из основных пунктов своей прежней метафизики души, а, очевидно, с намерением поставил их на вид и дал им такую обработку, в которой не осталось и следа их метафизического смысла» [32, с. 59–60]. Однако психология Кавелина, считает Троицкий, во многом утратила свою оригинальность, «положительное учение его о психических явлениях не отличается ни ясностью, ни новизной и далеко не отвечает современным успехам психологии» [32, с. 60]. Вместе с тем, по оценкам Троицкого, Кавелин «достиг того, к чему стремился неутомимо всю свою жизнь; в *Задачах этики* — «последнее слово его долговременного философского труда над величайшим из всех научных вопросов — над вопросом о методе науки — заключительный шаг его постепенной переработки себя из метафизика сороковых годов в современного положительного мыслителя» [32, с. 60].

В наши дни исследователь психологических идей Кавелина А.В. Юлова усматривает непосредственную связь между его учением и «российскими школами истории и социологии» [35]. Так, она обнаруживает влияние Кавелина на русскую субъективную школу (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров), разработавшую концепции «героя и толпы», роли личности в истории, общественного прогресса, а также на представления Н.И. Кареева об историческом прогрессе «в виде серии личных инициатив, совершенствующих культурную традицию новизной своих целевых устремлений, воодушевляющих народные массы на их реализацию» [35, с. 16].

Заключение

Без специального исследования трудно утверждать, насколько и в каком отношении «программа» К.Д. Кавелина *повлияла* на развитие социологии в последующий дореволюционный период и тем более на дальнейших этапах. Однако определенно можно говорить о *связи* между кавелинскими идеями второй половины XIX в. и дореволюционной социальной мыслью в плане научно-теоретическом,

социально-философском, эпистемологическом. Своеобразие и оригинальность подхода Кавелина — в попытках теоретического синтеза, стремлении объединить все полезное в господствующих направлениях науки и философии, снять идеальные напряжения между исследованиями личности и общества.

Смысл работ Кавелина, их логическое построение трудно назвать прозрачными и легкими для восприятия современного читателя. Автор делает много повторов, иногда прерывает начатую мысль, возвращаясь к уже пройденной, порой противоречит себе. Эволюция рассуждений Кавелина о развитии социальной мысли рассматриваемого периода, возможно, представлена нами не без «домысливания», призванного устраниТЬ некоторые пробелы и неясности его текстов. Во всяком случае, на наш взгляд, есть возможность проследить поступательное развертывание подхода Кавелина от психологического изучения внутреннего мира личности к этическому, совмещающему научные и социально-философские основания и методы, какими их представлял автор.

В «программе» Кавелина заключено лишь одно из возможных видений состояния и развития социальной мысли. Но в сравнении с другими авторами он едва ли не с наибольшей систематичностью в течение многих лет следил за развитием социального познания, в публикациях на темы современной ему жизни писал о выборе мировоззренческих и методических подходов к их исследованию, демонстрируя оригинальный взгляд на духовно-нравственную сторону общества и личности, акцентируя внимание на ответственности социального мыслителя. Такая установка, неизменный интерес к духовно-нравственному развитию общества сами по себе заслуживают внимания. Мировоззренческая позиция Кавелина основана на принципах социологического номинализма, антропоцентризма, психологизма. Однако автор не замыкается в психологизме, так как считает важным и внешнее — общественное — влияние на внутренний мир человека. Подчеркивается и обратное влияние: «Личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа» [17, с. 18]. В своей этике Кавелин фактически соединяет субъективное и объективное, нравственное и общественное. Он указывает на социальную обусловленность нравственности и свободы воли, несмотря на то что они представляют собой «психические факты»; на объединение людей за счет перехода субъективных идеалов в общественные; на деятельное начало личности в жизни общества и т. п. Отсюда следует предлагаемая Кавелиным междисциплинарная, синтетическая методология социальной мысли своего времени.

Труды Кавелина имеют не только историко- и социально-научное, но и культурное значение. Ценно то, что при создании своего учения Кавелин исходит из осмысливания российской ситуации, сложившейся в интеллектуальной среде, общественной жизни, исследует духовно-культурную атмосферу преформенной России второй половины XIX в., к которой принадлежал сам. Кавелин стал одним из тех первопроходцев, которые в ситуации научной и исторической неопределенности искали пути исследования российского общества. Признавая первенство европейских социальных наук, они многое там почерпнули, однако не путем слепого подражания, а в попытках применить западные теории к собственному обществу. В фокусе внимания Кавелина были вопросы соотношения самобытности российской общественной мысли и влияний Запада, ее ценностные основания и пер-

спективы развития, возможности общественных идей способствовать решению проблем российского общества и улучшению его жизнеустройства. Мыслитель стремился выяснить причины отставания российской науки от западной.

Можно предположить, что идеи Кавелина лежат в русле традиционных тенденций русской социальной и социально-философской мысли дореволюционного периода. Ключевые понятия и положения его творчества — центральное место личности, нравственные идеалы, преимущественно христианские, общественный прогресс, приоритет духовного над материальным, неразрывность знания и общественной практики, преобразующее значение науки — традиционны и для русской мысли в целом (см., например: [12]). На примере второй половины XIX в. Кавелин наглядно показывает радикальные идейные повороты социальной мысли, несмотря на это, сохраняющей свои традиционные, инвариантные черты, обусловленные социокультурными и ментальными особенностями российского общества. Кавелину свойственно признание преемственности, наследования новыми направлениями идей и ошибок предыдущих.

Представляется, что многие духовные проблемы российского общества циклически повторяются в истории, но на новом цивилизационном уровне. В наше время социальные науки в России снова находятся на историческом перепутье, частью пересматривая влияние западной науки, отказываясь от него, а частью следуя ему и отстаивая соответствующие приоритеты. На очередном перепутье находится и само российское общество. В «Злобах дня» К.Д. Кавелин высказал интересное историософское наблюдение: в конце каждой эпохи, когда общественные устои изживают себя, человек в поисках дальнейшего пути обращается к своему внутреннему «Я», даже если внешняя жизнь в это время устроена вполне благополучно. В такие времена, по мнению мыслителя, явными и острыми становятся вопросы самосовершенствования, духовно-нравственной жизни индивида и общества, усиливается ответственность наук по изучению внутреннего мира общественного человека. Если это так, то подобные наблюдения Кавелина полуторавековой давности при внимании к ним социальных ученых сегодня могут приобрести значение и для задач российской науки, и для общественной жизни.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Телефон: +7 (499) 120-82-57. Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 146–174. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.8

Research Article

LARISSA A. KOZLOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

THE OBJECTIVES OF SOCIAL COGNITION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: K.D. KAVELIN'S "PROGRAM"

Abstract. This article examines the views of Konstantin Dmitrievich Kavelin (1818–1885), a Russian social thinker and public figure, on the objectives of social scientific knowledge in his time. It provides a historical description of his intellectual influences, a phenomenological account of his personal experience, a textual analysis of his late works, and addresses several source studies issues related to the ideological atmosphere of the period under study and his creative work. An attempt is made to study Kavelin's later legacy from historical-sociological, socio-philosophical and epistemological points of view, in the context of the evolution of his ideas aimed at developing a methodology of social cognition, which has not previously received attention in the scientific literature. The article draws on works from the 1870's and 1880's, letters and memoirs by Kavelin and his circle, as well as the works of contemporary Russian social scientists.

It is shown that K.D. Kavelin's interest in the spiritual and moral life of the Russian people, "our mental formation", had personal roots and meanings, and was linked to his worldview, character traits, the influence of his intellectual environment and social interests. Kavelin's assessments of the main trends in Russian philosophy and science are presented. While critiquing them, he offers his own vision of the development of social cognition, which can be loosely called a theoretical "program." At its center is attention to the individual, their needs, and the paths of their spiritual, moral and mental development; the individual is the main element of society and the engine of social progress. Kavelin's complex of theoretical and methodological ideas is based on a synthesis of psychological and ethical views; the development of social thought is dependent on the state and prospects of psychology and ethics as priorities for understanding man and society in contemporary Russia.

It is revealed that Kavelin's "program" in his later years evolves from the formulation of psychological tasks to formulating ethical and philosophical ones and is ultimately determined by the synthesis of psychological and socio-philosophical ideas. His worldview and proposed methodology of social cognition are based on the principles of sociological nominalism, anthropocentrism, and psychologism. Conclusions are drawn about the contribution of K.D. Kavelin's teachings to the history of Russian thought, about the cultural significance of the "program", as well as the connection between the thinker's theoretical ideas and pre-revolutionary social-scientific traditions in Russia.

Keywords: K.D. Kavelin (1818–1885); history of Russian social thought in the second half of the 19th century; intellectual atmosphere in Russia; "our mental formation"; sociological nominalism; anthropocentrism; psychologism; epistemology; psychology; ethics; social philosophy; tradition of Russian thought.

For citation: Kozlova, L.A. The Objectives of Social Cognition in the Second Half of the 19th Century: K.D. Kavelin's "Program". *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 146–174. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.8)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** LarissaKozlova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арсланов Р.А.* История Российского государства в концепции К.Д. Кавелина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2007. № 1. С. 37–47. EDN: [IJLCIV](#)
Arslanov R.A. History of the Russian State in the Concept of K.D. Kavelin. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Istoriya Rossii»*. 2007. No. 1. P. 37–47. (In Russ.)
2. *Арсланов Р.А.* Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во РУДН, 2000. — 377 с.
Arslanov R.A. *Kavelin: Man and Thinker*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia publ., 2000. 377 p. (In Russ.)
3. *Бледный С.Н., Смирнова М.И.* Творчество К.Д. Кавелина и его труды в свете поиска национально-культурной идеи России // Вестник МГУКИ. 2016. № 4 (72). С. 49–47.
Bledny S.N., Smirnova M.I. The Works of K.D. Kavelin and His Works in Light of the Search for a National-Cultural Idea of Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: nauchnyi zhurnal*. 2016. No. 4 (72). P. 49–47. (In Russ.)

4. Вялов А.И. Этические взгляды К.Д. Кавелина // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 204–214. EDN: [SGSIYZ](#)
Vyalov A.I. Ethical Views of K.D. Kavelin. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"*. 2013. No. 23 (166). Iss. 26. P. 204–214. (In Russ.)
5. Голосенко И.А. Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX – начала XX веков (библиографический указатель). М.: Ин-т социологических исследований АН СССР, 1984. — 110 с.
Golosenko I.A. *Bourgeois Sociological Literature in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Bibliographic Index)*. Moscow: Institute of Sociological Research, USSR Academy of Sciences publ., 1984. 110 p. (In Russ.)
6. Голосенко И.А. Русская социология: ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М.: Академия наук СССР; ИСИ, ССА, 1986. — 193 с.
Golosenko I.A. Russian Sociology: Its Sociocultural Prerequisites, Interdisciplinary Relations, Main Problems, and Directions. *From the History of Bourgeois Sociological Thought in Prerevolutionary Russia*. Moscow: USSR Academy of Sciences; ISI publ., SSA publ., 1986. 193 p. (In Russ.)
7. Гуревич П. С. Умственный строй как тема К. Д. Кавелина // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 132–139.
Gurevich P.S. Mental System as a Theme of K.D. Kavelin. *Byulleten' Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 35 (3). P. 132–139. (In Russ.)
8. Ерыгин А.Н. Традиционная и модернизирующая Россия в философии истории русского либерализма (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. — 373 с. EDN: [QWLDXJ](#)
Erygin A.N. *Traditional and Modernizing Russia in the Philosophy of the History of Russian Liberalism (K.D. Kavelin, S.M. Soloviev, B.N. Chicherin)*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 2004. 373 p. (In Russ.)
9. Живайкина А.А. К.Д. Кавелин: Опыт философского анализа культуры // Известия Саратовского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 8–12. DOI: [10.18500/1819-7671-2009-9-4-8-12](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2009-9-4-8-12)
Zhivaikina A.A. K.D. Kavelin: An Experience of Philosophical Analysis of Culture. *Byulleten' Saratovskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika"*. 2009. Vol. 9. Iss. 4. P. 8–12. DOI: [10.18500/1819-7671-2009-9-4-8-12](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2009-9-4-8-12) (In Russ.)
10. Живайкина А.А. Система философских взглядов К.Д. Кавелина: историко-философский анализ: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03 — история философии по философским наукам / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2010. — 150 с. EDN: [QFBGQZ](#)
Zhivaikina A.A. *The System of Philosophical Views of K.D. Kavelin: Historical and Philosophical Analysis: Dis. for Cand. Sci. Degree. Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.03 — History of Philosophy Based on Philosophical Sciences*. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Saratov, 2010. 150 p. (In Russ.)
11. Загороднова И.В. К вопросу о науках, средствах и идеалах, формирующих нравственную личность (по работам К.Д. Кавелина) // Интеграция образования. 2001. № 4. С. 10–12. EDN: [QBKHTL](#)

- Zagorodnova I.V. On the Issue of Sciences, Means, and Ideals that Shape a Moral Personality (Based on the Works of K.D. Kavelin). *Integratsiya obrazovaniya*. 2001. No. 4. P. 10–12. (In Russ.)
12. Зеньковский В.В. Истории русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. — 880 с.
- Zenkovsky V.V. *Histories of Russian Philosophy*. Moscow: Akademicheskii Proekt publ.; Raritet publ., 2001. 880 p. (In Russ.)
13. Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ. ст. В. К. Кантора. М.: Правда, 1989. С. 307–319.
- Kavelin K.D. Our Mental Formation. *Our Mental Formation. Articles on the Philosophy of Russian History and Culture*. Comp., Introd. by V.K. Kantor. Moscow: Pravda publ., 1989. P. 307–319. (In Russ.)
14. Кавелин К.Д. Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований. СПб.: Типография Ф. Сущинского, 1872. — 239 с.
- Kavelin K.D. *The Objectives of Psychology. Considerations on the Methods and Program of Psychological Research*. Saint Petersburg: Tipografiya F. Sushchinskogo publ., 1872. 239 p. (In Russ.)
15. Кавелин К.Д. Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания // Сочинения К. Д. Кавелина. В 4 т. Том третий. Наука, философия и литература. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 897–1018.
- Kavelin K.D. The Objectives of Ethics: The Doctrine of Morality under Modern Conditions of Knowledge. *Works of K.D. Kavelin. In 4 volumes. Volume Three. Science, Philosophy, and Literature*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1899. P. 897–1018. (In Russ.)
16. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ. ст. В.К. Кантора. М.: Правда, 1989. — 654 с.
- Kavelin K.D. *Our Mental Formation. Articles on the Philosophy of Russian History and Culture*. Comp., Introd. by V.K. Kantor. Moscow: Pravda publ., 1989. 654 p. (In Russ.)
17. Кавелин К.Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том 1. Монографии по русской истории: [рассуждения, критические статьи и заметки, рецензии К.Д. Кавелина] / СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — XXXII с., 1052 стб., III с.
- Kavelin K.D. *Collected Works of K.D. Kavelin. Volume 1. Monographs on Russian History: [discussions, critical articles and notes, reviews by K.D. Kavelin]*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1897. XXXII p. (In Russ.)
18. Кавелин К.Д. Сочинения К.Д. Кавелина. В 4 т. Том третий. Наука, философия и литература. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. — 1256 с.
- Kavelin K.D. *Works of K.D. Kavelin. In 4 volumes. Volume Three. Science, Philosophy, and Literature*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1899. 1256 p. (In Russ.)
19. Кони А.Ф. Памяти К.Д. Кавелина // Сочинения К.Д. Кавелина. Том третий. Наука, философия и литература. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. VII–XX.
- Koni A.F. In Memory of K.D. Kavelin. *Works of K.D. Kavelin. Volume Three. Science, Philosophy, and Literature*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1899. P. VII–XX. (In Russ.)
20. Корсаков Д. Кавелин, Константин Дмитриевич // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб.: Типография главного Управления Уделов, 1897. С. 358–373. Дата обращения: 25.08.2025. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/a8e/8.pdf>

- Korsakov D. Kavelin, Konstantin Dmitrievich. *Russian Biographical Dictionary*. Vol. 8. Saint Petersburg: Tipografiya glavnogo Upravleniya Udelov publ., 1897. P. 358–373. Accessed 25.08.2025. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/a8e/8.pdf> (In Russ.)
21. Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том. 1. Монографии по русской истории. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. IX–XXX.
Korsakov D.A. *Life and Work of K.D. Kavelin. Collected Works of K.D. Kavelin. Vol. 1. Monographs on Russian History*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1897. P. IX–XXX. (In Russ.)
22. Корсаков Д.А. Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. № 2. С. 457–488.
Korsakov D.A. Konstantin Dmitrievich Kavelin. Materials for a Biography. From Family Correspondence and Memories. *Vestnik Evropy*. 1887. No. 2. P. 457–488. (In Russ.)
23. Kochukova O.B. «Источник всех идеалов — нравственная личность»: К.Д. Кавелин в дискуссиях о нравственности, религии и искусстве (70–80-е гг. XIX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 137–144. DOI: [10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144)
EDN: [WKPJCL](#)
Kochukova O.V. “The Source of All Ideals is a Moral Personality”: K.D. Kavelin in Discussions on Morality, Religion, and Art (1870s–1880s). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya “Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya”*. 2016. Vol. 16. Iss. 2. P. 137–144. DOI: [10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144) (In Russ.)
24. Малинов А.В. Философия русской истории К.Д. Кавелина // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2017. № 29. С. 65–71. EDN: [YNHWUG](#)
Malinov A.V. Philosophy of Russian History by K.D. Kavelin. *Veche: Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury*. 2017. No. 29. P. 65–71. (In Russ.)
25. Медушевский А.Н. Глава 1. Юридическая школа и ее социологическая концепция. Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский // История русской социологии; 2-е изд. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 44–55.
Medushevsky A.N. Chapter 1. The Legal School and Its Sociological Concept. B.N. Chicherin, K.D. Kavelin, A.D. Gradowsky. *History of Russian Sociology*. 2nd ed. Moscow–Berlin: Direct-Media publ., 2015. P. 44–55. (In Russ.)
26. Михайлова Е.Е., Пьянова Л.В. Гуманистический смысл философии истории К.Д. Кавелина // Вестник Тверского государственного технического университета. 2007. № 11. С. 200–203. EDN: [TJBAXR](#)
Mikhailova E.E., P'yanova L.V. The Humanistic Meaning of K.D. Kavelin's Philosophy of History. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2007. No. 11. P. 200–203. (In Russ.)
27. Михайлова Е.Е. Смысловая значимость славянофильства в оценке К.Д. Кавелина // Философский полилог. 2017. Вып. 2. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.11>
Mikhailova E.E. The semantic significance of Slavophilism according to Konstantin Kavelin. *Filosofskii polilog*. 2017. Iss. 2. P. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.11> (In Russ.)
28. Назаров В.Н. История русской этики: Учебное пособие по направлению подготовки «Прикладная этика» — 032200. М.: Гардарики, 2006. — 319 с. EDN: [QWMZLD](#)

- Nazarov V.N. *History of Russian Ethics: A Textbook in the Direction of Preparatory Studies “Applied Ethics”* — 032200. Moscow: Gardariki publ., 2006. 319 p. (In Russ.)
29. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время / Барон Б.Э. Нольде. Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. — 245 с.
- Nolde B.E. *Yuri Samarin and his Time*. Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre publ., 1926. 245 p. (In Russ.)
30. Погудина Т.В. Философия К.Д. Кавелина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3–1. С. 29–40. EDN: [RCRYEP](#)
Pogudina T.V. Philosophy of K.D. Kavelin. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2013. No. 3–1. P. 29–40. (In Russ.)
31. Самарин Ю.Ф. Разбор сочинений К.Д. Кавелина «Задачи психологии» // Сочинения. Иезуиты и статьи философско-богословского содержания. Т. VI. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1887. С. 371–478.
Samarin Yu.F. Analysis of the works of K.D. Kavelin “The Objectives of Psychology”. *Works. Jesuits and articles of philosophical and theological content*. Vol. VI. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Co. publ., 1887. P. 371–478. (In Russ.)
32. Терехова Н.С. Идея государства в социально-политической концепции К.Д. Кавелина // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–3 (56). С. 257–261. EDN: [KXOGJR](#)
Terekhova N.S. The Idea of the State in the Socio-Political Concept of K.D. Kavelin. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No. 4–3 (56). P. 257–261. (In Russ.)
33. Троицкий М.М. К.Д. Кавелин (Страница из истории философии в России). 1885. — 64 с. DOI: [10.5962/bhl.part.17898](#)
Troitsky M.M. *K.D. Kavelin (A Page from the History of Philosophy in Russia)*. 1885. 64 p. DOI: [10.5962/bhl.part.17898](#) (In Russ.)
34. Тюлина А.В. К.Д. Кавелин о природе исторического процесса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 27 (61). С. 285–291. EDN: [KNOATX](#)
Tyulina A.V. K.D. Kavelin on the Nature of the Historical Process. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertseva. Aspirantskie tetradi*. 2008. No. 27 (61). P. 285–291. (In Russ.)
35. Чеснова Е.Н., Вялов А.И. Реконструкция учения К.Д. Кавелина о соотношении этики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 86–92. EDN: [STYBXJ](#)
Chesnova E.N., Vyalov A.I. Reconstruction of KD Kavelin’s Teaching on the Relationship between Ethics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014. No. 2. P. 86–92. (In Russ.)
36. Юлова А.В. Психологические взгляды К.Д. Кавелина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук: 19.00.01. Н. Новгород, 2003. — 19 с. EDN: [NMIXJT](#)
Yulova A.V. *Psychological views of K.D. Kavelin: Abstract of a dissertation for a candidate of psychological sciences degree*: 19.00.01. N. Novgorod, 2003. 19 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.10.2025; поступила после рецензирования и доработки: 14.11.2025; принята к публикации: 05.12.2025.

Received: 04.10.2025; revised after review: 14.11.2025; accepted for publication: 05.12.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.9

EDN: RZHPWZ

В.В. ЗЯБРИКОВ¹, И.Б. МИКИРТУМОВ²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

СОРЕВНОВАТЕЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ НА МЕСТЕ УСТАНОВОК ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА¹

Аннотация. В этой статье авторы ставят под вопрос актуальность оппозиции индивидуализма и коллективизма Герда Хоффстеде в эпоху цифровизации. Медиатизация труда вызывает размывание границ между реальным и виртуальным, сокращение непосредственных взаимодействий приводит к тому, что привычные аффекты теряют свою интенсивность. Авторы соотносят с индивидуализмом аффективную сборку обособления, соревнования и господства, а с коллективизмом — причастности, дружбы и удержания равновесия (справедливости). Их действенность рассматривается как признак актуальности соответствующих установок. На основе некоторых данных из литературы показывается, что нельзя сделать вывод о цифровизации как триггере индивидуализма. Указывается на такие дополнительные факторы, как эманципация, рост уровней образования и культуры. Их влияние, однако, не является специфическим, и установки индивидуализма и коллективизма превращаются в ситуативные паттерны поведения, поскольку они снимаются более высоким уровнем рациональности. В цифровой среде труда и досуга их аффективные сборки перестают переживаться как элементы идентификации. По мнению авторов, ведущим аффектом передовых групп становится всеохватывающая соревновательная креативность, предполагающая удовольствие от труда и вытесняющая аффекты борьбы, подчинения необходимости, испытания, долга. Рост рациональности, которому цифровизация способствует, лишает оппозицию индивидуализма и коллективизма информативности, тогда как оценки интереса и равнодушия, удовольствия и неудовольствия в труде и иных сферах активности могут оказаться более полезными для диагностики культуры.

Ключевые слова: индивидуализм; коллективизм; Г. Хоффстеде; соревновательная креативность; цифровизация; аффект; рациональность.

¹ В статье представлены результаты исследований по проекту РНФ 25-18-00208 «Экзистенциальный опыт в цифровой среде: “бытие к цифре”, онтология виртуального и человеческое Я», выполненных в НИУ ВШЭ в 2025 г.

Для цитирования: Зябриков В.В., Микиртумов И.Б. Соревновательная креативность на месте установок индивидуализма и колLECTИВИзма // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 175–191. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.9 EDN: RZHPWZ

Введение

Теория индивидуализма и колLECTИВИзма (ИК) как установок социального поведения получила современный вид в работах Герда Хофтеде (см.: [7; 22]), предложившего модель идентификации культур по четырем шкалам, среди которых первой была шкала ИК, и Гарри Триандиса [32], разработавшего социально-психологическую концепцию ИК. Модель Хофтеде стала очень популярным эвристическим инструментом, так как содержащиеся в ней оппозиции индивидуализма и колLECTИВИзма, близости и удаленности от власти, маскулинности и фемининности, терпимости и нетерпимости к неопределенностям предлагали очень понятные метафоры и интуиции, ориентированные на задачи управления, не претендуя на полноценный научный характер. Погружение модели Хофтеде в социологию и социальную психологию привело к ее существенным модификациям. Сегодня научно корректной признана двумерная версия Минкова — Хофтеде, в которой сохраняется шкала ИК и которая обнаруживает большое сходство с «мировой картой ценностей» из проекта Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля [7, с. 296]. В частности, шкале ИК соответствует на карте ценностей ось предпочтений самовыражения и выживания. В социальной психологии внимание было сосредоточено на сущности индивидуализма и колLECTИВИзма и на их измеримости вне кросс-культурного контекста. Результатом стала весьма далекая от представлений Хофтеде теория, в которой индивидуализм и колLECTИВИзм суть «культурные синдромы», проявления которых определяются психоэмоциональной конституцией человека, ходом его социализации и частными ситуациями принятия решений [33, р. 44, 48]. Авторы энциклопедии «Личность и индивидуальные различия» полагают, что вопрос о содержании индивидуализма и колLECTИВИзма остается открытым, так как в одних исследованиях они ортогональны друг другу, а в других — нет, и любому отношению содержаний сопутствует плохая воспроизведимость результатов эмпирических исследований [18, р. 2235]. Можно сказать, что кросс-культурная социология имеет дело с более или менее определенной концептуализацией ИК, в то время как социально-психологические работы, напротив, исходят из подвижности их содержания.

Затрагивающие труд и досуг социокультурные изменения последних 50 лет связаны прежде всего с медиатизацией и цифровизацией всех сторон жизни. Параллельно повышались уровни образования и общей культуры и происходила своего рода когнитивная эманципация: «способность суждения» обретают люди, ранее на нее не притязавшие. Каждое новое исследование ИК происходит теперь в среде, которая не только «помнит» о предшествующих исследованиях, но и по-новому проблематизирована вопросами анкет, неустранимо многозначными по своему содержанию. Это свидетельствует о нарастающей утрате «абсолютного» смысла ИК и о дефиците их идентифицирующей функции. Содержание ИК и связь человека с этими установками модифицируются всякий раз, когда

возникает необходимость, руководствуясь ими, принимать решение и совершать действие. И это значит, что индивидуализм и коллективизм работают не только как компоненты идентичности и идеологические принципы, но и — если следовать социально-психологической теории решений и действий, развивавшейся от Аристотеля до Сильвана Томкинса, — как аффекты.

В данной статье авторы высказывают ряд предположений и содержательно обсуждают их. Обращение к аффективной стороне ИК составляет ее специфику, а отправной точкой для рассуждения послужили слова Александра Аузана, которыми он резюмирует свой анализ соотношения индивидуализма и коллективизма в России: «Думаю, что цифровизация открывает новую неожиданную возможность, потому что она позволяет выявить арбитров, которых признает и та и другая культура» [1, с. 79]. Авторы статьи начинают с влияния цифрового труда на воображение, потом затрагивают философско-психологическую теорию аффектов и описывают связанные с ИК аффективные комплексы индивидуальной миссии и разделяемого долга. Затем обсуждаются данные из литературы, которые свидетельствуют о том, что цифровизация и индивидуализм возрастают сонаправленно, но не позволяют сделать определенные выводы о причинных отношениях между этими явлениями. После чего авторы переходят к предположению о том, что отмеченная Триандисом тенденция усиливается цифровизацией и вместе с другими факторами замещает оппозицию ИК рациональным поведением, в мотивации которого человек сам определяет баланс индивидуального и общего блага, так что установки ИК становятся лишь ситуативными стратегиями. Прежние аффективные комплексы вытесняются новым аффектом игры и состязания, позволяющим проявлять и индивидуалистские, и коллективистские реакции не только в труде, но и в прочих сторонах жизни. В той мере, в какой этот вывод справедлив, оппозиция ИК утрачивает информативность.

Цифровой труд и воображение

Труд в развитых обществах современного капитализма, как и сам этот капитализм, притягивает к себе яркие метафоры: цифровой [19], когнитивный [13], аффективный [23], «виртуозный» [34]. Первое означает ведущую роль компьютерных технологий, второе — возрастание оперирования знаниями и информацией, третье — коммодификацию внимания и эмоций, четвертое — возрастание степени уникальности вклада работающего. Будем называть труд, соединяющий в той или иной пропорции названные качества, цифровым, поскольку эта характеристика удачно отражает измеримую черту современного труда, а именно его медиатизированность, то есть осуществляемое с помощью интерфейсов информационных систем и иных средств дистанционной презентации опосредование взаимодействий с людьми, вещами и процессами.

Означаемым для этих репрезентаций становятся воображаемые объекты, отличие которых от объектов реальных перестает быть устойчивым. Само различие между реальным и виртуальным надежнее всего формулируется в терминах практики и деятельности, в нашем случае — трудовой, включающей и сопутствующую социальную активность. С тем, что воспринимается как реальное, мы ведем себя не так,

как с тем, что воспринимается как виртуальное. Например, непрерывная разливка стали, в которой человек непосредственно участвует, и компьютерная игра, которой он увлечен на досуге, связывают обязательствами различной степени направленности и интенсивности. И там и там можно быть невнимательным и легкомысленным, но, очевидно, с очень разными последствиями. Представим, что перед оператором разливки стали, сидящим в изолированном от шума, чада и жара помещении, находятся два монитора. На первом он видит параметры и схему производственного процесса, но не сам процесс, тогда как на другом (конечно, в нарушение всех правил) — интерфейс компьютерной игры. Сближение презентации некоторых черт реального и чисто виртуального здесь случайно, но в обоих случаях происходящее дано интерфейсом, так что непосредственно производимые человеком действия — отслеживание данных на мониторе, клики и нажатия на клавиши — одни и те же. Непосвященный наблюдатель мог бы в равной степени счесть оба процесса реальными или же, напротив, виртуальными. Психологическая же выгода состоит в замещении конфликтного реального, с которым приходится считаться, проекциями желаемого, не приносящими беспокойства. *Реальным оказывается то, цена игнорирования чего выше, в то время как виртуальное, напротив, может игнорироваться с меньшими издержками.* Мера допустимого задается субъектом как носителем желаний, направляемых воображением, которое под влиянием повседневной практики медиатизированного труда создает все более комфортную и далекую от реальности картину мира. Будучи аффективно значимой, она бесконфликтно сосуществует с противоречащими ей знаниями и прошлым опытом.

Способность различать реальное и воображаемое — фундаментальная черта рациональности. Ее коррозии мы в данном случае обязаны и характерным для современных богатых обществ аффектам, сопровождающим труд и иную социальную активность. Главным среди них является соревнование, «агон» за общественное признание [6], который вытесняет аффект вражды, включавший гнев, негодование, отчуждение, стыд и поддерживавший как универсальные рефлексию и критику, так и шедшую последние два столетия социально-классовую борьбу масс за эманципацию. Для обществ цифрового труда результатом замены вражды на соревнование становится отмеченное Люком Болтански и Эвом Кьяпелло единство сред перцепции, переживания аффектов и проявлений телесности [12, р. 436–437], уравнивающее то, что прежде было разделено на «свое» и «чужое», в частности, «свой» труд и «чужой» капитал. Ответом на это цифровой экономики становится расширение коммодификации человека, который востребован теперь во всех своих проявлениях, включая гражданско-политические [34]. Возрастает «рынок внимания», на котором обращаются любопытство, познавательная активность и эмоции [2; 24], а само потребление — например, IT-продуктов, социальных сетей, услуг платформ — становится вкладом и в общественное благо [13, р. 55], и в капитал IT-корпораций [14]. Производитель сливаются с потребителем, появляется так называемый *prosumer* [19, р. 287, 292–293], который участвует в этом процессе охотно и во взаимодействиях с интерфейсами информационных систем производит в известном смысле сам себя.

Все названное вызывает трансформацию воображения, то есть нашей способности формировать образы вещей, явлений и мира в целом, общим вектором которой является *смешение реального и виртуального*.

Аффективные сборки индивидуализма и колLECTИВИзма

Теория аффектов впервые была сформулирована Аристотелем, и аффект (страсть) в ней определялся как то, под влиянием чего люди изменяют свои решения. Современная психологическая теория аффектов и эмоций была сформулирована в работах Сильвана Томкинса и его школы (см.: [31]). В этой теории в аффекте различают осознаваемые и неосознаваемые (некогнитивные) реакции. Первые регулируются при выстраивании рационального поведения, вторые инстинктивны, действуют вне нашего контроля — «автономно» [26]. Осознаваемый аффект имеет четырехчастную структуру: (1) положение дел (факт); (2) его модуляция (позитивная или негативная); (3) желание, знание, убеждение, вера и иные установки; (4) решение и соответствующее ему действие, от осуществления которого ожидается снятие аффекта. Базовые реакции Томкинса таковы: интерес, удовольствие, удивление, страх, гнев, горе, стыд, презрение и отвращение. Их список неокончателен, допустимы вариации, а их сочетания друг с другом и с ситуациями порождают бесконечное количество аффективных комплексов [31, р. 649]. Например, внезапное увольнение группы сотрудников фирмы вызывает аффекты негодования, солидарности и страха у оставшихся, опыт подсказывает им, что дела идут неважно и новые увольнения весьма вероятны. Вследствие этого одни решают показать себя ценныхми сотрудниками, другие начинают искать новое место работы, трети рассчитывают на удачу и не меняют своего поведения, четвертые организуют профсоюз и готовят требования к работодателю. Разные реакции обусловлены как рациональным выбором, отражающим обстоятельства каждого работника, так и некогнитивными факторами. В теории аффектов существует консенсус относительно того, что начиная с чувственно-физиологических реакций, стимулы которых осознаваемы, и до аффектаций, вызванных осознаваемыми явлениями, все формы переживаний определяются социокультурным контекстом. Это значит, что в ходе социализации мы научаемся, во-первых, тому, на что вообще стоит реагировать, во-вторых, тому, как это делать (см.: [8]). В разные эпохи и в разных группах страх, гнев, негодование, надежда, стыд, любовь, соревновательность, зависть и проч. означают не одно и то же, то есть предполагают разные практики, а сложившийся опыт и традицию определенного переживания называют также эмоцией².

² В науке существуют иные подходы к изучению аффектов и иные версии соотношения аффекта и эмоции. Оставляем их в стороне, так как придерживаемся традиции, идущей от Аристотеля к Баруху Спинозе, Чарльзу Дарвину, Сильвану Томкинсу и современным течениям — «аффективному повороту» и критической теории эмоций. В данном случае некогнитивная сторона аффекта рассматривается как реакция, укорененная в телесной природе человека, и как сигнал, способность подавать который формируется в эволюции вида. Осознаваемый же аффект, во-первых, строится на основе некогнитивного, во-вторых, управляемся нами, будучи средством социального действия. Один из рецензентов статьи обратил наше внимание на работы, в которых эмоции соотносятся с ценностями (см.: [25; 29]). Эти исследования выполнены в рамках известной теории базовых ценностей Шалома Шварца [28; 30] и исследуют связь между теми эмоциями, которые люди указывают как желаемые, и теми ценностями, которые они при этом разделяют. Между тем в теории Томкинса аффект есть реакция, а его некогнитивная сторона — реакция телесная, то есть спонтанная и неуправляемая. Те эмоции (аффекты), которые мы хотим испытывать, — это уже аффекты осознанные, прошедшие через опыт и рефлексию, оформленные социокультурной средой как те или иные коммуникативные сигналы. Их соотношения с ценностями, представленные в указанных работах, есть своего рода взаимопереводимость, так как именно ценности формируют ту социокультурную среду, которая определяет, как и почему мы испытываем те или иные

На наш взгляд, цифровизация уменьшает роль некогнитивных факторов аффекта за счет того, что, во-первых, становятся более редкими непосредственные контакты между людьми, во-вторых, делается ненужным пребывание в рабочем помещении, в-третьих, медиатизируются предмет труда, его объект и производственный процесс, в-четвертых, медиатизируются сопряженные с трудом отношения. Нормы переживания аффектов могут при этом не меняться, но они более не контролируются постоянными непосредственными взаимодействиями, в которых работают именно некогнитивные факторы. Объект — будь то вещь, процесс или человек — перестает действовать как целое, так как медиатизация общения, как замечает Ева Иллуз, дифференцирует (расщепляет) другого, предъявляя в каждом случае разные его стороны и давая тем самым возможность иметь дело лишь с теми, которые приятны, в то время как на месте целого образуется воображаемый конструкт [3, с. 371–372]. Так, ослабевают узы обязательств, страхов и тревог, заданных личными отношениями, однако становятся более значимыми формальные, то есть там, где раньше можно было разрешить проблему, «инвестируя» усилия в личные связи, теперь важнее объективные факты. Это проявляется и в поддержании лояльности другому, группе, организации. В цифровой среде снижается интенсивность соперничества и зависти, подогревавшиеся презентациями успехов других, но при этом поле для них расширяется, так что оба аффекта воспроизводятся в ослабленном виде. Эмпатия приобретает более адекватный характер, теряет интенсивность и длительность, что отрицательно оказывается на сплоченности и солидарности, то есть дезинтегрирует группу, но защищает от злоупотреблений сочувствием. Уменьшается пространство для восторга и гнева, которые оправдываются как спонтанные реакции, но расширяется — для взвешенных одобрения и негодования. Слава и стыд теряют в интенсивности, и их мотивирующая значимость уменьшается. Иными словами, все то в аффектах, что основывается на непосредственных реакциях тебя и другого, уменьшает свое влияние.

Индивидуализм и коллективизм — это установки (паттерны, стратегии), которые реализуются в аффективных сборках. Горизонтальный или вертикальный характер ИК влияет на распределение веса между конкретными переживаниями. Для индивидуализма сборка формируется вокруг аффектов *обособления, соревнования и господства*, а для коллективизма — вокруг *причастности, дружбы и удержанния равновесия (справедливости)*. В обоих случаях целью конечных решений и действий является социальное признание. Их доцифровые версии хорошо представимы.

Индивидуалистическое обособление является ответом на зависимость или ожидаемые попытки подчинения. Оно имеет характер превентивного бегства, принятия на себя ролей и дискурсов, демонстрирующих сопротивление подчинению. В основе здесь находятся переживания сепарации от семьи, общины, сообщества, государства, поэтому аффект обособления является составным. В его структуре — страх остаться подчиненной частью целого, отвага вызова, надежда на успех. К nim

аффекты. Различаются в подходах Томкинса и Шварца и сами наборы аффектов. Так, в указанных исследованиях не делается различия между аффектом как реакцией, аффективным состоянием и когнитивно данным состоянием, между тем как, например, спонтанное проявление страха, постоянная встревоженность (ожидание страха) и рефлексия своего положения как опасного — это разные вещи, если нас интересуют именно реакции. Там же, где устойчивая аффектация есть симптом достижения ценного, это не так принципиально. Сопоставление подходов можно было бы продолжить, но для этого здесь, увы, нет места.

присоединяются соревновательность (ревность) — базовый аффект, обеспечивающий поощряемое обществом напряженное взаимодействие обособившихся индивидов между собой и с общественным целым и, наконец, господство. Последнее содержит низкий базовый аффект подавления другого и разворачивается по двум сценариям³. В первом к подавлению присоединяется возвышение себя как эстетизация реального или мнимого превосходства, снимаемая в славе, восхищении и удивлении со стороны других, во втором — служение другим, в котором индивид принимает на себя функции лидера и представителя. Иногда возвышение и служение совмещаются, и тогда на каждой из сторон происходит ослабление интенсивности. В обоих случаях стремление к господству подталкивает к соревнованию и подпитывается надеждой, что позволяет переживать индивидуалистическую установку как миссию обретения признания со стороны равно людей и воображаемых инстанций (божество, судьба, история, нация, революция, истина и т. п.). Рационализация этого комплекса аффектов зависит от социокультурного контекста и строится на нарративах в диапазоне от избранника богов, вождя народа, гениального интеллектуала, морального авторитета и «перста истории» до баловня судьбы, удачливого игрока, «подпольного миллионера» и т. п. Аффекты индивидуализма, переживаемые публичным политиком и «подпольным миллионером», различны лишь в формах снимающего их признания. Для первого важно одобрение обществом решений и поступков, совершенных в перспективе такого одобрения и общего блага, а для второго инстанцией признания становится он сам, когда ему удается подчинить других людей своей власти без того, чтобы они об этом знали. Любой человек и любой роли в состоянии примерить аффективную сборку индивидуализма и оценить оправданность погружения в нее в конкретной ситуации.

Коллективистская сборка аффектов — причастность, дружба, удержание равновесия — строится не как противоположность индивидуалистской. Причастность по своей эмоциональной модуляции позитивна, а страх остаться без защиты сообщества возникает лишь в редкие моменты, когда последнему грозит распад или сам индивид может быть им отторгнут. Интенсивность, с какой индивидуалист стремится избежать контроля сообщества, намного выше, так как его стремление к сепарации «социетарно», а не «фамилиарно», тогда как коллективистская причастность воспроизводит паттерны семейных отношений, питаемых некогнитивными аффектациями. Индивидуалистическая стратегия эмоционально более затратна в любом обществе, но более всего — в традиционном, и «цена» причастности всегда ниже «цены» обособления. Но коллективистская кооперация переживается когнитивно сложнее, так как в ней соединены несколько аффектов. Классическая «дружба» Аристотеля — это отношение между гражданами его идеального государства, они взаимно желают друг другу блага и стараются его доставить. Это значит, что каждый должен уметь соразмерять меру свобод и обязанностей, доходов и издержек для себя и других с усердием в делах государства, то есть “commonwealth” у Томаса Гоббса, культивировать в себе гражданскую гордость и справедливость в аффектах одобрения и негодования, подавлять зависть и злобу в пользу соревнования и эмпатии. Здесь можно увидеть два

³ Аффект подавления (насилия) — это некогнитивная и неуправляемая реакция, которую человек может проявлять в некоторых ситуациях. Он относится к низким аффектам, то есть к таким, в которых людям стыдно признаваться. Напротив, господство — осознаваемый составной аффект, переживая который мы подчеркиваем, что власть интересна нам не сама по себе.

типа соревнования. То, которого хочет индивидуалист, тем больше соответствует его установке, чем меньше в нем правил, ибо всякое правило вводится для общего, а не для частного блага. Дружественность же целиком состоит в следовании правилам, причем контролируемым неформально. Управление этим комплексом аффектов ведется в перспективе достижения и удержания равновесия отношений или справедливого баланса благ и сил, а общественное признание приходит тогда, когда в индивиде видят источник регуляции такого равновесия. Сообщество, где всякий есть такого рода источник, — это идеальный коллектив, и его образ содержится в самом аффекте удержания равновесия, придавая ему эстетический характер, как это можно увидеть в политической утопии Платона, являющейся образцом вертикального колlettivизма. Отметим, что для индивидуализма эстетизация характерна в нарративах, объясняющих личную миссию и имеющих поэтому исторический, а не онтологический характер.

Формулы переживаний аффективных сборок индивидуализма и колlettivизма кратко можно выразить так: «личная миссия» и «разделяемый долг».

Цифровизация и индивидуализм

Начнем со связи между цифровизацией и показателями ИК. Известно, что общества с высоким уровнем индивидуализма при прочих равных условиях быстрее и легче осуществляют цифровизацию [23; 27]. Имеет ли место обратная зависимость? На рисунке 1 представлена динамика индекса индивидуализма для России и Китая за последние 35 лет по данным, содержащимся на сайте Хофтеде⁴. В России начало «цифровой эры» можно условно отсчитывать с 2000 г., в Китае она наступает несколько позже, а пандемия COVID-19 способствовала повсеместному и резкому повышению показателей цифровизации. В целом создается впечатление, что рост индивидуализма и распространение цифровых технологий коррелируют друг с другом, но корреляция эта возникла недавно.

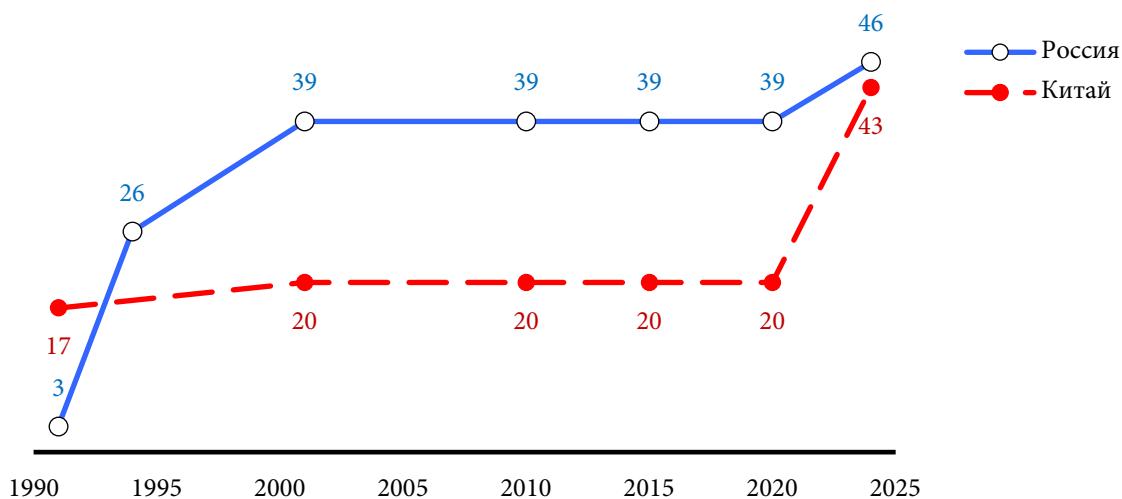
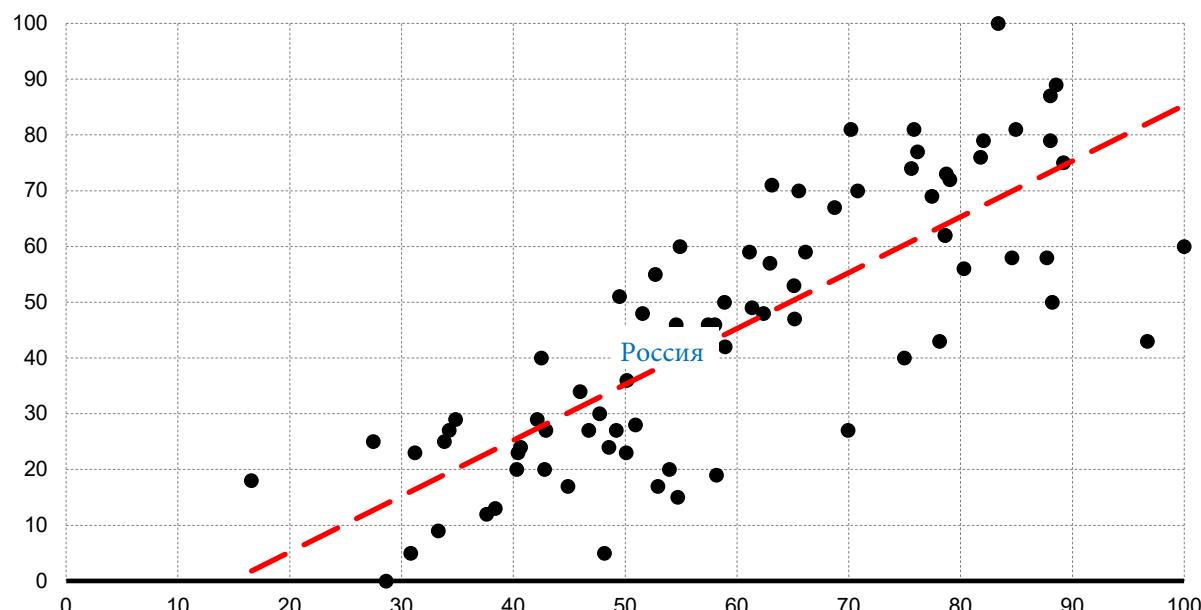

Рис. 1. Динамика индекса индивидуализма (макс — 100 баллов) в России и Китае по данным Г. Хофтеде

⁴ Данные 1991 г. [10], данные 1994 г. [11], данные 2001, 2010, 2015, 2020, 2025 гг. — сайт Хофтеде. — URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (дата обращения 10.06.2025).

Это предположение подтверждается следующими данными. В 2017 г. коэффициент корреляции между Digitalization Index (DiGiX) и индексом индивидуализма Хофтеде (IDV) составлял лишь 0,6 [15], в 2020 г. коэффициент корреляции между индексом цифровой эволюции (DEI) и IDV был примерно таким же — он составлял 0,58. В постпандемийный 2024 г. этот же коэффициент между индексом цифровизации Global Digitalization Index (GDI) и IDV стал равным уже 0,82 [21]. Такой же результат был получен в 2025 г. и по индексу DEI: коэффициент корреляции между DEI и IDV составил 0,8 (см. рис. 2). Таким образом, показатели 2024 и 2025 гг. преодолели пороговое значение, и сейчас связь цифровизации и индивидуализма может быть оценена как сильная.

**Рис. 2. Зависимость IDV (ось Y) от DEI (ось X) в 2025 г.
по данным центра Университета Тафта [17]**

Примечание. Россия отмечена на рисунке кружком с координатами DEI = 58,02, IDV = 46.

Особое поведение в последние 5 лет продемонстрировали четыре «восточноазиатских тигра»: Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань. К началу пандемии в 2020 г. эти страны имели средний DEI в 88 баллов, тогда как IDV в среднем составлял 20 баллов. За период пандемии средний уровень DEI не изменился, но IDV резко вырос (см. рис. 3).

Если изъять эти страны из общего списка стран, для которых в 2020 г. определялись оба индекса, то коэффициент корреляции DEI и IDV вырастет с 0,58 до 0,76, что близко к значению коэффициента корреляции по всем рассматриваемым странам в 2025 г., равному 0,80. Таким образом, слабая корреляция индексов DEI и IDV объяснялась учетом данных по странам-исключениям — «восточноазиатским тиграм».

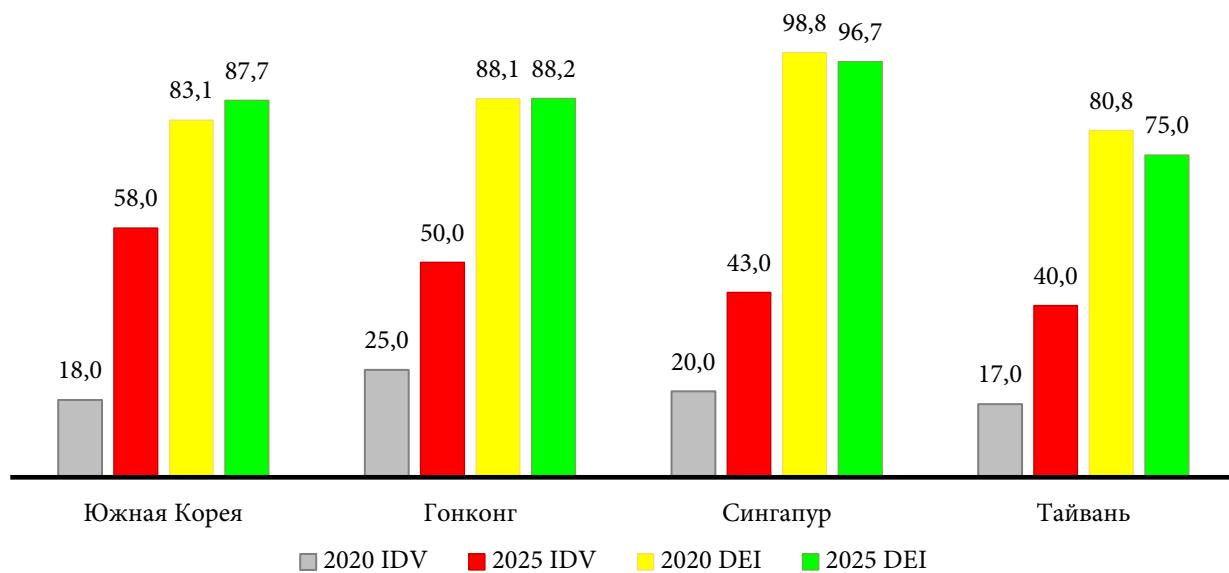

Рис. 3. Связь IDV (два левых столбика для каждой страны) и DEI (два правых столбика для каждой страны) в 2020 и 2025 гг. для «восточноазиатских тигров»

Если теперь обратиться к данным по 69 странам, по которым имеется полная информация о значениях IDV и DEI за последние пять лет, то для 67% стран знаки прироста обоих индексов по времени совпадают, причем в 52% с 2020 по 2024 г. выросли оба индекса, то есть в период пандемии в этих странах нарастили уровни индивидуализации и цифровизации, а в 15% — оба индекса убывали. У стран — соседей России по индексам деловой культуры Хоффстеде, к которым, за вычетом постсоветских стран, относятся Португалия, Южная Корея, Испания, Греция и Турция [4, с. 107–108], имеется одинаковая сонаправленная динамика и по IDV, и по DEI. Индекс IDV исходно был невысок, а с 2020 по 2024 г. вырос в среднем на 21 балл (в России — на 7 баллов). В этот же период индекс DEI увеличился в среднем на 3 балла (в России — на 5,2 балла)⁵.

Итак, с одной стороны, данные не позволяют считать цифровизацию триггером индивидуализма, хотя в 2/3 стран их индексы растут и падают сонаправленно, и при этом есть страны, где прирост индивидуализма не сопровождается значимым приростом цифрового развития и вызван, видимо, другими обстоятельствами. С другой стороны, можно предположить, что для возрастания индивидуализма цифровизация есть, как правило, необходимое, но недостаточное условие, и на индивидуалистические или коллективистские проявления влияют, во-первых, иные долгосрочные процессы и, во-вторых, конкретные ситуации (например, та же пандемия).

Долгосрочными в нашем случае являются коррелирующие между собой рост благосостояния и уровня образования [20], а также интересующая нас цифровизация труда. Эти процессы влекут рост общих гражданских компетенций, то есть переход большинства членов общества на более высокий уровень политической, правовой и общей культуры, возрастание рациональности, а значит, степеней ин-

⁵ Данные IDV с сайта Хоффстеде. — URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (Дата обращения 10.06.2025). Данные DEI за 2020 г. — [16].

дивидуального выбора и ответственности. Еще Георг Зиммель говорил о том, что в тех видах труда и социальных связей, в которых личные качества значат больше, нежели успешная коопeração и следование традиционному укладу, появляется соревновательность, а с ней и понятие об индивидуальной чести и заслугах. Он имел в виду прежде всего торговлю, но относил к росту индивидуализма также личностные проявления, поднимавшие человека над классовыми и сословными стандартами, в частности достижения в спорте. С ростом разделения труда и денежного обмена действует «общая социологическая корреляция между размытием группы и формированием индивидуальности» [29, S. 377–378, 382], что, однако, при машинном производстве приводит к деиндивидуализированному труду и к жизни в окружении «безличных» вещей, которая вызывает «оппозицию» [29, S. 520], подталкивающую к попыткам обретения индивидуального. Таким образом, здесь имеем дело с двумя факторами: с продолжающейся эманципацией масс и с цифровизацией труда как новой ступенью его разделения, что согласно корреляции, указанной Зиммелем, стимулирует индивидуализм. Наконец, можно предположить, что люди, занятые цифровым трудом, считут себя большими индивидуалистами просто исходя из своего образа жизни и коммуникации.

Всеохватывающая соревновательная креативность

Цифровизация облегчает и ускоряет передачу аффектов и координацию их переживания. Одновременно она принуждает к аффектам, поскольку сетевая коммуникация и ее интерфейсы предполагают выражение своих мнений и чувств и оценок чужих. Для так называемого аффективного капитализма [24] ресурсом является количество клиентов платформ и их активность, а не достоверность информации или ответственность говорящего. Девальвация достоверности сопутствует легкости, с какой возникают и исчезают общественные реакции и активности. Социально-конструктивный характер труда сопротивляется описанным тенденциям локально, опираясь на организационную культуру сообщества или института. Цель — вернуть значимость предметам коммуникации и серьезность переживаниям, и эта цель, как ни странно, легче достигается в современном труде как соревновании за признание, чем в сферах жизни за пределами труда. Отмечаемое размывание границы между трудом и досугом происходит не вследствие коммодификации всех сторон жизни, но потому, что именно в труде человек сегодня может достичь самореализации, как жизненная практика труда поэтому интереснее всех прочих. Эта мотивация приходит на смену протестантскому по своему происхождению отношению к труду как к испытанию, тем более что, как замечает Джейф Малган, в современной экономике на первом плане оказываются не вещи, а отношения, в которых проявляется человеческое, так что не труд порабощает досуг, но, напротив, культивируемые обычно в частной жизни отношения все больше востребованы в труде и социальных отношениях [5, с. 226–227, 279]. Иными словами, не человек испытывается в труде, но самому труду задается вопрос о человеческом характере его процесса и результата. Этой тенденции способствует дифференциация целого объекта в цифровой среде, упоминавшаяся выше, вследствие каковой социальные связи подкрепляются не только своей выгодно-

стью, но и доставляемым удовольствием, которое для цифрового труда признается едва ли не необходимым условием. Следует указать и на большое расширение возможностей выбора и смены профессии, формы занятости, а также на престиж труда, в котором (1) можно предпочесть удаленную работу «офису»; (2) присутствует прозрачный и формальный характер отношений лидерства и подчинения; (3) есть свобода выбора между индивидуалистской и коллективистской реакциями в конкретных ситуациях; (4) ничто не препятствует расширению социальных связей, участию во многих рабочих проектах и сообществах.

Названные возможности в целом индифферентны к установкам ИК. Так, в самых радикальных коллективистских сообществах сетевая активность и медиатизированный труд остаются индивидуальными, а уровни образования и культуры позволяют осознанно отстаивать свой коллективизм. Сокращение непосредственных взаимодействий может как формировать паттерны индивидуалистического поведения, подталкивая к самостоятельным оценкам рисков и решениям, так и усиливать стремление к коллективистским отношениям, дабы избежать всего названного. Когда коллективист увеличивает число своих контрагентов, он обретает дополнительный ресурс признания, который может поднять его над другими, так что горизонтальный коллективизм здесь уступит место вертикальному. В любой среде выбор удаленной работы демонстрирует индивидуалистскую ориентацию. Но когда в индивидуалистской среде такой выбор становится массовым, обычно воспринимаемый как коллективистский выбор «офиса», в котором формируется новое ядро группы, на самом деле реализует индивидуалистический выбор карьерного характера.

Наконец, нельзя не отметить подвижный характер ИК, когда от ситуации к ситуации люди могут по-разному проявлять себя, пробовать ту или иную стратегию поведения, извлекать уроки и в итоге лучше понимать себя и других. Иными словами, установки ИК рационализируются как инструменты достижения блага, что делает устаревшими типичные для бизнес-тренингов и школ личностного роста программы формирования «командного духа», приверженности «миссии» фирмы или же следования “self-made” стратегиям. Внешний же контроль за ИК становится и невозможным, и ненужным. В цифровой экономике человек востребован во всех своих проявлениях, и участвует он каждый раз в разных отношениях, так что новый опыт может стать основанием для пересмотра устоявшейся связи между ИК, личностью и ситуацией. Здесь сказывается характерная для современного общества этическая подвижность, тестовый, пробный, характер всякого поведения, обнаруживающий возрастание как рациональности, так и ответственности, то есть в целом неспецифического индивидуализма.

Полагаем, что классическое противопоставление индивидуализма и коллективизма снимается в цифровой среде rationalностью, ориентированной на определяемый самим человеком баланс благ индивидуального и общего. Труд поэтому перестает восприниматься как испытание, долг или следование печальной необходимости — считается нормальным и престижным получать от труда удовольствие. Эта ориентация включает тем самым гедонистический критерий, так что виды активности оцениваются и фильтруются по удовольствию или неудовольствию, которые они могут принести. Деятельность же по формированию

своей разносторонней жизненной активности мотивируется позитивным аффектом. Он является ответом на предъявляемое нам требование стремиться к успеху и признанию, занимать во всех аспектах жизни продвинутые позиции, задействуя для этого всю социокультурную компетентность. Здесь сочетаются движения часто противоположные: надежда на удачу и притязания на рациональность, готовность сотрудничать с другими и эгоистические устремления, поддержание общественной репутации и этическая автономия. Кажется правдоподобным, что такой аффект присущ молодым и средним возрастным группам креативного класса постиндустриальных обществ и кластеров [9, с. 191–194], а наиболее яркое — иногда даже пародийное — его выражение демонстрируют в своей трудовой, досуговой и социально-политической активности так называемые хипстеры, сам же аффект можно назвать *всеохватывающей соревновательной креативностью*.

Заключение

Наше исследование не имело количественного характера и было в большой степени философским, то есть опирающимся на интуицию авторов. Лишь в одной его части авторы обращались к данным из литературы. В качестве заключения выскажем поэтому некоторые резюмирующие положения, которые кажутся правдоподобными и заслуживающими эмпирической проверки. Благодаря эманципации, росту образования, общего уровня культуры, а также распространению цифрового труда происходит возрастание рационализма и неспецифического индивидуализма. Кроме того, цифровизация труда вызывает изменения в сферах воображения и аффектов, результатом чего становится размытие границ реального и виртуального, а также падение интенсивности аффектаций, связанных с непосредственными взаимодействиями. В результате обоих процессов установки индивидуализма и коллективизма перестают быть компонентами социокультурной идентичности и становятся паттернами поведения в конкретной ситуации. Соответствующие им аффективные сборки индивидуальной миссии и разделяемого долга перестают переживаться как мотивы решений и действий, а новым аффективным наполнением труда и иной социальной активности в цифровом обществе становится всеохватывающая соревновательная креативность. Ее переживание необходимо для постоянной деятельности, приносящей не только материальные блага и социальное признание, но и удовольствие. В разных случаях и ситуациях успех становится следствием как коллективистского, так и индивидуалистского в классическом смысле поведения, тогда как постоянное воспроизведение одной из установок невозможно в силу включенности человека во многие и различные виды активности. Таким образом, «арбитром», о котором говорит Аузан и который решает вопрос об индивидуализме и коллективизме, оказывается возрастание рациональности и позитивный аффективный фон ее реализации. По-видимому, в обществах с большой долей цифрового труда измерения по шкале ИК перестают быть информативными, по крайней мере, при их сопоставлении с данными из «доцифрового» периода. Если же наши предположения относительно аффектаций в цифровом труде справедливы, а соревновательная креативность проявляется,

в частности, тогда, когда человек делает выбор между индивидуалистической и коллективистской реакциями, то замеры интереса и безразличия, а также удовольствия и неудовольствия будут в таком случае весьма информативны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зябриков Владимир Васильевич — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Телефон: +7 (812) 363-67-70. Электронная почта: v.v.zyabrikov@spbu.ru

Микиртумов Иван Борисович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии факультета «Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Телефон: +7 (812) 644-59-11. Электронная почта: imikirtumov@hse.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 175–191. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.9**

Research Article

VLADIMIR V. ZYABRIKOV¹, IVAN B. MIKIRTUMOV²

¹ Saint Petersburg State University (SPbSU),
7–9, Universitetskaya nab., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

² HSE University,
20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

COMPETITIVE CREATIVITY INSTEAD OF INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM

Abstract. In this article we question the relevance of Geert Hofstede's opposition of individualism and collectivism in the era of digitalization. The mediatization of labor causes a blurring of the boundaries between the real and the virtual, the reduction of direct interactions leads to familiar affects losing their intensity. We correlate individualism with an affective assemblage of isolation, competition and domination, and collectivism with involvement, friendship and maintaining balance (justice). Their effectiveness is considered as a sign of the relevance of the corresponding attitudes. Based on some data from the literature, we show that it cannot be concluded that digitalization is a trigger for individualism. We point to such additional factors as emancipation, the growth of educational and cultural levels. Their influence, however, is not specific and the attitudes of individualism and collectivism turn into situational patterns of behavior, as they are removed by a higher level of rationality. In the digital environment of work and leisure, their affective assemblies cease to be experienced as elements of identification. The leading affect of advanced groups is turning out to be all-encompassing competitive creativity, which presupposes pleasure from work and displaces the affects of struggle or submission to necessity, testing and duty. The growth of rationality, which digitalization facilitates, removes information content from the opposition of individualism and collectivism, while assessments of interest and indifference, pleasure and displeasure in work and other spheres of activity may be more useful for diagnosing culture.

Keywords: individualism; collectivism; G. Hofstede; competitive creativity; digitalization; affect; rationality.

For citation: Zyabrikov, V.V., Mikirtumov, I.B. Competitive Creativity Instead of Individualism and Collectivism. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No 4. P. 175–191. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.9

Acknowledgments. The article presents the results of research under the Russian Science Foundation project 25-18-00208 “Existential experience in the digital environment: ‘being to the digital’, the ontology of the virtual and the human self”, carried out at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Zyabrikov — Candidate of Economical Sciences, Saint Petersburg State University (SPbSU).
Phone: +7 (812) 363-67-70. **Email:** v.v.zyabrikov@spbu.ru
Ivan B. Mikirtumov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, HSE University. **Phone:** +7 (812) 644-59-11. **Email:** imikirtumov@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа.* М: Изд-во АСТ, 2022. — 160 с.
Ausan A.A. Cultural codes of the economy: How values influence competition, democracy and the welfare of the people. Moscow: AST publ., 2022. 160 p. (In Russ.)
2. *Varoufakis Я. Технофеодализм: что убило капитализм / Пер. с англ. А. Снигрова.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. — 304 с
Varoufakis Y. Technofeudalism: What Killed Capitalism. Transl. by A. Singirov. Moscow: Ad Marginem publ., 2025. 304 p. (In Russ.)
3. *Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Пер. с нем. С.В. Сидоровой.* Москва; Берлин: Директ-Медиа Паблишинг, 2020. — 400 с.
Illouz E. Why Love Hurts: Sociological Explanation. Transl. from Germ. by S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. 400 p. (In Russ.)
4. *Магун В., Руднев М. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики.* 2010. № 12. С. 107–130. DOI: [10.32609/0042-8736-2010-12-107-130](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-12-107-130) EDN: [MWIYFX](#)
Magun V., Rudnev M. Basic values of Russians and other Europeans (based on surveys in 2008). *Voprosy ekonomiki.* 2010. No. 12. P. 107–130. DOI: [10.32609/0042-8736-2010-12-107-130](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-12-107-130) (In Russ.)
5. *Малган Д. Саранча и пчела: хищники и творцы в капитализме будущего / Пер. И. Кушнаревой.* М.: Институт Гайдара, 2014. — 400 с.
Malgan D. Locusts and bees: predators and creators in the capitalism of the future. Transl. by I. Kushnareva. Moscow: Gaidar Institute publ., 2014. 400 p. (In Russ.)
6. *Микиртумов И.Б. Время труда и время досуга: отчуждение в эпоху цифровизации // Stasis.* Т. 13. № 1. 2022. С. 38–76.
Mikirtumov I.B. Work time and leisure time: alienation in the era of digitalization. *Stasis.* Vol. 13. No. 1. 2022. P. 38–76. (In Russ.)
7. *Минков М., Соколов Б., Ломакин И. Эволюция модели культурных измерений Хоффстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение.* 2023. Т. 22. № 3. С. 287–317. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-287-317](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-287-317) EDN: [OKFJGC](#)
Minkov M., Sokolov B., Lomakin I. Evolution of the Hofstede Model of Cultural Dimensions: Parallels Between Objective and Subjective Culture. *Sotsiologicheskoe obozrenie.* 2023. Vol. 22. No. 3. P. 287–317. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-287-317](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-287-317) (In Russ.)
8. *Плампер Я. История эмоций / Пер. К. Левинсона.* М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 568 с.
Plamper Ya. History of emotions. Transl. by K. Levinson. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2024. 568 p. (In Russ.)
9. *Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова.* М.: Издательский дом «Классика-ХХI», 2007. — 421 с.

- Florida R. *Creative class: people who change the future*. Transl. by A. Konstantinov. Moscow: Klassika-XXI publ., 2007. 421 p. (In Russ.)
10. Basabe N., Paez D., Valencia J., Rime B., Pennebaker J., Diener Ed., Gonzalez J.L. Sociocultural factors predicting subjective of emotion: a collective level analysis. *Psicothema*. 2020. Vol. 12. Supl. P. 55–69.
11. Bollinger D. The Four Cornerstones and Three Pillars in the “House of Russia Management System”. *Journal of Management Development*. 1994. Vol. 13. Iss. 2. P. 49–54. DOI: [10.1108/02621719410050264](https://doi.org/10.1108/02621719410050264)
12. Boltanski L., Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism*. Transl. by G. Elliott. L., N.Y.: Verso, 2007. 601 p.
13. Boutang Y.M. *Cognitive Capitalism*. Transl. by E. Emery. Cambridge: Polity Press, 2011. 307 p.
14. Brown B.A. Primitive Digital Accumulation: Privacy, Social Networks, and Biopolitical Exploitation. *Rethinking Marxism*. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 385–403. DOI: [10.1080/08935696.2013.798974](https://doi.org/10.1080/08935696.2013.798974)
15. Camara N., Tuesta D. *DiGiX: The Digitization Index. Working Papers 17/03, BBVA Bank, Economic Research Department*. 2017. Accessed 10.06.2025. URL: <https://www.bbvaresearch.com/en/publicaciones/digix-the-digitization-index/>
16. Chakravorti B., Chaturvedi R.S., Filipovich C., Brewer Gr. *Digital In the time of COVID*. The Fletcher Scholl at Tufts University. December, 2020. Accessed 10.06.2025. URL: <https://digitalplanet.tufts.edu/wp-content/uploads/2022/09/digital-intelligence-index.pdf>
17. Chakravorti B., Chaturvedi R.S., Filipovic Ch., Niu X. *Digital Planet 2025. From the COVID Shock to the AI Surge: How 125 Digital Economies Around the World Are Evolving and Changing*. Tufts University, Lf1 Fletcher, April 2025. Accessed 10.06.2025. URL: <https://digitalplanet.tufts.edu/wp-content/uploads/2025/dei/Digital-Evolution-Index-2025.pdf>
18. *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Ed. by V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Cham: Springer Nature Switzerland, 2020. 5849 p.
19. Fuchs Ch. *Digital Labour and Karl Marx*. N.Y.: Routledge, 2014. 402 p. DOI: [10.4324/9781315880075](https://doi.org/10.4324/9781315880075)
20. Gethin A. Distributional Growth Accounting: Education and the Reduction of Global Poverty, 1980–2019. *The Quarterly Journal of Economics*. 2025. Vol. 140 (4). P. 2571–2618. DOI: [10.1093/qje/qjaf033](https://doi.org/10.1093/qje/qjaf033)
21. *Global Digitalization Index 2024. Building a Fully Connected, Intelligent World*. Huawei, IDC. Accessed 10.06.2025. URL: <https://www.huawei.com/en/gdi>
22. Hofstede G. *Culture’s Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. 327 p.
23. Jiao C., Ayob A.H. National culture and digitalization: a moderating effect of trust. *GATR Global Journal of Business Social Sciences Review*. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 1–11. DOI: [10.35609/gjbssr.2025.13.1\(1\)](https://doi.org/10.35609/gjbssr.2025.13.1(1))
24. Lee H. *Affective Capitalism. For a Critique of the Political Economy of Affect*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. 271 p. DOI: [10.1007/978-981-99-8174-8](https://doi.org/10.1007/978-981-99-8174-8)
25. Nelissen R.M.A., Dijker A.J.M., de Vries N.K. Emotions and goals: Assessing relations between values and emotions. *Cognition & Emotion*. 2007. No. 21 (4). P. 902–911. DOI: [10.1080/02699930600861330](https://doi.org/10.1080/02699930600861330)
26. Massumi B. The Autonomy of Affect. *Cultural Critique*. 1995. No. 31: The Politics of Systems and Environments. Part II. P. 83–109. DOI: [10.2307/1354446](https://doi.org/10.2307/1354446)

27. Rantanen T., Toikko T. The effects of individual and cultural factors on digital inclusion in European countries: a two-level regression analysis. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2024. Vol. 44. No. 13–14. P. 146–162. DOI:[10.1108/IJSSP-04-2024-0159](https://doi.org/10.1108/IJSSP-04-2024-0159)
28. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. Ed. by M. Zanna. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65. DOI: [10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
29. Simmel G. *Philosophie des Geldes. Erster Band*. Sechste Ausgabe. Berlin: Duncker & Hubmoldt, 1958. 585 p.
30. Tamir M., Schwartz S.H., et al. Desired Emotions Across Cultures: A Value-Based Account. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 111. No. 1. P. 67–82. DOI: [10.1037/pspp0000072](https://doi.org/10.1037/pspp0000072)
31. Tomkins S. *Affect, Imagery, Consciousness The Complete Edition*. N.Y.: Springer Publishing Company, 2008. 1226 p.
32. Triandis H.C. *Individualism and Collectivism. New Directions in Social Psychology*. Boulder, CO: Westview Press, 1995. 259 p.
33. Triandis H.C. Individualism and Collectivism: Past, Present, and Future. *The Handbook of Culture-&-Psychology*. Ed. by D. Matsumoto. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 35–50.
34. Virno P. *Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Transl. by I. Bertoletti, J. Cascaito, A. Casson. Los Angeles, N.Y.: Semiotext(e), 2004. 117 p.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 18.10.2025; принята к публикации: 29.10.2025.

Received: 13.08.2025; revised after review: 18.10.2025; accepted for publication: 29.10.2025.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.10

EDN: TDOVCX

В.И. ИЛЬИН¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.

МАЛАЯ РОДИНА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ: Боронеев А.О., Тхакаков В.Х., Миронов Д.В. ФЕНОМЕН МАЛОЙ РОДИНЫ И ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. СПб.: Астерион, 2024. — 188 с.¹

Аннотация. Новая книга петербургских социологов переводит популярное в публицистике, краеведении и педагогике понятие малой родины в разряд социологических категорий, что дает толчок для методологических размышлений о ее эвристических возможностях. Авторы выбирают феноменологию как одну из возможных и наиболее очевидных оптик, логично вытекающих из устоявшейся практики применения категории. Однако ее потенциал мог бы расширяться, если исходить из логики деятельностно-конструктивистского подхода, фокусирующего внимание на том, как феномены сознания форматируют социальные практики, порождают конфигурации потоков и статусных позиций в качестве элементов социальной структуры. В данном случае место, определяемое индивидом как малая родина, обретает силу не только духовного, но и социального притяжения, влияющего на траектории его перемещения в пространстве и инвестиции в место, получившее такой статус.

Ключевые слова: малая родина; феноменология; деятельностно-конструктивистский подход; место рождения; место формирования личности; миграция; региональная политика.

Для цитирования: Ильин И.В. Малая родина как социологическая категория. Размышления над книгой: Боронеев А.О., Тхакаков В.Х., Миронов Д.В. Феномен малой родины и проблемы конструирования гражданской идентичности. СПб.: Астерион, 2024 // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 192–200. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.10 EDN: TDOVCX

¹ Исследование выполнено на базе НИУ «Высшая школа экономики» при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-68-00055 «Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постагарного вектора трансформаций». Аналитический обзор литературы является важным направлением разработки методологии и методики исследования изучения российской глубинки.

Введение

Достоинство хорошей книги не столько в содержащихся в ней ответах, сколько в ее способности стать катализатором размышлений читателя. В силу этой логики показателем значения книги является вызванный ею резонанс, эмпирическим индикатором которого выступают рецензии: как положительные, так и критические. К этой категории публикаций вполне можно отнести и данную работу.

Понятие «малая родина» широко используется в публицистике, краеведении, педагогике и литературоведении. В e-library содержатся примерно полторы тысячи текстов, в заголовках которых есть понятие «малая родина». В такой формальной ситуации браться за эту тему очень рискованно. С XIX в. она разрабатывалась писателями (Л. Толстой, С. Аксаков, М. Горький, И. Бунин и др.). Немало внимания ей уделяли историки литературы. Иногда встречается она и в работах философов (С.Н. Булгакова, В.В. Розанов). В настоящее время основной массив публикаций по этой теме сделан педагогами, рассматривающими малую родину как ресурс патриотического воспитания молодежи, и краеведами.

В социологии наиболее известной работой, в которой в качестве исследовательской оптики используется категория малой родины (при этом конкретные термины не имеют принципиального значения), является автобиографическая книга Питирима Сорокина «Долгий путь» [7]. К размышлениям о роли малой родины в становлении личности подталкивали интервью, проводившиеся «Журналом социологии и социальной антропологии» с известными социологами. Эта же линия четко прослеживается в многочисленных интервью, проведенных Борисом Докторовым в рамках исследования истории отечественной социологии [3; 4]. Все это говорит о том, что рассмотрение места рождения в таком качестве имеет серьезный потенциал превращения в научную категорию.

В современной социологии эта тема в последние годы активно поднималась авторами рецензируемой монографии, опубликовавшими целый ряд статей, в которых вопросы методологии переплетаются с эмпирическими исследованиями. Существенная часть их материала вошла в данную книгу. Ее своеобразие проявляется в первую очередь в значительном сдвиге фокуса внимания на методологический смысл категории малой родины. Все это свидетельствует о том, что изучение малой родины перемещается в проблемное поле социологии. Есть и другие исследования в проблемном поле социологии, в той или иной мере имеющие своим предметом малую родину (например: [2; 3; 5; 6; 9]), однако иного столь серьезного методологического захода на тему, видимо, не было.

Общим знаменателем для всего корпуса литературы, посвященной малой родине, является ее анализ как фактора первичной социализации личности, как ресурса, в той или иной мере определяющего мировоззрение индивидов уже в зрелые годы. В русле данной методологической оптики работают и авторы рецензируемой монографии, представляющей собой, вероятно, первую попытку методологического подхода к этому феномену. Взгляд на малую родину через призму социализации вполне правомерен, однако он не является единственным возможным.

Концепт малой родины

Авторы монографии определяют малую родину как совокупность «представлений и практик сопринаадлежности индивида и группы к пространству места рождения и первичной социализации» [1, с. 65]. Важной частью их исследования является эмпирическая операционализация этой категории. Они выделяют элементы малой родины, влияющие на формирование личности молодого человека, и объединяют их в пять групп: семья, дом, социальная среда, культурно-досуговая среда, природная среда [1, с. 17]. Это позволяет использовать в эмпирическом исследовании более строгий инструмент.

Однако сведение функций этого концепта до первичной социализации неправомерно сужает его потенциал. Просматриваются наиболее очевидные направления его расширения. Во-первых, малая родина — это ресурс для творчества, источник наиболее свежих впечатлений, которые затем превращаются в ткань художественных, философских и иногда научных произведений. Во-вторых, малая родина — это место, обладающее силой притяжения, что влияет на потоки мобильности, притягивая людей и их ресурсы, нередко инвестируемые в отчий дом или родной населенный пункт.

Авторы смотрят на малую родину прежде всего через призму феноменологии, что позволяет сдвинуть фокус исследования в область обыденного сознания, взглянуть на концепт малой родины глазами обычных людей, жизнь которых далека от теоретизирования в привычном понимании данной категории, «понять, какой смысл вкладывается в это понятие людьми» [1, с. 51].

Это вполне правомерная оптика исследования. Однако на феномен малой родины можно взглянуть и через призму деятельностно-конструктивистского подхода, который меняет предмет исследования: вместо представлений — порождаемые ими практики. В этом случае жизненный мир может рассматриваться как своего рода социальный навигатор, ценность которого не в нем самом, а в тех жизненных траекториях, которые из него вытекают. Авторы рецензируемой монографии при описании малой родины регулярно обращаются к категории практик, однако в реальности не выходят за рамки феноменологии, а это означает, что феномен малой родины ограничивается представлениями о ней. Именно в этих методологических рамках авторами было проведено эмпирическое исследование представлений студентов о данном феномене.

Авторы упоминают об отношении к месту как характеристике малой родины, однако эту категорию не развивают. Отсюда открывается перспектива разведения категорий места рождения и малой родины. Первое — это сугубо бюрократическая реальность, привязывающая индивида к месту пожизненной записью в паспорте, которая для многих ничего не значит. А малая родина — это место притяжения, порождающее комплекс ментальных и физических отношений с местом: к нему возвращаются в памяти и/или с помощью поддержания коммуникаций с оставшимися там людьми, регулярных или периодических приездов, материальных инвестиций (например, в модернизацию родного дома или в поддержку своего поселения).

Малая родина и место рождения

Авторы рецензируемой монографии не фокусируют внимание на различиях концептов «малая родина» и «место рождения». Судя по всему, для них это синонимы. Такой подход используется как нечто само собой разумеющееся во многих публикациях на эту тему. Этимология слова «родина» оправдывает такое словоупотребление.

Однако смысл этих категорий не тождествен. «Место рождения» — это формальный бюрократический факт, фиксируемый в документах и в официальных беседах. «Малая родина» является эмоционально окрашенной категорией. Она указывает не столько на место рождения, сколько на теплые отношения к месту, региону, где прошло становление личности. Если такой эмоциональной окраски нет, то словосочетание «малая родина» звучит неуместно. Нередко люди считают своей малой родиной совсем не те места, где они родились, а те, где прошли годы становления личности, вызывающие теплые воспоминания. Если признаки подобного отношения есть, то с высокой долей вероятности место обладает силой притяжения: к нему возвращаются в мыслях, туда ездят или в крайнем случае там мечтают побывать снова. Смысловой зазор между «местом рождения» и «малой родиной» мог бы стать новым интересным ракурсом в методологической проработке темы.

«Фантомные боли» утраченной малой родины

Авторы затрагивают очень интересную с точки зрения методологии тему малой родины как утраченного места, она наиболее глубоко проработана в повести В. Распутина «Прощание с Матёй» [8]. Однако предметом этого художественного исследования является только первый этап утраты: прощание перед предстоящим затоплением места.

Авторы монографии выделяют несколько типов таких утрат: (1) места, которых уже нет; (2) родные места депортированных народов; (3) воображаемые отечества эмигрантов [1, с. 68]. Этот список может быть продолжен. Утраченное место сохраняется либо в виде руин (полуразвалившиеся избы или остатки их фундаментов, в изобилии встречающиеся в центральной и северной части России, остатки горских жилищ на Кавказе), затопленных территорий (водохранилища на т. н. «Ближнем Севере», в Сибири и на Кубани и т. д.) либо мест, покинутых мигрантами, которые сохранили их прежний облик в памяти, но с трудом находят сходство с прошлым в настоящем.

Достоинством рецензируемой книги является то, что авторы превращают потерянное место в предмет социологического анализа. Но потенциал этой категории используется лишь частично в рамках логики культурной травмы: вынужденные переселенцы из мест затопления ностальгируют по утраченной малой родине. Только в одном случае рассматривается конвертация чувства ностальгии в социальные практики образования землячеств и мемориализации ушедшего под воду места (Мологи). Однако для социолога интересны не столько переживания, сколько вытекающие из них практики. Потерянная малая родина — это социаль-

ный конструкт, в котором ментальный образ программирует практики. Имеется большой эмпирический материал о разнообразных практиках возвращения в место, которого уже нет.

Метафорой, объясняющей смысл утраченной малой родины, может быть «phantomная боль». В медицине эта категория обозначает ощущение дискомфорта в ампутированной конечности. Социокультурная мистика утраченного места рождения и/или социализации состоит в том, что, будучи покинутым, оно сохраняет силу притяжения, которая объективируется в практиках возвращения — как мысленных путешествий в памяти, так и реальных поездок. Кроме того, такое притяжение порой порождает практики солидарности (формирование земляческих сообществ в реальности или сетях [5]).

Капитализация мифа о малой родине

Часть рецензируемой книги (раздел 2.1) — это анализ произведения, целиком посвященного малой родине в двух ее измерениях: как региона, так и отдельного небольшого селения. Авторы рассматривают разработку Расулом Гамзатовым в его книге «Мой Дагестан» программы конструирования дагестанской идентичности. Эта книга действительно стала программной для дагестанцев разных поколений, внесла огромный вклад в формирование национальной идентичности народа, говорящего на трех десятках языков.

Однако этот параграф наводит на дальнейшие размышления о гражданской идентичности. Она несводима к чисто феноменологическому определению. Представляется более перспективным взгляд на тему через оптику деятельности-конструктивистского подхода: быть дагестанцем значит жить жизнью дагестанца, а важнейшая ее составная часть — это не только ментальные, но и поведенческие формы связи с регионом и со своим поселением.

Конструирование дагестанской идентичности на основе мифа Р. Гамзатова конвертируется в разнообразные связи: и духовные, и материальные, заставляющие дагестанцев, распыленных по разным регионам России и иных стран, возвращаться к своим селениям и городам в памяти и периодически совершать туда поездки, помогая оставшимся родственникам, инвестируя в то, что можно назвать малой родиной.

Гамзатов вывел имя селения Цада в пространство не только дагестанской, советской, российской, но и мировой культуры, заложив мощный камень в брэндинг места, о котором прежде знали немногие. Он инвестировал свой символический капитал в имя Цада, создав романтический миф, пробуждающий воображение и обладающий силой притяжения. Это позволило одно из селений, которое не выделяется среди множества подобных, позиционировать как достопримечательность. Миф капитализировался. Дагестан и Цада стали брендами, притягивающими потоки туристов, инвестирующих в эти места свое время и деньги.

Р. Гамзатов, будучи лауреатом основных литературных премий, депутатом и членом президиума Верховного Совета СССР, обладал огромным авторитетом в центральных органах власти и управления. В условиях жестко централизованной плановой экономики это имело огромное значение для его малой родины —

Дагестана и Цада. Малая родина была для писателя не только источником вдохновения, но и объектом, на который была направлена его лоббистская деятельность. Аналогичным кейсом могла стать и малая родина М. Шолохова — Ростовская область и станица Вёшенская. В рамках феноменологической оптики такие связи с местом рождения объяснить невозможно. В этих достаточно типичных случаях «малая родина» — это модель территориальной лоббистской деятельности. Выдающийся человек, избирающийся в представительный орган власти от своего селения, становится «ходоком», отстаивающим его специфические интересы (например, при распределении бюджетов). И это одна из форм гражданственности, объективируемая в строительстве дорог, школ, иных инфраструктурных объектов.

Малая родина П. Сорокина

В рецензируемой книге заметное место уделено малой родине П. Сорокина. Это удобный случай для раскрытия темы, так как в «Долгом пути» [9] уже дается обстоятельный разбор темы особенностей земли Коми как фактора социализации ученого, что позволяет, не домысливая за Сорокина, дать анализ, опираясь на его рефлексию.

Однако рамки феноменологии ограничивают возможности раскрытия темы. П. Сорокин возвращался к своей малой родине не только в памяти, дававшей ему вдохновение и влиявшей на оптику, через которую он смотрел на мир. Его гражданская идентичность проявлялась в практиках возвращения в северные края. Сначала это были этнографические экспедиции, давшие материал для научных публикаций, проливавших свет на жизнь невероятно далекой по меркам того времени глубинки. Затем его гражданская идентичность проявилась в опасной политической деятельности в родных местах. В 1917 г. он был избран в Учредительное собрание по списку партии эсеров от Вологодской губернии, затем в тех же краях участвовал в подготовке неудачного антибольшевистского восстания, был арестован и едва избежал расстрела.

Малая родина студентов

Концепт малой родины был апробирован в эмпирическом исследовании студентов СПбГУ [1; 2; 4.]. В рамках феноменологического подхода это исследование ограничилось изучением представлений, что, несомненно, ценно. Однако была упущена возможность взглянуть на малую родину как на место, обладающее особым притяжением. Студенты туда возвращаются в памяти, в рассказах о своем детстве. Многие более или менее регулярно (это часто зависит от удаленности) посещают родителей и друзей. Некоторые, выбирая поле для своих курсовых и дипломных проектов, обращаются к родным местам, которые в этом случае становятся не только духовным ресурсом социализации, но и объектом исследования. Часть выпускников по тем или иным причинам отправляются туда работать после получения диплома. Чем более развит там рынок труда и комфортнее условия жизни, тем больше вероятность такого возвращения.

Заключение

Несмотря на то что опубликованы сотни работ (в основном тезисы докладов), посвященных малой родине, рецензируемая книга достойна внимательного прочтения. Во-первых, она посвящена очень слабо проработанной концептуализации данной категории в предметном поле социологии. Во-вторых, это фундаментальное исследование, что выделяет его из общей массы публикаций, в название которых вынесена «малая родина». В-третьих, книга наводит на размышления о возможности дальнейшей концептуализации категории. Исследование обладает потенциалом, который не сводится к конструированию идентичности, определяемой в терминах феноменологии. Быть патриотом какой-то локальной территории значит жить, с одной стороны, используя ее как ресурс, а с другой — умножая и сохраняя этот ресурс. Иначе говоря, мало называть себя уроженцем какого-то места, надо еще и жить с учетом этого фактора. Малая родина — это не место рождения, а место возвращения, обладающее силой притяжения. Идентичность патриота малой родины несводима к воспоминаниям и ностальгическим чувствам. Она может продолжаться в социальных практиках возвращения и инвестиций в некогда оставленное место. Это направление проработано авторами схематично. Однако книга должна оцениваться не по тому, что могло быть сделано, а по результатам. А сделано в данном исследовании немало. Главная заслуга авторов в том, что их книга при внимательном и критическом прочтении может подвигнуть читателя на дальнейшее изучение этой темы в русле как методологии, так и эмпирики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Владимир Иванович — доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
Телефон: +7(931) 288-46-93. **Электронная почта:** ivi-2002@yandex.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 192–200. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.10**

Review

Vladimir I. Ilyin¹

¹ Saint Petersburg State University.
9th entrance, 1/3, Smolny str., 191124, Saint Petersburg, Russian Federation.

**THE SMALL MOTHERLAND AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY:
REFLECTIONS ON THE BOOK — BORONOEV A.O., TKHAKAKOV V.Kh., MIRONOV D.V.
THE PHENOMENON OF A SMALL HOMELAND AND THE PROBLEMS OF CONSTRUCTING
A CIVIC IDENTITY. ST PETERSBURG: ASTERION PUBL., 2024. 188 P.**

Abstract. This new book by St. Petersburg sociologists translates the concept of a small homeland, which is popular in journalism, local history and pedagogy, into a sociological category, which provides an impetus for methodological reflections on its heuristic potential. The authors choose phenomenology as one of the possible and most obvious perspectives that logically stem from the established practice of using this category. However its potential could be expanded if we proceed from the logic of the activity-constructivist approach, focusing on how the phenomena of consciousness shape social practices, generate configurations of flows and status positions as elements of the social structure. In this case the place defined by the individual as a small

homeland acquires the power of not only spiritual, but also social attraction, influencing the trajectories of his movement in space and investment in the place that has received such a status.

Keywords: small homeland; phenomenology; activity-constructivist approach; place of birth; place of personality formation; migration; regional policy.

For citation: Ilyin, V.I. The Small Motherland as a Sociological Category: Reflections on the Book — Boronoev A.O., Tkhakakov V.Kh., Mironov D.V. The Phenomenon of a Small Homeland and the Problems of Constructing a Civic Identity. St Petersburg: Asterion publ., 2024. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 192–200. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.10)

Acknowledgments. The study was conducted at the Higher School of Economics under the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-68-00055 “From the Past to the Future: Rural Communities in the Context of Post-Agrarian Transformations”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Ilyin — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University. Phone: +7 (931) 288-46-93. Email: ivi-2002@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Боронеев А.О., Тхакаков В.Х., Миронов Д.В. Феномен малой родины и проблемы конструирования гражданской идентичности. СПб.: Астерион, 2024. — 188 с. EDN: [FJKEKL](#)
Boronoev A.O., Thakakov V.H., Mironov D.V. *The phenomenon of a small homeland and the problems of constructing a civic identity*. St Petersburg: Asterion publ., 2024. 188 p. (In Russ.)
2. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Под ред. В.И. Ильина и Н.Е. Покровского. М.: Университетская книга, 2016. — 404 с.
The townspeople are in the village. Sociological research in the Russian Countryside: Deurbanization and rural-urban communities. Ed. by V.I. Ilyin and N.E. Pokrovskii. Moscow: Universitetskaya kniga publ., 2016. 404 p. (In Russ.)
3. Грузинов И. Выход из зоны (не)комфорта: тренды жизни в российских городах // ВЦИОМ. 14 марта 2025 г. [электронный ресурс]. Дата обращения 20.11.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vykhod-iz-zony-nekomforta-trendy-zhizni-v-rossiiskikh-gorodakh>
Gruzinov I. Leaving the comfort zone: trends of life in Russian cities. *VCIOM*. 14.03.2025. Accessed 20.11.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vykhod-iz-zony-nekomforta-trendy-zhizni-v-rossiiskikh-gorodakh> (In Russ.)
4. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9 т. [электронный ресурс] / Докторов Б.З., ред.-консультант А.Н. Алексеев, ред. электронного издания Григорьева Е.И. Электрон. текст. М.: ЦСПиМ, 2016. 5901 с. Дата обращения 10.01.2025. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches*. In 9 Vols. Ed. by A.N. Alekseev, E.I. Grigor'eva. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 5901 p. Accessed 10.01.2025. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm (In Russ.)
5. Ильин В.И. Земляческие сети мигрантов как социальный ресурс // Социология. Естествознание. Общество: Сборник научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». Москва, 12–13 декабря 2014 года / Под ред.

- Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, Вариант, 2014. С. 142–146.
- Ilyin V.I. Migrant community networks as a social resource. *Sociology. Natural science. Society. Collection of scientific articles and materials of the All-Russian Scientific Conference "Sociology and Natural Sciences: interdisciplinary approaches to the study of social reality"*. Ed. by N.E. Pokrovskiy. Moscow: Community of Professional Sociologists publ., Variant publ., 2014. P. 142–146 (In Russ.)
6. Ильин В.И. Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке) // Мир России. 2022. № 31 (4). С. 6–32. DOI: [10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32) EDN: OIQCJK
Ilyin V.I. Generational situation: should I leave or stay? (based on the materials of a biographical study in the northern hinterland). *Mir Rossii*. 2022. No. 31 (4). P. 6–32. DOI: [10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32) (In Russ.)
7. Попел А.Е. Социологические подходы к проблеме возвращения выпускников московских вузов на малую родину // Проблемы социализации детей в современном мире: Сборник статей XV Международного конгресса «Российская семья» на тему «Семья и одаренные дети — вектор развития российского общества» / Под ред. А.М. Коршунова, М.Г. Котовской. М.: Ритм, 2018. С. 202–215. EDN: XVFEBN
Popel A.E. Sociological approaches to the problem of the return of graduates of Moscow universities to their small homeland. *Problems of Child Socialization in the Modern World: A Collection of Articles from the XV International Congress “Russian Family” on the Topic “Family and Gifted Children — a Vector of Development of Russian Society”*. Ed. by A.M. Korshunov, M.G. Kotovskaya. Moscow: Ritm publ., 2018. P. 202–215. (In Russ.)
8. Распутин В.Г. Повести. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. — 136 с.
Rasputin V.G. Stories. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House publ., 1989. 136 p. (In Russ.)
9. Сорокин П.А. Долгий путь / Пер. с англ. [П.П. Кротова, А.В. Липского]. Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР, Шыпас, 1991. — 302 с.
Sorokin P.A. *The Long Way: An Autobiographical Novel*. Transl. from Eng. Syktyvkar: Union of Journalists of the Komi ASSR, Shypas publ., Shypas publ., 1991. 302 p. (In Russ.)
10. Шабалина О.А. Малая родина в системе ценностей советского человека: опыт социологического исследования // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. С. 118–123. EDN: MLIRWQ
Shabalina O.A. The Small Motherland in the value system of the Soviet man: the experience of sociological research. *XXIII Ural Sociological Readings. Personality, Culture, Society: L.N. Kogan’s Legacy and Modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, March 17–18, 2023)*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House publ., 2023. P. 118–123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025; поступила после рецензирования и доработки: 12.10.2025; принята к публикации: 20.11.2025.

Received: 27.05.2025; revised after review: 12.10.2025; accepted for publication: 20.11.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.11

EDN: YQSJBN

Д.Б. ЛИТВИНЦЕВ¹

¹ Новосибирский государственный технический университет.
630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20.

ОТ ЖИЛИЩНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ К КЛАССОВОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ: КНИГА R. TRANJAN “THE TENANT CLASS” В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЖИЛИЩНЫХ КЛАССОВ ДЖ. РЕКСА И Р. МУРА

Аннотация. В статье рассматривается книга Рикардо Транжана “The Tenant Class” (2023), посвященная анализу жилищного неравенства и классовых отношений на рынке аренды жилья. Исследование встраивается в современные тенденции канадской жилищной социологии, переживающей этап активной институционализации. Автор книги развивает марксистскую политэкономическую традицию, трактуя арендаторов как социальный класс, подвергающийся эксплуатации со стороны домовладельцев, и утверждает, что жилищный кризис в Канаде представляет собой не случайное явление, а устойчивую систему перераспределения власти и доходов. В рецензии отмечается, что, несмотря на очевидную близость к теории жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура, Р. Транжан не обращается к ней напрямую, ограничиваясь анализом в терминах классовой борьбы и эксплуатации. Это ограничивает теоретическую глубину книги, но придает ей политическую актуальность и общественную значимость. Работа рассматривается как важный вклад в жилищную социологию, возвращающий в академический и публичный дискурс понятие «класса» и вскрывающий политические основания жилищного неравенства. Книга может представлять интерес для социологов, исследователей социальной политики и урбанистики, а также для преподавателей и активистов, занимающихся проблемами доступности жилья.

Ключевые слова: жилищная социология; жилищная политика; жилищное неравенство; жилищная стратификация; жилищные классы; класс арендаторов.

Для цитирования: Литвинцев Д.Б. От жилищной стратификации к классовой эксплуатации: книга R. Tranjan “The Tenant Class” в свете теории жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 201–207. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.11 EDN: YQSJBN

Жилищная социология в Канаде в последние годы переживает этап институционализации и методологического обновления. Впервые с 2003 г. в рамках ежегодной конференции Канадской социологической ассоциации (Canadian Sociological Association, CSA) 2023 г. в Йоркском университете (Торонто) был представлен исследовательский кластер Sociology of Housing, посвященный социологическим аспектам изучения жилья и бездомности. Это стало отражением

растущего интереса к социальным последствиям жилищной политики, проблемам прекарности жилья и эффективности федеральной стратегии Housing First («Жилье прежде всего»). Современные канадские исследования объединяют академических социологов, практиков и активистов, рассматривающих жилье как центральный фактор социального структурирования и источник неравенства [1]. Канадский опыт в этом отношении представляет значительный интерес для российской науки, поскольку демонстрирует, как вопросы доступности и качества жилья становятся объектом комплексного социологического анализа. В этом контексте фигура Рикардо Транжана — политэкономиста и исследователя жилищной сферы — приобретает особое значение: его книга “The Tenant Class”, вышедшая в 2023 г. в Торонто в издательстве “Between the Lines” [8], органично вписывается в современную канадскую традицию критических жилищных исследований, объединяя академический и общественно-политический дискурс.

Р. Транжан — доктор философии, директор исследовательских программ и старший научный сотрудник офиса Канадского центра политических альтернатив (CCPA) в Онтарио. До прихода в CCPA он возглавлял офис Стратегии по сокращению бедности в Торонто (Toronto Poverty Reduction Strategy Office) и преподавал в университетах Онтарио и Квебека. Его ранние академические работы были посвящены политической экономии развития родной страны — Бразилии. Сегодня исследования Транжана сосредоточены преимущественно на проблемах социальной политики Канады, особенно в области финансовой поддержки населения, и арендном жилье¹, что нашло отражение в его книге-бестселлере “The Tenant Class”².

В отзывах в начале книги, написанных журналистами, писателями, научно-педагогическими работниками, юристами, профсоюзовыми лидерами и канадскими парламентариями, подчеркивается, что книга Р. Транжана — это не просто исследование, но и мощный публичный жест, направленный на изменение восприятия жилищных проблем. В отзывах отмечается доступность изложения и политическая смелость автора, благодаря чему книга становится понятной и полезной не только специалистам, но и широкой аудитории. Многие рецензенты подчеркивают ее значение как источника вдохновения для коллективных действий и практического ориентира для тех, кто стремится к переосмыслинию жилищной политики [8]. Книга вызвала широкий отклик на сайте издательства, на страницах научных журналов и в средствах массовой информации.

В академических рецензиях (С. Булер, Р. Харрис, С. Викерс и др.) книга оценивается как значимый вклад в жилищную социологию и политэкономию арендных отношений. Исследователи сходятся в том, что Р. Транжан убедительно показывает: «жилищный кризис» — это не исключение или временный сбой, а устойчивая система, выгодная собственникам жилья и инвесторам. Сильные стороны книги видятся в ясной аргументации, широком использовании стати-

¹ Ricardo Tranjan // Canadian Centre for Policy Alternatives. — URL <https://www.policyalternatives.ca/people/ricardo-tranjan/> (дата обращения: 03.10.2025.)

² Издательство “Between the Lines” и ряд СМИ отмечали, что книга вошла в национальные списки продаж Канады и получила широкий общественный резонанс в 2023–2024 гг., особенно после выхода в подкастах Canada’s Public Broadcaster (CBC) и участия автора в публичных дебатах о жилищной политике.

стики и внимании к истории арендаторских движений. При этом отмечаются и ограничения — недостаточное вовлечение международных сравнений, неполное обращение к научной литературе и нехватка конкретики относительно того, как институциональные реформы могли бы работать на практике. Несмотря на эти слабые стороны, по мнению рецензентов, книга важна для научного обсуждения и служит отправной точкой для дальнейших исследований [3; 5; 9].

В публицистических и медийных рецензиях (Дж. Акерманн, Х. Гонсалес, Р. Рaza, К. Уитцман и др.) акцент делается в большей степени на политическом контексте работы. Здесь книга предстает не просто как исследование, а как своего рода манифест, разрушающий привычные нарративы о «жилищном кризисе». Авторы подчеркивают, что арендаторы не являются временной или второстепенной группой, а составляют устойчивый социальный класс, системно эксплуатируемый подобно наемным работникам. Важное место занимает критика социальных мифов — о «равенстве» арендодателей и арендаторов, о временности аренды, о «бедных» домовладельцах, едва сводящих концы с концами. Показано также, что социальные институты и государственная политика не только поддерживают укоренившиеся жилищные отношения, но и препятствуют развитию организаторской активности арендаторов. Поэтому книга воспринимается как политический вызов и практическое руководство, побуждающее арендаторов к самоорганизации и борьбе за справедливую жилищную систему [2; 4; 6; 10].

Книга “The Tenant Class” содержит 6 глав, а также введение, озаглавленное «Жилищный кризис, которого нет». В нем Р. Транжан призывает рассматривать «жилищный кризис» в Канаде не как рыночный сбой, а как форму межклассового конфликта. Первая глава («Арендаторы как социальный класс») формулирует центральную идею книги: арендаторы образуют самостоятельный социальный класс, чьи интересы объективно противостоят интересам арендодателей. Во второй главе («Мифы о классе арендаторов») анализируются идеологические мифы, оправдывающие неравенство на рынке жилья. Третья глава («А как насчет арендодателей?») посвящена анализу структуры собственности и показывает, как концентрация жилья в руках ограниченного числа инвесторов превращает аренду в форму систематического извлечения прибыли. Четвертая глава («История борьбы») прослеживает историю арендаторских движений в Канаде, демонстрируя чередование периодов социальной мобилизации и рыночной deregulation. В пятой главе («Организация арендаторов сегодня») описываются современные практики самоорганизации арендаторов, включая примеры коллективных действий в Торонто и Ванкувере. Финальная, шестая глава («Выберите сторону») представляет собой прямой политический призыв «выбрать сторону» в конфликте между арендодателями и арендаторами [8].

Список использованных источников, включающий научные статьи и монографии, нормативно-правовые акты и интернет-источники, оформлен в виде сносок в примечаниях к каждой главе в конце книги. Ряд рецензентов (в частности, С. Рaza, С. Викерс и К. Уитцман) отмечали классовый анализ как одну из сильных сторон работы, подчеркивая, что Р. Транжан сумел вернуть проблеме жилья политико-экономическое измерение, часто утрачиваемое в прикладных исследованиях и публичных дискуссиях [6; 9; 10]. Однако, несмотря на очевидную концептуальную связь книги с теорией жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура, их

работа и последующие статьи включены в список литературы не были, в отличие от широко известных «Капитала» К. Маркса и «К жилищному вопросу» Ф. Энгельса. Этот аспект вызывает наибольший теоретико-методологический интерес у автора настоящей рецензии и предопределяет фокус дальнейшего обсуждения на первых двух главах книги.

Р. Транжан формулирует понятие социального класса в рамках традиции критической политической экономии, определяя классовые отношения через механизм эксплуатации — присвоение одной социальной группой непропорциональной доли результатов труда другой. Арендаторы представляют собой особый социальный класс, подвергающийся экономической эксплуатации. Такое понимание класса опирается на марксистский критерий — отношение к средствам и результатам производства, а не на демографические или статусные характеристики. В книге проводится прямая аналогия между отношениями труда и капитала и отношениями арендатора и арендодателя. Рынок аренды, по мнению Р. Транжана, функционирует по тем же принципам — он не отражает реальных затрат на содержание жилья, а служит механизмом постоянного извлечения прибыли домовладельцами. В связи с этим решение жилищного вопроса должно быть политическим, а не техническим, поскольку суть проблемы заключается в структурном неравенстве и распределении власти между социальными группами [8].

Вместе с тем Р. Транжан расширяет экономическое понимание классовых отношений, включая в анализ культурное и идеологическое измерение. Классовое господство, по его мнению, поддерживается через повседневные культурные практики и мировоззрение подчиненных групп, а политическое действие невозможно без осознания субъективных аспектов угнетения. Тем самым Р. Транжан соединяет марксистскую политэкономическую основу с идеями критической педагогики П. Фрейре и культурной гегемонии А. Грамши [8], однако не вступает в диалог с другими социологическими концепциями — такими как теория социальной стратификации М. Вебера, теория социального пространства П. Бурдье и др. В тексте книги отсутствуют какие-либо упоминания о них, что свидетельствует о желании автора выстраивать свой анализ исключительно в рамках марксистской политической экономии, через призму теории классового угнетения и эксплуатации.

Несмотря на обращение к проблеме классового неравенства в сфере жилья, Р. Транжан, повторимся, не упоминает теорию жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура, что представляется существенным методологическим упущением. В рамках их подхода, развивавшего веберианскую традицию анализа стратификации, жилищная структура рассматривается как особое измерение социального неравенства, в котором отношения формируются не вокруг производства, а вокруг распределения и владения жильем. Эти ученые ввели понятие «жилищных классов», отличных от классов в экономическом смысле: их положение определяется степенью контроля над жилищными ресурсами и формой участия на рынке жилья — как собственников, социальных арендаторов или частных съемщиков [7]. Игнорирование этой концепции приводит к тому, что Р. Транжан механически переносит индустриальную модель классовых отношений (капитал/труд) на жилищную сферу, трактуя арендаторов как эксплуатируемый «социальный класс» в целом. Между тем в рамках жилищной стратификации речь должна идти именно о жилищных, а не о социальных классах, поскольку доступ к жилью, формы

собственности и государственная политика образуют самостоятельное поле неравенства, пересекающееся, но не совпадающее с полем социально-экономического неравенства.

Следует поддержать замечание других рецензентов в отношении сведений жилищной стратификации к двум полюсам (арендаторы и домовладельцы), что упрощает многоуровневую структуру отношений в жилищной сфере. Так, С. Булер справедливо указывает, что в книге почти не рассматривается роль кооперативного жилья [3]. К. Уитцман, в свою очередь, отмечает, что анализ Р. Транжана несколько упрощен из-за отсутствия сравнений с другими странами, где структура жилищных отношений имеет более сложный характер [10]. Подобные замечания показывают, что, несмотря на убедительность классового подхода, предложенная аналитическая схема стратификации в жилищной сфере остается бинарной и требует дальнейшего уточнения. Более комплексный анализ мог бы учитывать промежуточные группы — участников кооперативного, социального и некоммерческого сектора, собственников-жильцов и мелких арендодателей, — что позволило бы точнее описать современные формы жилищного неравенства.

Кроме того, разделяя позицию ряда рецензентов (Дж. Акерманна, Р. Разы и К. Уитцман), можно отметить, что Р. Транжан, сосредоточив внимание на структурной эксплуатации арендаторов, предлагает не только экономическую, но и морально-политическую переоценку жилищных отношений [2; 6; 10]. Его подход сближает дискуссию о жилищных классах с более широкими вопросами гражданства, социальной справедливости и «права на город» (в русле критического урбанизма Д. Харви и Л. Лефевра), переосмысливая понятие «класса арендаторов» не просто как аналитическую категорию, но и как политическую, предполагающую коллективное действие. В этом смысле книга не столько развивает теорию жилищных классов, сколько возвращает к ее проблематике в новом контексте, рассматривая аренду жилья как форму структурного неравенства и политического конфликта. В результате монография расширяет поле дискуссии о жилищной стратификации, соединяя экономические и культурно-политические измерения неравенства и демонстрируя, что жилищная сфера является не только ареной распределения ресурсов, но и пространством формирования гражданской субъектности.

Несмотря на в целом публицистический стиль и практическую направленность, книга Р. Транжана вносит значимый вклад в жилищную социологию, возвращая в нее политико-экономическую проблематику и понятие эксплуатации. Автор показывает, что жилищное неравенство не сводится к дефициту доступного жилья или ошибкам государственной политики, а отражает структурное перераспределение доходов и власти между арендаторами и владельцами жилья [8]. Поэтому “The Tenant Class” не столько предлагает новую концепцию, сколько восстанавливает классовое измерение жилищного вопроса, маргинализированное в современной исследовательской повестке. При этом связь с теорией жилищных классов носит скорее опосредованный характер: если Дж. Рекс и Р. Мур анализировали жилищную стратификацию в веберианской логике различий доступа к ресурсам, то Р. Транжан рассматривает рынок жилья как арену классовой эксплуатации и политического конфликта. Однако оба подхода сходятся в одном — признании того, что жилищная сфера формирует собственную систему неравенств, устойчивую и воспроизводящуюся независимо от рынка труда.

Таким образом, книга Р. Транжана будет полезна широкому кругу российских читателей — прежде всего тем, кто занимается жилищной проблематикой в теории и на практике. На теоретическом уровне работа будет интересна урбанистам, социологам, исследователям социальной политики и политэкономии, поскольку возвращает в центр анализа категорию «класса» и демонстрирует, как эксплуатационная логика присвоения ренты формирует жилищное неравенство. Для специалистов в области социальной и жилищной политики книга ценна тем, что переводит дискуссию с «технических» мер на вопросы перераспределения власти и функционирования жилищных институтов. Практическая ориентация книги делает ее также полезной для общественных активистов, профсоюзов и правозащитных организаций. Наконец, в сфере высшего образования книга может служить хорошим кейсом для обсуждения пересечения классового анализа и жилищных практик Канады в программах магистратуры и аспирантуры, что особенно актуально в условиях нарастающего жилищного неравенства и дискуссий о реформе арендного сектора в России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинцев Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента, Новосибирский государственный технический университет.
Телефон: +7 (383) 346-20-45. **Электронная почта:** denlity@inbox.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 201–207. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.11**

Review

DENIS B. LITVINTSEV¹

¹ Novosibirsk State Technical University.
20, K. Marx avenue, 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

FROM HOUSING STRATIFICATION TO CLASS EXPLOITATION: RICARDO TRANJAN'S "THE TENANT CLASS" IN LIGHT OF THE HOUSING CLASS THEORY OF J. REX AND R. MOORE

Abstract. The article reviews Ricardo Tranjan's book *The Tenant Class* (2023), which examines housing inequality and class relations within the rental housing market. The study aligns with current developments in Canadian housing sociology, a field that is undergoing a period of active institutionalization and theoretical renewal. Tranjan advances the Marxist political economy tradition, conceptualizing tenants as a social class subjected to economic exploitation by landlords, and argues that Canada's so-called housing crisis is not an accidental phenomenon but a stable system of power and income redistribution. The review notes that, despite the book's conceptual proximity to the housing class theory of J. Rex and R. Moore, Tranjan does not explicitly engage with their framework, limiting his analysis to the categories of class struggle and exploitation. This narrows the book's theoretical depth but enhances its political relevance and public resonance. The work is regarded as an important contribution to housing sociology, reintroducing the notion of "class" into both academic and public discourse and uncovering the political foundations of housing inequality. The book may be of interest to sociologists, scholars of social policy and urban studies, as well as educators and housing activists concerned with issues of affordability and tenant organizing.

Keywords: sociology of housing; housing policy; housing inequality; housing stratification; housing classes; tenant class.

For citation: Litvintsev, D.B. From Housing Stratification to Class Exploitation: Ricardo Tranjan's "The Tenant Class" in Light of the Housing Class Theory of J. Rex and R. Moore. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 201–207. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.11](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.11)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Litvintsev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Management, Novosibirsk State Technical University. **Phone:** +7 (383) 346-20-45. **E-mail:** denlitv@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Литвинцев Д.Б.* Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации 2023. Исследовательский кластер: жилищная социология // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. Т. 649. № 1. С. 119–126. DOI: [10.31857/S2686673024010098](https://doi.org/10.31857/S2686673024010098) EDN: **BUPNRK**
Litvintsev D.B. The Annual Canadian Sociological Association Conference 2023. Research Cluster: Sociology of Housing. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. Vol. 649. No. 1. P. 119–126. DOI: [10.31857/S2686673024010098](https://doi.org/10.31857/S2686673024010098)
2. Ackermann J. Landlords, Tenants, and the Housing Crisis That isn't are Explored in a Provocative New Book the Tenant Class. *CityNews Vancouver*. May 7, 2023. Accessed 03.10.2025. URL: <https://vancouver.citynews.ca/2023/05/07/landlords-housing-crisis-tenant-class-book/>
3. Buhler S. The Tenant Class by Ricardo Tranjan. Between the Lines, 2023. *Engaged Scholar Journal: Community-Engaged Research, Teaching, and Learning*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 139–141. DOI: [10.15402/esj.v10i2.70857](https://doi.org/10.15402/esj.v10i2.70857)
4. Gonzales H. The Tenant Class: Landlords and Renters. *Alberta Views*. November 1, 2023. Accessed 03.10.2025. URL: <https://albertaviews.ca/the-tenant-class/>
5. Harris R. The Tenant Class by Ricardo Tranjan, Toronto: Between the Lines. 2023. 144 p. *Canadian Geographies*. 2023. Vol. 67. No. 4. P. 45–46. DOI: [10.1111/cag.12873](https://doi.org/10.1111/cag.12873)
6. Raza R. The Housing Crisis Is Class War. *Jacobin*. June 18, 2023. Accessed 03.10.2025. URL: <https://jacobin.com/2023/06/the-tenant-class-ricardo-tranjan-book-review-housing-crisis-class-conflict-organizing>
7. Rex J., Moore R.S. *Race, Community and Conflict: A Study of Sparkbrook*. L.: Published for the Institute of Race Relations by Oxford University Press, 1967. 304 p.
8. Tranjan R. *The Tenant Class*. Toronto: Between the Lines, 2023. 144 p.
9. Vickers S. Review of The Tenant Class, by Ricardo Tranjan. *Urban History Review*. 2024. Vol. 52. No. 1. P. 254–255. DOI: [10.3138/uhr-02-2024-08](https://doi.org/10.3138/uhr-02-2024-08)
10. Whitzman C. Book Review: Ricardo Tranjan, The Tenant Class. *Spacing*. August 15, 2023. Accessed 03.10.2025. URL: <https://spacing.ca/national/2023/08/15/book-review-ricardo-tranjan-the-tenant-class/>

Статья поступила в редакцию: 07.10.2025; поступила после рецензирования и доработки: 05.11.2025; принята к публикации: 07.11.2025.

Received: 07.10.2025; revised after review: 05.11.2025; accepted for publication: 07.11.2025.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2025 ГОДУ

Том 31. № 1. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1 EDN: YAAACJ

Том 31. № 2. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2 EDN: KPSMZI

Том 31. № 3. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3 EDN: YTQONM

Том 31. № 4. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4 EDN: ZHPVRA

Том 31,
номер Стр.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М.В. Масловский

Цивилизационный анализ, теории множественных модернов
и модели глобализации № 1 9–24

М.Ф. Черныш

Категоризация как одна из форм теоретизирования
в социологии № 2 9–28

К юбилею М.Ф. Черныша

М.Ф. Черныш

Коллективная память, ее структура
и культурные предпосылки № 3 9–23

Д.В. Иванов, Н.С. Соловьев

Концепт «креативный город»:
адаптация и развитие в российском контексте № 3 24–38

А.В. Резаев, А.М. Степанов, Н.Д. Трегубова

Между позитивизмом и релятивизмом:
место сравнительно-исторической социологии
в структуре социального знания № 4 12–30

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Симакова, А.О. Аверьянов,

И.С. Степусь, Е.А. Хомеева

Северная идентичность как фактор сдерживания
миграционных установок молодежи № 1 25–46

Арктической зоны России

А.М. Алмакаева, Е.А. Настина, А.В. Догузов

Динамика счастья и удовлетворенности жизнью
в условиях экзогенных шоков № 2 29–50

А.В. Андреенкова, Н.С. Воронина

Социальные последствия географической мобильности
в жизненном пути россиян № 3 39–62

А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, Д.А. Третьяков

Междисциплинарный опыт исследования письменной коммуникации скулшутеров для выявления маркеров предупреждающего поведения

№ 3 63–86

А.Н. Щербак

«Локальная» или «глобальная»? Тестирование детерминант экологической культуры в России

№ 4 31–49

С.В. Коржук

Трудовая и профессиональная реализация людей с инвалидностью: институциональные ограничения и индивидуальные решения

№ 4 50–68

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

А.А. Поплавская

Гибкая организация труда как желаемое будущее

№ 2 79–95

или туманная перспектива:

дилеммы работающих российских студентов

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Т.И. Горина, З.Е. Дорофеева, О.Д. Натсак

Субъективное благополучие женщин

№ 1 47–72

из полных и неполных семей

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

И.Г. Дежина

«Академические переселенцы»:

№ 4 87–110

российские ученые в США после 2022 года

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Т.Ю. Черкашина

Неравенство российских домохозяйств

№ 2 51–78

по жилищному богатству: уровень и динамика

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

Поколения образовательных общностей вузов:

№ 3 143–170

социологическая интерпретация феномена

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Е.А. Колосова, С.Д. Лебедев, С.Н. Майорова-Щеглова

Событийный аспект религиозной социализации детей в современной России

№ 4 111–127

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

И.А. Савельев

Полисубъектность как категория социологии управления

№ 2 96–110

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Памяти Л.М. Дробижевой

Ю.В. Попков

Об актуальных проблемах этносоциологии:
осмысляя идейное наследие Л.М. Дробижевой

№ 3 87–99

С.В. Рыжова

И российская, и этническая: консолидирующий потенциал
сдвоенной идентичности

№ 4 69–86

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

Р.А. Щербаков

Риски цифровизации: систематизация научного поля

№ 1 73–91

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А.В. Аганова, И.В. Катерный

Моральный статус искусственного интеллекта:
в поисках социологической перспективы

№ 1 92–109

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Н.А. Шматко, Ю.В. Маркова

«Социальное пространство» П. Бурдье:
история конструирования понятия

№ 1 110–123

Н.А. Шматко, Ю.В. Маркова

Социальное и символическое пространства
в социологии П. Бурдье

№ 2 111–128

И.А. Шмерлина

Методологические перспективы
социальной онтологии С.Л. Франка

№ 3 139–163

А.Н. Малинкин

Социально-антропологический аспект «логической
социологии» А.А. Зиновьева: реконструкция и анализ

№ 4 128–145

Л.А. Козлова

Задачи социального познания во второй половине XIX в.:
«программа» К.Д. Кавелина

№ 4 146–174

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

Н.Л. Русинова, В.В. Сафонов

Контекстные модерации возрастных и статусных
неравенств в доступе к медицинской помощи

№ 3 120–138

ЭССЕ

В.В. Зябриков, И.Б. Микиртумов

Соревновательная креативность на месте установок
индивидуализма и коллективизма

№ 4 175–191

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Корытникова

Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова:
методологические принципы

№ 1 124–139

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

К методологии междисциплинарного исследования
биографии социальной общности

№ 1 140–160

Н.В. Корытникова

Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова:
организационные и методические приемы

№ 3 164–181

К 80-ЛЕТИЮ Л.Г. ИОНИНА (1945–2024)

Л.Г. Ионин

Диффузные формы социальности
(к антропологии культуры)

№ 2 129–156

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ГОРШКОВ (29.12.1950 – 24.11.2025)

№ 4 9–11

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Д.Б. Литвинцев

Жилищная прекарность как социологическая проблема.
Рецензия на книгу “Precarious Housing in Europe:
a Critical Guide” под редакцией Р. Мюнх, А. Зиде

№ 1 161–167

Е.Е. Тарандо, М.В. Рубцова, Л.Н. Липатова

Секция кафедры экономической социологии СПбГУ
на IX Санкт-Петербургском международном форуме труда
(2–4 апреля 2025 г.)

№ 2 167–178

В.И. Ильин

Малая родина как социологическая категория.
Размышления над книгой: Боронев А.О., Тхакаков В.Х.,
Миронов Д.В. Феномен малой родины и проблемы
конструирования гражданской идентичности. СПб.:
Астерион, 2024

№ 4 192–200

Д.Б. Литвинцев

От жилищной стратификации к классовой эксплуатации:
книга R. Tranjan “The Tenant Class”
в свете теории жилищных классов Дж. Рекса и Р. Мура

№ 4 201–207

АРХИВ

Б.З. Докторов

Захар Файнбург: «Иначе жить я не хочу, не могу, не умею»

№ 2 157–166

Указатель материалов, опубликованных в 2025 году

№ 4

Содержание на английском языке

Во всех
номерах 7–8

XXVI АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ Е.Г. ЯСИНА

Уважаемые коллеги!

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» открывает прием заявок с докладом на участие в **XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е.Г. Ясина (XXVI АМНК)**.

Мероприятия XXVI АМНК состоятся в Москве **с 14 по 17 апреля 2026 г.**
На конференции будут представлены следующие тематические секции.

В рамках научной темы «Экономика»:

- Макроэкономика и макроэкономический рост;
- Методология экономической науки;
- Теоретическая экономика;
- Фирмы и рынки;
- Финансы и банки.

В рамках научной темы «Человеческий капитал и общество»:

- Социальная политика и здравоохранение;
- Демография и рынки труда;
- Политические процессы;
- Социология;
- Психология.

В рамках научной темы «Инструментальные методы и модели»:

- Инструментальные методы в экономических и социальных исследованиях;
- Менеджмент.

В рамках научной темы «Форсайт исследования»:

- Сценарии развития России в условиях динамично меняющейся внешней конъюнктуры;
- Новые методы и модели научно-технологического и социально-экономического прогнозирования;
- Международный симпозиум «Форсайт в быстро меняющемся мире».

В рамках научной темы «Международные исследования»:

- Международные отношения;
- Мировая экономика;
- Востоковедение.

Подать заявку на участие в качестве слушателя можно: для граждан РФ – **до 2 апреля 2026 г.**, для граждан иностранных государств – **до 2 марта 2026 г.** Более подробная информация размещена в разделе [«Слушателям»](#).

Мероприятия конференции пройдут на русском или английском языке, в отдельных случаях на двух языках с синхронным переводом.

Конференция будет проводиться преимущественно в очном формате. Программный комитет оставляет за собой право в исключительных случаях включать в программу докладчиков и слушателей в онлайн-формате.

Оплата регистрационного взноса

Для докладчиков и слушателей конференции сумма регистрационного взноса составляет **3 000 рублей**.

От уплаты регистрационного взноса освобождаются:

- студенты и аспиранты российских вузов, а также зарубежных партнерских вузов НИУ ВШЭ (при предъявлении студенческого билета и прохождении регистрации в системе и на площадке);
- сотрудники НИУ ВШЭ (при предоставлении карточки сотрудника и прохождении регистрации в системе и на площадке);
- участники, специально приглашенные Программным комитетом конференции (в том числе почетные научные докладчики, эксперты, модераторы, спикеры научных круглых столов, дискуссанты и другие приглашенные и почетные гости конференции, партнеры).

Оплатить регистрационный взнос можно в [личном кабинете](#) системы конференции НИУ ВШЭ **до 9 апреля 2026 г.**

Подробная информация об условиях оплаты регистрационного взноса представлена в разделе [«Оплата участия»](#).

Подробная информация о мероприятии размещена на [официальном сайте конференции](#).

XXVI APRIL INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE NAMED AFTER EVGENY YASIN AT HSE UNIVERSITY

Dear colleagues!

National Research University Higher School of Economics (HSE University) is pleased to announce this Call for Papers for applications to present scholarly reports at the **XXVI April International Academic Conference named after Evgeny Yasin** (XXVI April Conference).

The XXVI April Conference is scheduled to take place in Moscow on **April 14–17, 2026**.

The Conference programme will focus on the following thematic sections.

Economics:

- Macroeconomics and Economic Growth;
- Methodology of Economic Sciences;
- Theoretical Economics;
- Firms and Markets;
- Finance and Banking.

Human Capital and Society:

- Social Policy and Healthcare;
- The Demographics of Labour Markets;
- The Political Process;
- Sociology;
- Psychology.

Instrumental Methods and Models:

- Instrumental Methods in Economic and Social Research;
- Management.

Foresight Research:

- Russia's Growth Scenarios Amid a Rapidly Changing External Environment;
- New Models and Methods for Technological and Socioeconomic Forecasting;
- International Symposium on "Foresight Research Amid Rapid Global Change."

International Research:

- International Relations;
- The World Economy;
- Asian and African Studies.

Russian citizens wishing to participate in the Conference as an attendee, without presenting a report, should submit their applications **by April 2, 2026**. Foreign citizens who wish to attend without presenting a report must apply **by March 2, 2026**. Please note that the Programme Committee will have sole discretion to determine the final composition of Conference participants, including non-speaking attendees. See the "[Participants](#)" section of the Conference website for more information.

Events on the Conference programme will be held either in Russian or in English. Certain discussion sessions will be conducted in a bilingual format with simultaneous (conference) interpretation provided.

The Conference will be conducted primarily in a face-to-face format. However, in exceptional cases, the Programme Committee will have the sole prerogative to permit certain speakers and attendees to participate in a virtual, online format.

Payment of registration fees

The Conference registration fee is RUB 3,000 for both presenters and attendees.

See the "[Conference Fees](#)" tab in the "[Participants](#)" section of the Conference website for detailed information.

The following participants will be exempt from the registration fee:

- Undergraduate and PhD students enrolled at Russian Universities, as well as the students of foreign partners of HSE University (upon presentation of their student ID and completing the registration process both in the system and onsite);
- HSE University staff members (upon presentation of their employee ID and completing the registration process both in the system and onsite);
- Participants who have received special personal invitations from the Conference Programme Committee, including honorary academic presenters, experts, moderators, roundtable speakers, discussion participants, and other special Conference invitees, honoured guests, and partners.

Registration fees must be paid:

for presenters by March 20, 2026.

for attendees by April 9, 2026.

Коррективы авторов к статье, опубликованной в номере 3 за 2024 год

В № 3 «Социологического журнала» за 2024 год была опубликована наша статья: *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В.* Причины досрочного прекращения интервью по инициативе респондента в массовых всероссийских опросах на тему российско-украинского конфликта // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.2.

Среди прочих результатов исследования в статье приведены распределение причин прерывания интервью по блокам вопросов и соотношение устранимых и неустранимых причин (с. 31, 51, 56 и 58, таблицы 2 и 3). Эти соотношения и распределения содержат ошибки, допущенные из-за систематического смещения выборки прослушанных интервью.

Статья написана на основе 538 прослушанных аудиозаписей интервью из 888 всех прерванных. Однако при выгрузке аудиозаписей допущена ошибка: они выгружены не по времени проведения интервью, а по итоговым статусам контакта, в результате чего интервью с одним и тем же статусом шли подряд (сначала со статусом «перезвон», затем «перенос», потом «прервано» и т. д.).

В итоге прослушивания подряд такого списка из 538 интервью, содержавшего смещения по статусам контактов, в числе прослушанных оказались все прерванные интервью со статусом «перезвон» и лишь несколько со статусом «жесткий отказ», которые находились в той части списка, которая не была прослушана на этапе исследования 2024 года. Результатом стало систематическое смещение причин прерывания от нежелания обсуждать тему к техническим неполадкам.

Узнав об этой проблеме, мы переслушали все 888 прерванных интервью и перекодировали все причины прерываний. В результате соотношение причин прерываний должно быть следующим:

Таблица

Распределение причин прерываний

Причина прерывания	Доля причины среди всех прерванных, %
Неустранимые причины прерываний	
Нежелание обсуждать тему	22
Технические неполадки	23
Занятость респондента	17
Неактуальность темы	16
Вмешательство третьих лиц	3
Устранимые причины прерываний	
Длина анкеты	5
Формулировки вопросов	7
Поведение интервьюера	4
Остальные	
Другое	4

Таким образом, как показано в таблице, соотношение прерванных интервью по устранимым и неустранимым причинам составило 16% к 80% (141 к 712), а не 13% к 87%. Исходя из этого, данные таблиц 2 и 3 статьи, показывающие соотношение прерванных интервью по устранимым и неустранимым причинам как 13% к 87% (с. 31, 51, 56 и 58), а также вывод о технических неполадках как о главной причине прерываний интервью (с. 55) являются ошибочными.

Приносим читателям глубочайшие извинения за допущенные ошибки.

В.Б. Звоновский, А.В. Ходыкин, А.В. Раскевич

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 89247 от 24.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, «Белый список» научных журналов – первый уровень,
перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, RSCI, ERIH PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.

Все права сохраняются.

Сетевой журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228
- на сайте РЦНИ: <https://journals.rcsi.science/1562-2495>

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2025. Том 31. № 4. Дата выхода в свет 29.12.2025.

Адрес редакции: 117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru